

К 74.0
П 60
К-60155

К.П. Портнов

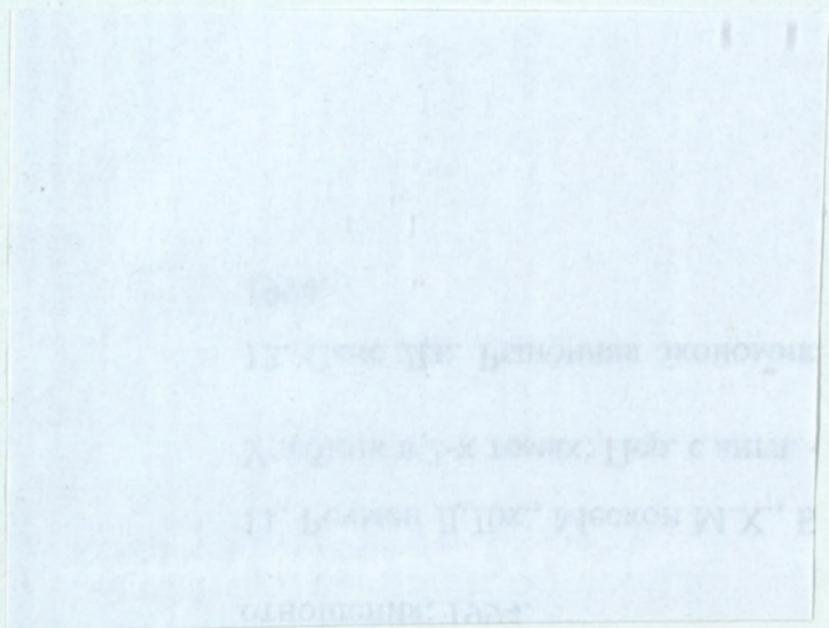


**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н.В. НИКОЛЬСКОГО**

Национальная библиотека ЧР



k-060155



куп
К74.0
П60
Августовский Экз
C 180
BPK BAKS POC
ADU 821.1813

К.П. Портнов

куп

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н.В. НИКОЛЬСКОГО**

Чебоксары – 2008

74.03(2 Рос. Чув) 52 - 218 Никольский Н. В. 2
К 74.03 Дарственный экз. Чув. Н. В.

УДК 821. 161.1
ББК 84(2 Рос = Чув) 6 - 4
С 160

Научный редактор
профессор,
доктор педагогических наук Т. Н. Петрова

Портнов К. П.
Просветительская и педагогическая деятельность Н. В. Никольского. – Чебоксары: «Чувашский мир», 2008. – 184 с.

К-60155
Национальная библиотека
Чувашской Республики

© Портнов К.П., 2008
© «Чувашский мир», 2008



Н.В. Никольский

Слово первого читателя

(вместо благословения)

Создается такое впечатление, как будто игнорируются и предаются забвению имена, составляющие славу и гордость России. Более того, целенаправленно извращается история, сознательно нарушается объективность в оценках великих событий, великих людей, великих идей. Что такое воспитание? Пример и любовь!.. На каких примерах воспитывать современную молодежь? В настоящее время кого из исторических личностей хотя бы уважать, допустим, если не любить? Что же с нами будет в скором времени, если и дальше мы будем продолжать идти по тому же пути грубейших извращений исторической правды?

Пусть мы спорим и никак не можем договориться, прийти к единому мнению о современниках, давайте хотя бы обернемся назад и с благодарностью вспомним священные имена великих и их добрые дела, восстановив светлую память о них.

Для чувашского, марийского, русского, хакасского и других народов России заслуживают особенного внимания имя и дела Николая Васильевича Никольского, выдающегося ученого, организатора образования, талантливого журналиста, культуролога, просветителя, существенно обогатившего этнопедагогические традиции родного народа.

В чем состоит особенная ценность настоящей монографии? Попробуем обоснованно показать, даже доказать это.

Во-первых, многие педагогические исследования обезлюдилась, они безлики и нет в них крупных личностей. В одно время академик А.И. Пискунов настойчиво выступал против персоналий в историко-педагогических работах, в том числе и диссертациях. Потому-то они стали не только безликими, но и бездушными. Надо бы возвращаться к личностям, следовало бы обращаться к их личному примеру. Чем же нам вдохновляться, чем жить, чем дышать в этой обстановке формализованного убожества? Когда я дал Н.Г. Краснову тему о К.В. Иванове, многие большие чувашские умы были против. Дорогу к Яковлеву Н.Г. Краснову открыл К.В. Иванов, самая светлая, самая яркая личность в истории нашей культуры (конечно, не только литературы). У И.В. Воробьевой диссертация о Н.М. Охотникове явилась событийной. К чему веду речь? К тому, что в актуализации темы исследования следует вести речь о крупных личностях, важных событиях, новых идеях.

Во-вторых, личность Н.В. Никольского до последнего времени почти замалчивалась. С грустью, тоскою и печалью я вспоминаю празднование 80-летия Н.В. Никольского. Руководство республики принимало формальное участие. Великий ученый был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета. Тем не менее,

на его чествование собрались все выдающиеся ученые того времени со всей страны. Среди его учеников, последователей были весьма достойные люди, а негодяи, подлецы отходили от него сами, естественным образом. Ах, как мне неловко перед памятью этого удивительного человека (из-за незаслуженного повышенного внимания ко мне).

В третьих, Н.В. Никольский – очень крупная личность, истинный талант, человек-легенда. Мы, относительно молодые национальные патриоты того времени, к нему относились с восхищением, благодарностью, гордостью. Вообще, надо сказать, что мы в то время были окружены бескорыстными, чистыми, высоконравственными и умными людьми.

В-четвертых, Н.В. Никольский, русский по матери, подвергался гонениям и травле, дважды аресту как чувашский буржуазный националист. Вероятно, и жену, Александру Владимировну, можно было бы арестовать: будучи русской, говорила, читала, писала по-чувашски, пела чувашские песни, танцевала чувашские танцы, носила чувашские платья (одежду, костюмы), как и Ольга Алексеевна Яковлева (внучка Ивана Яковлевича).

В-пятых, пример судьбы, поведения, нравственного облика Н.В. Никольского естественным образом подвели меня к мысли о том, что межнациональные отношения в наше время не знали никакого напряжения. Я, например, при максимальной мобилизации памяти не припомню ни одного случая, чтобы меня кто-либо как-либо ущемил по национальному признаку (особенно поразительно в этом отношении мое избрание в Академию, которое до сих пор я не в состоянии по достоинству оценить). В настоящее время обстановка заметно изменяется.

Итак, каков мой вывод?

Тема монографии гораздо более актуальна, чем полагает, по скромности своей, сам автор. Во-первых, громадностью исторической фигуры, во-вторых, невероятным многообразием деятельности (кому еще в мире удавалось открыть консерваторию и шесть учительских семинарий), попутно тут же, сразу хочу подчеркнуть, что наследие истинно великих людей явно имеет этнопедагогическую ориентацию, в-третьих, фондом, созданным ученым, невероятно богатым фондом (без него не было бы никакой и ничьей этнопедагогики), в-четвертых, смелым утверждением престижности употребления чувашского языка, в-пятых, культивированием высокого уровня народной, национальной духовности, исключительной порядочностью, в-шестых, верностью, доходящей до святости, идеалам юности (У меня «Другим уже не буду» – от него и подкреплено Варлаамом Шаламовым), в-седьмых, кристальной чистотой Н.В. Никольского, его нравственным бессмертием (очень много умерло духовно, профессионально и даже интеллектуально – в последнее двадцатиле-

тие – людей, слабых духом, став рабами «желтого» дьявола (предостережение Константина Иванова!) или утонуло в чудовищном пьянстве, разгуле, разврате).

Остановлюсь на наиболее значимых достижениях К.П. Портнова, на основных его удачах, находках, успехах в аналитическом представлении бесценного, быть может, великого наследия Н.В. Никольского. Очень коротко отмечу это по порядку:

а) впервые К.П. Портновым наиболее полно введены в научный оборот архив и фонд Н.В. Никольского, что требовало кропотливой работы и добросовестного отношения к анализу источников;

б) радуется привлечение оценочных суждений целого ряда крупных зарубежных ученых; вообще чувашское, как ни странно, до сих пор более высоко ценится нечувашами, чем самими чувашами. Н.В. Никольский был лишен возможности работать в полную силу на свой народ, любящий его, преданный ему, находясь в Татарстане, Марийской Республике... К изгнанникам с родины народ до сих пор относится с пониманием. «Поверь, отчизна там, где любят нас» Или еще: «Изгнанием из страны родной, хвались повсюду как свободой». Н.В. Никольский со своим богатым наследием постоянно начал возвышаться в Чувашии, начиная со столетнего юбилея. К сожалению, мы мертвых любим больше, чем живых;

в) газета Н.В. Никольского «Хыпар» отличается последовательно педагогической, более того, этнопедагогической ориентацией; его газета, действительно, без преувеличения, выступает как коллективный педагогический агитатор и пропагандист, как организатор дела проведения школьного образования. К.П. Портнов сделал большое дело, сумев глубоко проанализировать эту газету. Однако тема не исчерпана, на тему этнопедагогики «Хыпара» возможно уникальное монографическое исследование;

г) в своей книге К.П. Портнов раскрывает роль родного языка в духовно-нравственном развитии личности, очень убедительна теорией содержательный диалог Н.В. Никольского с К.Д. Ушинским; действительно, их идеи близки и по духу, и по общему настрою, и по содержанию;

д) в книге раскрывается значение просветительно-педагогического наследия Н.В. Никольского в подъеме культуры и образования многих народов России;

е) в работе К.П. Портнова отлично показано значение устного народного творческого и в этнопедагогике, и в практике воспитания;

ж) верю, что работа К.П. Портнова может оказать серьезную помощь школьному образованию и семейному воспитанию, причем по многим аспектам (формирование духовности, нравственное воспитание, стимулирование общинности-коллективности, народно-национальные методы, приемы, формы воспитания этнокультурной личности, пословицы как этнопедагогические миниатюры и др.).

Все это сильно и убедительно представлено в книге.

Автору удалось заметно продвинуться вперед по пути, проложенному В.Д. Димитриевым и А.П. Леонтьевым, он нашел как бы свою дорогу, свой подход к наследию гения.

Следующее серьезное монографическое исследование, которое я завещаю талантливому человеку и благословляю его на это – «Просветительно-педагогическая система Н.В. Никольского». Необходимо бы иметь в виду, что «просветительная» по смыслу сильнее, чем «просветительская». То, что я предлагаю, нужно делать без карьеристских расчетов, а для восстановления исторической справедливости, для возрождения созидательных идей великого человека, для его воскрешения – пусть поднимется его душа на небо, и витает она среди других великих родственных душ: там много у него верных друзей.

Читателю следует обстоятельно познакомиться с настоящей книгой К.П. Портнова, потому что она стоит этого, как работа, редкая для нашего времени, самое главное и характерное – близкая к заслуживающим отличной оценки (по вкладу в науку, но не по оформлению). К.П. Портнов в своей книге проявляет себя как цельная личность – у него есть основания, моральное право писать о такой многосторонней личности как Николай Васильевич Никольский: им поддерживаются школы и учреждения культуры в диаспоре, он основатель одной из литературных газет, достойно реализующий традиции Н.В. Никольского. Единство слова и дела – нынче крайняя редкость. Таким образом, он подражает своему герою и вносит сильный вклад в продолжение и развитие его святого дела.

*Заслуженный деятель науки РФ,
академик Академии педагогических наук СССР (РАО) Г.Н. Волков*

ВВЕДЕНИЕ

Просвещение и воспитание, педагогическая мысль в становлении человека, развитии общества, укреплении государства нецензируемы. Именно они являются источниками добра, света, человеческого счастья и благополучия.

Быстрыми темпами внедряются высокие технологии, изо дня в день растет уровень жизни людей. В таком высокоуровневом жизненном процессе, кажется, не должно быть места для таких чуждых человечеству явлений, как преступность, терроризм, наркомания... Зло не только распространяется, но и наступает.

«Смута затронула главное – дух российского народа. Подрыв духовной основы общества и дрящущая годами неопределенность превратилась в орудие разрушения. Даже высокий уровень жизни в условиях бездуховности счастья не приносит, более того – приводит и отдельного человека, и цивилизации на край гибели». Эти слова Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова нас заставляют вновь и вновь задуматься. Почему зло наступает? Один из основных причин этого – коренное изменение в системе ценностей. Извечные ценности или нивелируются, или вовсе отвергаются. Почему это происходит? В чем причина? Здесь невозможно не согласиться с академиком Б.Т. Лихачевым. Он указывает на непонимание происходящего людьми, взявшимися за удовлетворение образовательно-воспитательных потребностей: «эти люди направили ее по пути замещения... концепций и образовательных структур, чуждых опыту народной, национальной образовательно-воспитательной педагогической мысли и деятельности». Суть в том, что мы не хотим или не умеем пользоваться большими возможностями народной педагогики, именно той спасательной силы, в которой нуждается общество, человечество. Из поколения в поколение народ передает свой общественный и социальный опыт, духовное богатство, как дань старшего поколения младшему, создавая тем самым нецензируемую ценную историю материальной и духовной культуры общества. Преемственность дает возможность новым поколениям вобрать в себя и развивать все лучшее, что было создано предшествующей историей нации и всего человечества, обогатить в новых условиях многообразия духовных ценностей общества. В этом историческом процессе народ не только сила, выступающая первым создателем материальных благ, но и единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, народ первый по времени, самобытности, талантности: он наилучший педагог и воспитатель. «Степень цивилизованности людей и народов можно измерить тем, насколько активно они противостоят процессу исчезновения ценных народных традиций, насколько направлены они ищут способы сохранения и возрождения утраченных сокровищ. Только возрождение тради-

ций может приостановить губительный процесс духовных потерь, деградации».

В условиях нестабильности поиск эффективных путей обучения и воспитания принимает характер особой необходимости. Разрабатываются национальные проекты, национально-региональные образовательные программы, как: «Национальная доктрина развития образования в Российской Федерации», «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», Национальный проект России «Образование», «Стратегия развития образования в Чувашской республике» (2008) и другие. «Система образования призвана обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России». Обращение к историческому опыту, прогрессивным традициям народного воспитания, творческому наследию видных деятелей национального просвещения, литературы и искусства способствуют подъему духовно-нравственной культуры каждого этноса, возрождению. Сохранению и развитию на этой основе вечных духовно-педагогических ценностей народа.

Особую ценность для нашего исследования имеют фундаментальные труды Г.Н. Волкова, убедительно и доказательно раскрывающие духовно-педагогические ценности народа, ясно указывают пути возрождения, сохранения и развития этноса, народа, в конечном счете, государства. Одним из важных источников исследовательской базы науки этнопедагогике, основанных Г.Н. Волковым, стали собранные Н.В. Никольским многотомные богатые этнографические материалы и его труды. Н.В. Никольский скрупулезно и тщательно выявлял источники, собирал, сохранял все свидетельства проявления творческого духа чувашской нации. Недаром он постоянно подготавливал и публиковал программы для собирания сведения о чувашах, об инородцах Поволжья (1904, 1911, 1913, 1916, 1919). Он координировал и направлял обширную сеть своих корреспондентов из грамотных крестьян, учителей, священников, служащих, учащихся, которые записывали материал по его анкетам и вопросникам. На протяжении многих лет он и сам вел полевые наблюдения, изучал самые различные архивы, собственноручно делал сотни, тысячи выписок.

На основе этого материала сложился уникальный рукописный фонд Н.В. Никольского, который, по подсчетам Е.С. Сидоровой, насчитывает 260 томов, и большая часть этого фонда хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Фонд Никольского является хранилищем оригиналов и копий исторических документов, этнографических, фольклорных и лингвистических полевых материалов, источников смешанного характера, документов по истории христианизации чувашей и инород-

ческого просвещения, текстов (рукописных списков) литературных произведений. Научное наследие Н.В. Никольского в целом и его рукописное собрание в частности «драгоценнейшая культурная сокровищница чувашского народа» (эстонский фольклорист, профессор Вальтер Андерсон).

Имя выдающегося деятеля чувашского просвещения и педагогики Н.В. Никольского на долгое время было предано забвению. Незаслуженно игнорировалось имя Никольского в монографиях видных чувашских ученых, хотя его научный авторитет и заслуги были выше других исследователей и деятелей дореволюционного и послереволюционного времени. Существовало некое табу на его имя. Исследователь Е.С. Сидорова подчеркивает, что «только в конце 1980-х годов стало возможно открыто говорить и писать о притеснениях Н.В. Никольского, о создании нетворческой обстановки вокруг первого профессионального ученого-этнографа».

Хотя и с опозданием, наследие Н.В. Никольского начало возвращаться к народу. Вышли в свет два тома четырехтомного собрания Н.В. Никольского. Широко отмечалось 125-летие со дня рождения просветителя чувашского народа. Проспекту в г. Чебоксары, Чебоксарскому педагогическому колледжу, МОУ "Сосновская общеобразовательная школа" Моргаушского района Чувашской Республики присвоено имя Н.В. Никольского.

Как отмечает исследователь Г.Б. Матвеев «Наследие Никольского само есть школа».

Н.В. Никольский – историк, этнограф, фольклорист, лексикограф, языковед, журналист, редактор, издатель, переводчик, музыковед, исследователь медицины, статистик, краевед, архивист, экономист, агроном, просветитель, педагог, основатель учебных заведений, общественный деятель, администратор, руководитель государственного аппарата... Этот список можно продолжать и продолжать. В Поволжье не было человека, подобно Никольского, с таким же широким кругозором, глубочайшими знаниями, своим умом «вспахавшего и засеявшего» все поле гуманитарных и других наук и участвовавшего во всех процессах передовой мысли и дел того времени. С твердой уверенностью можно назвать Н.В. Никольского чувашским Ломоносовым. Но здесь стоит вспомнить его же слова в исследовании «Этнография чуваш»: «Нельзя одному и тому лицу быть спецом по всем вопросам, а лучше сосредоточиться на одном каком-либо вопросе...» На чем «сосредоточился» сам Н.В. Никольский? Что было главным в его жизни? Что он имел в виду во сне, увиденным им перед смертью: «Стою на луне. Правой рукой, точно портфель, держу земной шар. Никто не посмеет обвинить меня в ленисти». – Просвещение чувашского народа! Грамотность, обучение, знание. Это и азы букваря, это и знание прошлого народа, это и медицина, музыка, ведение хозяйства и другое, которые «толкнули»

его на выпуск первой чувашской газеты, словарей, книг, возглавить национальное движение, согласиться управлять земской управой и собирать, собирать материалы, все, что касалось народного таланта, его истории, не смотря, где он находится, чем занят и в каких условиях живет. Он был твердо убежден: только грамотный и помнящий свою историю, сохраняющий традиции и духовные богатства народ будет чувствовать себя свободным, здоровым, счастливым и надеется на большое будущее. Жизнь и деятельность Н.В. Никольского мы должны рассматривать как просветителя и педагога чувашского народа. Наверное, и в этом вся причина замалчивания о Никольском. Мы привыкли или нас приучили к мысли, что у нас один просветитель чувашского народа – И.Я. Яковлев. Прав исследователь Никольского как редактора первой чувашской газеты «Хыпар» А.П. Леонтьев: «Угодив однажды в капкан идеологии, до сих пор не может разжать его стальные челюсти».

Гениальный русский поэт Велимир Хлебников (1885–1922) писал: «Истина раз но понимается поколениями. Понятие ее меняется у поколений, рожденных через 28 лет...» Между двумя великими историческими личностями – Иваном Яковлевичем Яковлевым (1848–1930) и Николаем Васильевичем Никольским (1878–1961) – пролегал разниц а в тридцать лет, и это, действительно, были люди разных поколений, разных этапов возрождения чувашского народа, которые отличались и типами своей деятельности и особенно ее результатами, и хотя оба как будто разделяли одно и тоже мировоззрение, имели сходные общественно-политические взгляды.

Период развития христианского просвещения и культуры чувашского народа с 1870 г. по начало XX века можно назвать «яковлевским». К началу вхождения Н.В. Никольским в этот же процесс просвещения и культурного самосознания «яковлевский» период уже завершился.

Деятельность Н.В. Никольского с самого начала отличалась большим разнообразием. Он преподавал чувашский язык, историю и этнографию чувашей, историю христианского просвещения инородцев Поволжья, подготавливал и редактировал самые различные брошюры и книги на чувашском языке, учебники и учебные пособия, был основателем, редактором и издателем первой чувашской газеты (1906) «Хыпар».

В своих работах («Народное образование у чуваш»; «Основы инородческого просвещения») Н.В. Никольский связывает успехи просвещения чувашей со 2-ой половины XIX века прежде всего с «народной школой», в которой средством обучения выступает родной язык. Он видит в этом условия для культурного и экономического подъема чувашей, мечтает о распространении среди них общечеловеческих ценностей, возможности обучения «высшим наукам» и т.д.

Родной язык в понимании Никольского есть не только средство, но и альфа и омега просвещения: «Все, что видели, что перечувствовали и передумали бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, который учится родному языку. Не условным знакам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родной груди родного слова. Родное слово – великий педагог, потому, что при усвоении слова родного языка мы усваем еще бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, логику и философию языка».

Н.В. Никольский был активным сторонником развивающего обучения, считал, что задача учителя заключается не только в том, чтобы давать детям лишь готовые знания, но и в том, чтобы научить их самостоятельно добывать эти знания: «Ведь самостоятельное отыскивание учениками доступных им научных идей, самостоятельное открытие того или иного научного положения взрослыми вообще имеет великую важность. Для ученика, например, который хоть один раз сам открыл что-нибудь новое, эта найденная им самим истина во сто крат дороже того, что сообщает учитель для заучивания наизусть».

Лучшим методом преподавания, по Н.В. Никольскому, является беседа преподавателя с детьми. Этот метод позволяет учителю заставлять учеников думать, рассуждать, анализировать и на основе уже имеющихся у них знаний делать выводы и обобщения. Особое внимание Н.В. Никольский обращал на язык учителя, доступный и образный. Но рассказ как метод является не очень совершенным, и поэтому им не следует злоупотреблять, предупреждал ученый-педагог. Строго определенных методов, приемлемых для преподавания, он не указывал, ибо обучение – это творческий процесс, и учитель сам волен выбирать те или иные методы в зависимости от тех или иных обстоятельств: «Школа – это безотрывное творчество; учитель – это художник, ученики – это дети, из которых художник творит истинных граждан».

Главная же задача, которая стоит перед школой – это воспитание хорошего человека, истинного гражданина. Чтобы эта цель была достигнута, нужно правильно организовать прежде всего, по мнению Н.В. Никольского, сам процесс обучения.

Окружающая ученика обстановка в школе должна быть доброжелательной и располагающей к активной деятельности. Отношения между учителем и учениками всегда должны оставаться дружественными («учитель – это отец или старший брат в школьной семье, друг детей»).

Н.В. Никольский очень много внимания уделяет проблеме организации преподавания на родном языке учащихся. Являясь активным сторонником системы Н.И. Ильминского, он считал, что первоначальное образование все народы должны получать на своем род-

ном языке: «Если детей начинать учить сразу несколькими языками или изолировать от родной среды и обучать чужому языку, то такие дети будут лишены характера и творческой силы. Над ними совершается психическое убийство». Начальное обучение поэтому обязательно должно осуществляться на родном языке учащегося. Другим важным условием является наличие педагогов, принадлежащих по духу и крови к той народности, для которой они трудятся, то есть учитель и ученик должны быть одной национальности, так как «учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени». При этом следует учитывать то, что деятели инородческого просвещения, должны подготавливаться в специальных школах, которые в свою задачу включают идеи инородческого просвещения, и они должны быть типа Симбирской чувашской учительской семинарии. «В каждой такой семинарии должны преподаваться: язык данного племени, история и этнография соответствующего народа». При просвещении инородцев следует обращать внимание и на содержание знаний, сообщаемых им. Они должны быть практического характера и иметь непосредственное отношение к жизни и истории инородцев. В связи с этим Н.В. Никольский отмечает: «Самые науки, знания инородцами будут усваиваться охотнее лишь тогда, когда они будут построены на этнографической основе... Истинное образование инородца не должно порывать связь его со своим народом, целью образования должны быть: внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастье и вымирание».

Еще одним условием для успешного развития просвещения среди нерусских народов являлось наличие учебной литературы, написанной на родном языке той или иной народности. Особую помощь при выполнении этого условия должна оказывать переводческая деятельность. Н.В. Никольский ратовал за развитие внешкольного образования, которое «может осуществляться через организацию народных библиотек и читален, народных чтений и общедоступных лекций, а также через составление и издание брошюр познавательного характера, через устройство вечерних повторительных и воскресных классов для взрослого населения и через просветительский кинематограф». Выдвигал идею организации на селе Народных домов, которые должны являться центрами общественной жизни и развития народной самодеятельности местного населения.

Именно через внешкольное образование можно значительно повысить уровень культуры среди простых чувашских крестьян, для которых обучение в школе было уже не доступно из-за возраста или по причине ее отсутствия. Единственным источником знаний для этих людей являлись различные внешкольные мероприятия. В ор-

ганизуемых при каждом селении Народных домах устраивались бы различные народные чтения, просветительные лекции, образовательные выставки и разнообразные самодеятельные представления. Польза от этой просветительской деятельности была бы очень значительная. Н.В. Никольский отмечал значение театра на селе: «Театр является одним из лучших способов закрепления трезвости в деревне и заполнения народного досуга эстетическими, оставляющими глубокий след развлечениями».

Жизнь и деятельность Н.В. Никольского недостаточно исследована. Последнее время появились несколько работ о выдающемся деятеле чувашского народа. Но до сих пор не преданы глубокому изучению просветительская и педагогическая деятельность Никольского.

Всесторонний анализ и оценка этнографического фактического материала, аккумулированных в фонде Н.В. Никольского, так же этнопедагогических идей Н.В. Никольского должны восполнить пробел в изучении истории и развития просвещения, педагогической мысли, учебной практики школ разных уровней чувашского народа и народов Поволжья. Этой работой предполагается занять один из недостающих страниц народной педагогики, этнопедагогики. Книга представляется нам и практически значимой, поскольку в настоящее время, когда чуждые человечеству негативные явления приобрели немыслимый масштаб, проблемы воспитательного процесса стали наиважнейшими.

Этнопедагогические наследия Н.В. Никольского, как нам представляется, окажут здесь неоценимую помощь.

Источниковой базой книги послужили опубликованные и неопубликованные материалы: дореволюционная монографическая литература общепедагогического и историко-этнографического характера; дореволюционная центральная и местная общественно-политическая, педагогическая и общая периодическая печать; циркуляры, распоряжения, постановления, докладные записки, ежегодные обзоры, отчеты, статистические данные в изучаемый период органов, ответственных лиц органов власти и общественных объединений; учебники и учебные пособия по истории России, педагогике, этнопедагогике; публицистика, отражающие отдельные аспекты темы исследования; публикации и диссертации современных авторов, связанные с деятельностью Н.В. Никольского и с историей развития школы и просвещения Чувашии; сочинения выдающихся педагогов о народности воспитания, образовательном потенциале народной педагогики; опубликованные и хранящиеся в архивах рукописные материалы Н.В. Никольского; полевые материалы – воспоминания его родных и знакомых.

Документальной базой исследования послужили фондовые материалы отдела рукописей Российской Государственной библио-

теки (ОР РГБ), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), Центрального государственного архива Чувашской Республики (ЦГА РФ), Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), Научных архивов Марийского и Мордовского научных исследовательских институтов (НА МарНИИ), (НА Морд НИИ), отдела рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н.В. НИКОЛЬСКОГО КАК НАРОДНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Социально-экономическое и образовательно-культурное положение народов Поволжья конца XIX и начала XX веков в оценке Н.В. Никольского

Правящие круги многонациональной России во все времена пугались возможности какого-либо «сепаратизма» среди покоренных «малых» народов. Поэтому самодержавный строй выработал и утвердил ряд оправдавших себя форм управления нерусскими этносами. Например, к концу XVII в. чуваши лишились своей немногочисленной феодальной верхушки – тарханов, которые «могли иметь» влияние на своих соплеменников, содействовать идеям национально-освободительного движения, даже возглавить его. Колонизаторы «ликвидировали» их двояким путем: призванные на военную службу, при принятии навязанной им христианской веры, тарханы получали землю и приравнивались в правах с мелкопоместным дворянством. Потомки таких новокрещенцов обрусевали, тем самым наносился определенный ущерб чувашскому генофонду. Некрещенные феодалы постепенно лишались всех прав и привилегий, их земли дробились, и со временем они растворялись в общей массе крестьянства.

Русским шовинистам сепаратизм виделся в магометанской и «языческой» религии. Если ислам со своими мировыми связями и отрегулированной системой веры – с домами богослужения (мечетями), служителями культа (муллами), религиозными законами (шариатом), священным законом («Кораном»), школами и прочими атрибутами веры мог противостоять давлению православия и феодальной верхушки страны, то более мелкие народы Среднего Поволжья, Севера и Сибири подвергались насильственному крещению. Переход чувашей в христианство повлек за собой качественное обеднение нации – они потеряли национальную религию, древнейшие обычаи и почитаемых божеств.

Национально-колониальный гнет создал изоляция языков. В древности, например, чувашский народ, как более высоко развитый в земледелии, оказывал прогрессивное влияние на соседей, прежде всего на угро-финнов, которые, в свою очередь, превосходили их в лесных промыслах. Тюркские народы с удовольствием обменивали скот на хлеб. А царское правительство превратило все нерусское население Среднего Поволжья в сословие государственных крестьян, которое целиком было отрешено от государственной жизни. Хуже того, компактная масса чувашей по административно-территориальной подчиненности была разделена в начале XVIII в. на Казанскую и Нижегородскую губернии, в конце того же века – на

Казанскую и Симбирскую губернии. Эти части не имели между собой экономических связей. У поволжских этносов, не считая татар, были уничтожены древнейшие религии и связанные с ними обряды. Даже национальный язык считался потенциальным средством сохранения нерусской нации, и потому правительство и апологеты его национально-колониальной политики горячо поддерживали националистическую русификаторскую линию.

Русские колонизаторы совершенно не допускали, кроме русификаторского пути, возможностей выхода из чувашской среды и национальных предпринимателей, и просветителей: чуваша были отеснены от берегов Волги – от мест традиционных торгов; до начала XIX в. им запрещали изготовление из железа любого предмета и торговли ими; для этноса не было никакого центра для общения, кроме ежегодных ярмарок и еженедельных базаров; до XIX в. нерусским народам запрещалось жить в городах.

Таким образом, с учетом всех упомянутых вопросов, шовинистический самодержавный строй специально создавал из числа нерусских народов приниженные, придавленные категории жителей государства, и такое положение всегда служило доказательством «превосходства» русских над ними. Один из просвещенных людей первой половины XIX в. полковник V (Поволжского) округа корпуса жандармов Маслов в 1831 г. так доносил своему шефу Бенкендорфу о положении чувашского народа:

«Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное и сколько нужно и должно поселянину (т.е. крестьянину. – Авт. ст.). На основании сего правила начальствующие чувашами (т.е. исправники, чиновники и т.п. – Авт.) всеми силами споспешествуют дальнейшему распространению невежества...».

Далее как отвратительный пример оскорбления национального чувства чувашей автор донесения указал на статью «Известия о чувашах», опубликованную в № 25–28 за 1829 г. в журнале «Казанский вестник», где доказывалось, что чуваша «имеют самое тупое понятие и рассудок самый ограниченный», что они «не способны произвести ничего достойного высшей природы человека».

«Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество, но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив, – писал названный полковник Маслов, – сделанная ему малая услуга обязывает его количеством вывозимого на пристани волжского хлеба. С таковыми качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту».

Ярко выраженным протестом против национально-колонизаторской политики русских царей, дворян, православного духовенства и чиновничества стало участие чувашей в крестьянских

войнах под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Их выступления были стихийными, побужденными внешними воздействиями, не имели определенных национальных лозунгов. Последних не могло и быть, ибо сначала надо было скинуть систему колониального ярма – и гнев восставших обращивался против местных властных структур и чиновников. Избиению подвергались представители администрации, православного духовенства, купцы, ростовщики, военные чины.

Крестьянские восстания были событиями скоротечными, носили многонациональный характер, не могли рождать националистические идеи. Национально-освободительное движение в подлинном смысле могло развернуться только в просвещенном обществе. Его еще надо было создавать, преодолевая упорное сопротивление правящих классов России. Уже первые робкие шаги в просвещении чувашей (в подготовке миссионеров из этого этноса) подверглись сомнению в их целесообразности в образованных кругах русского дворянства. После издания в 1836 г. учебника В.П. Вишневого «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской губернии» профессор Казанского университета Г. Суровцев набросился на автора с уничтожающей критикой, предвещая гибель чувашскому языку. В рецензии, в частности, говорилось:

«Нужно ли писать правила и грамматики уже таких языков, изучение которых ничего не может прибавить к массе познаний человеческих; на которых никогда ничего не было написано, и которыми говорят небольшие остатки племен малозначительных, ничтожных, коснеющих исстари в грубом невежестве? Не лучше ли предать их совершенному забвению, чтобы они сами по себе исчезли, наконец, потерялись...».

Между прочим, в Казанской губернии, где проживала наибольшая часть чувашского населения и где уже осуществлялись важные мероприятия по развертыванию его просвещения, даже в начале XX в. среди дворян все еще проявлялись симптомы по удержанию народа в невежественном состоянии. Так, в 1903 г. в «Казанской газете» было опубликовано высказывание председателя губернской земской управы Н. Мельникова о том, что «книжки на чувашском языке сеют только сепаратизм и самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное», что «чувашской культуры не было и не будет». Как и прежде, колонизатора больше удовлетворял бессловесный, бескультурный, по-прежнему одичавший раб.

Только на основе большой практической работы в области развития просвещения и образования можно было преодолеть подобные предвзятые рассуждения о «природных неспособностях» чувашского народа.

Естественно, в условиях царской России не могло быть никаких действий по обособлению чувашей от остального государства, хотя бы по языковому признаку, не говоря уже о придании им каких-либо прав в административном отношении. Чуваша, как и другие нерусские народы, не могли в недрах России сложиться в буржуазную нацию: не было заметной промышленно-торговой буржуазии, крупных землевладельцев, представителей чиновничества и офицерства, технической интеллигенции, деятелей науки и художественного творчества, очагов предпринимательской деятельности, общественно-политической мысли и культуры. Правда, буржуазные реформы 60-х. и последующих годов XIX в. дали какой-то толчок некоторому развитию национально-культурной автономии в области книгоиздания на национальном языке, укрепления единого литературного языка через Симбирскую чувашскую учительскую школу, в подготовке гуманитарных (в основном учительских) кадров в соответствии с «Положением о начальных народных училищах». Лишь кратко, в 1906–1907 гг., на основе манифеста царя Николая II от 17 октября 1905 г. о политических свободах предпринимались слабые попытки этнической консолидации чувашей: вышла первая чувашская газета (1906–1907), нелегально был создан (профессиональный) Союз чувашских учителей и деятелей просвещения (1906), также нелегально функционировала Чувашская организация партии социалистов-революционеров (1906–1910). В политической области представители молодой чувашской интеллигенции выступали во всероссийском движении за уничтожение царского режима, а в области национальных требований пропагандировали идеи национально-культурной автономии – право издания национальных книг, газеты, церковной службы и судебного дела на родном языке. Других национальных идей еще не было.

Вот как характеризует, описывает Н.В. Никольский положение народностей Поволжья конца XVIII века до начала XX века в работе «Народное образование чуваш».

Автор, опираясь на фактический материал, делает выводы о том, что до присоединения Чувашии к России некоторые чувашские мальчики обучались в мусульманских школах. Во второй половине XVI в. в двух казанских и одном свияжском монастыре были открыты школы, в которых обучались несколько чувашских мальчиков. Преподавание на церковнославянском языке успехов не приносило, и казанские школы прекратили свое существование в конце XVI в. Только предположительно можно говорить о существовании школы в XVII в. в Свяжском монастыре. В первой трети XVIII в. в архиерейском доме в Казани и в некоторых монастырях были школы, в которых обучались «инородцы». В 1734 г. была открыта новокрещенская школа в Свяжске. Открытые после 1740 года новокрещенские школы в Казани, Елабуге, Царевококшайске (последние две

вскоре были переведены в Казань), наряду со Свяжской, во второй половине XVIII в. охватили обучением значительное число чувашских детей. Некоторые из них поступали затем в Казанскую духовную семинарию. Учащихся набирали преимущественно в принудительном порядке. Материальное обеспечение школ было скудное, условия жизни обучающихся ужасные, вследствие чего значительное число детей в них умирало. Преподавали неподготовленные учителя. Недопущение родного языка в преподавание не позволяло учащимся в достаточной степени усваивать изучаемые дисциплины. Часть воспитанников этих школ пополняла ряды духовенства в чувашских приходах.

В труде «Конспект по истории христианского просвещения чуваш» историю распространения христианства среди чувашей Н.В. Никольский делит на 6 периодов: 1) с середины XVI в. по XVII в.; 2) с начала XVIII в. до 1740 г.; 3) время деятельности Новокрещенской конторы с 1740 по 1764 гг.; 4) с 1764 по 1800 гг.; 5) с 1801 по 1867 гг.; 6) с 1867 г. до начала XX в. Первый и второй периоды, согласно взглядам автора, в распространении христианства среди чувашей были безуспешными, в третий период властям и духовенству льготами и насилием удалось формально окрестить почти все чувашское население. Ни в четвертом, ни в пятом этапах не было достигнуто идейное приобщение крестившихся чувашей к христианству. В первой половине XIX в. участились случаи отпадения чувашей в ислам. Переводы религиозных книг на чувашский язык с соблюдением русского синтаксического строя были совершенно не понятны чувашам. Никольский считает результативным лишь шестой период христианизации чувашей – с введением системы Н.И. Ильминского, т.е. с допущением родного языка в церковную проповедь и начальную школу с распространением книг на живом, разговорном чувашском языке.

Общие условия, в каких жили народности Поволжья до 1800 г., мало изменились к лучшему. Челобитные народностей Поволжья на имя Сената, личные ходатайства через доверенных лиц пред правительством Екатерины II говорят о тяжелых экономических условиях жизни народностей Поволжья. Наказы избирателей представителям в Комиссию для составления проекта нового Уложения дают нам полную картину жизни народностей в это время. Народности среднего Поволжья терпели земельную нужду; промыслы и торговля их были крайне ограничены; земледелец был лишен права на рыбные ловли, «звериную и птичью охоту» даже в собственных дачах, за лесом ему приходилось ездить на очень дальние расстояния, несмотря на ближайший лес, подати каждый работоспособный платил в размере 1 р. 70 к., что на деньги 1917 г. равно 17 р., а на деньги 1919 г. 238 р. Для уплаты податей приходилось прибегать к займам за большие проценты: 50% и более. Куплю-продажу прихо-

дилось вести чрез посредников-купцов. Богатые крестьяне откупались от рекрутчины; вследствие этого малосостоятельные семьи несли военную повинность и за себя и за других. Суд в большинстве случаев становился на сторону тех, кто одаривал судей; бедные не могли рассчитывать на правосудие. Земельные дела находились в руках помещицкой администрации, каковая удовлетворяла претензии помещиков, и оставляла без внимания жалобы и просьбы крестьян. В вероисповедном отношении крестьяне-нехристиане терпели целый ряд лишений: несли податную, воинскую и натуральную повинность за новокрещеных, так как последние освобождались от этих повинностей на 3 года, а от рекрутской и совсем. Иностранная аристократия была низведена на степень тяглого населения: мусульмане не допускались в качестве свидетелей по делам новокрещеных и русских. Устранять все эти нестроения можно было не иначе, как путем привлечения самих народностей к законодательной работе. Поэтому Императрица Екатерина II, созывая в 1767 г. комиссию для составления проекта нового Уложения, привлекает в число членов этой комиссии, наряду с русскими представителями, и избранников от различных народностей. От новокрещеных чуваш в комиссии участвовало 5 человек, от чуваш язычников 2 человека, от мордвы крещеной 5 человек, от мордвы некрещеной 1 человек, от черемис крещеных 2 человека, от черемис некрещеных 2 человека, от вотяков крещеных 2 человека, от вотяков некрещеных 1 человек, от татар крещеных 5 человек, от татар мусульман 18 человек, от мещеряков, тептярей, калмыков 6 человек. Эти представители представили следующие соображения по улучшению своего экономического и правового положения. Нужно прекратить приписку к крестьянским обществам новых членов, как малоземельных, так и новокрещеных, тех и других следует селить на пустых землях и угодьях. Необходимо снять запрет с крестьян производить звериную и рыбную ловлю; отвести в пользование крестьянства ближайшие к ним леса; освободить крестьян от платежа за увечных, дряхлых; для призрения их устроить по волостям богадельни. Нужно учредить для крестьян особый банк, из которого можно было бы беспрепятственно за небольшие проценты получать ссуды. Необходимо дать крестьянам право свободной торговли в городах, на торжках, на ярмарках и т.п.; «правителей дворцовых, экономических, ясаковых, черносозных и прочих государственных крестьян отменить», а «вместо них, учредить старост и выборных из тех волостей, из лучших людей, кого крестьяне пожелают»; также установить институт местных выборных судей; учредить школы; в них обучать, кроме установленных предметов, еще и тем «книгам, кои законодательство содержат». Прежние мурзы, князья и вообще иностранная аристократия должны быть восстановлены в своих правах. Иноверцы не должны принуждаться ко крещению. Новокрещеные должны по-

лучать льготы на 3 года от податей; рекруты, в случае крещения, должны освобождаться рекрутской повинности. Денежные пособия новокрещеным должны выдаваться без замедления. Необходимо уничтожить злоупотребление служилого класса среди народностей Поволжья. Содержание духовенства новокрещен, приходов должно быть отнесено на счет казны.

Всем этим пожеланиям инородческого элемента не суждено было вылиться в определенную законодательную форму, во-первых, потому, что комиссия была характера совещательного, во-вторых, кратковременна и, в-третьих, дворянский класс, интересы которого были существенно затронуты пожеланиям инородцев, никоим образом не мог идти на уступки и на урезки своих прав и привилегий.

Народности Поволжья и после комиссии остаются при прежних порядках и условиях; если вносились сюда какие-либо изменения, то самые незначительные. Бесправие, беднота, невежество – вот те спутники, которые не расставались с поволжанами за весь 18 век.

Пытались было народности активно выступить на защиту своих прав, но бесполезно. Ни пугачевское движение, ни башкирские волнения не дали народностям Поволжья существенных улучшений. Оставалась единственная возможность выхода к лучшему состоянию – это получение образования, но последнее было настолько примитивным, что ожидать от него благих последствий в ближайшее время не приходилось.

Просветительская деятельность духовенства не могла развиваться должным образом, в виду бесправия духовенства, его необеспеченности и низкого умственного уровня. Школьное просвещение шло через казанскую новокрещенскую школу, чрез духовные школы, через губернские и уездные народные училища и затрагивало лишь отдельные единицы из каждой народности; самое большее, что дать школа, это 1 грамотного на 1000–5000 обывателей. Но эти грамотеи не имели необходимого развития, так как в школах преподавание велось механически, на умственное и нравственное развитие учащегося обращалось мало внимания; школьники не получали от своих наставников переводческого навыка, не умели просто, ясно, наглядно передать соплеменникам на родном языке то, что вынесли из школы.

XIX век сулил народностям много хорошего: культурный подъем, экономическое и правовое улучшение, но фактически все это осуществлялось частично и очень медленно.

24 января 1803 г. вся Россия делится на учебные округа. Петербургский, Московский, Казанский и т.д. 26 января утверждены «предварительные правила» Министерства народного просвещения, которые 5 ноября 1804 г. заменены уставом учебных заведений. По этому уставу каждый приход должен иметь одно училище.

Учительствует в школах кто-либо из членов причта. Предлагаются разработанные программы как средних, так и низших школ, они немногим отличаются от современных. Предметами преподавания служат почти те же науки, которые имеют место и в современной школе. По вопросу о языке преподавания был выдвинут принцип: «родной язык – орудие просвещения». Учительский персонал школы, по возможности, должен быть одной нации с учениками, в крайнем случае, он должен быть знаком с родным языком учащихся. Правительство начинает строить министерские школы как в русском, так в инородческом районе. Снабжает их необходимыми средствами существования, ставит учителей и, таким образом, начинается жизнь школы. В 1822 г. издается указ, по которому населению дано было право открывать школы и частным лицам. Но этим правом народности Поволжья пользуются слабо. Дело в том, что из инородцев очень мало было лиц образованных, понимающих важность образования. Инородцы нередко и Министерству народного просвещения отказывали в постройке школ. Просили его, чтобы оно не обременяло их этим учреждением. Мы, говорили инородцы, народ бедный, темный; школ нам не надо. Не подвинули школьного дела и Ланкастерские передвижные школы. Обыкновенно дело обставлялось так. Приезжает в волость уездный земский начальник, собирает какое-либо селение и предлагает принять школу. Вопросы, задаваемые народу, приблизительно были таковы: хотят или нет они школу? В большинстве случаев инородцы давали ответ отрицательный. Так, в Ядринском уезде, Шуматовской волости, чуваша не пожелали школы. Они говорили: нам не надо школ, мы еще не доросли до них. Такие же почти ответы давали и другие инородцы Казанской губернии. В вятской же губернии дело обстояло лучше.

25 марта 1811 г. издается правительством указ, который прекращает существование частных и общественных школ. Дело в том, что этот указ все школы учреждения, служащие народному образованию, обложил пятипроцентным сбором. Многие лица и общества не выдержали налога, и школы закрылись.

В виду этого, Сенат разъясняет: частные, школы, как чисто семейные учреждения, освобождаются от 5% сбора. В этих семейных учреждениях, да и во многих министерских школах учителями были местные священники, дьячки, инвалиды, грамотные крестьяне.

Кроме названных министерских и семейных школ, были еще удельные и волостные. Они учреждались удельным ведомством и Министерством Государственных имуществ. Но в виду того, что хороших и подготовленных учителей и там было мало, эти школы не могли подготовить истинных культурных работников для деревни.

Национальная литература выходила слабо, да и то, главным образом, по религиозным вопросам; для чуваш, черемис, вотяков, татар, мордвы и др. были изданы четвероевангелия, молитвенники

и пр. В целях усилить знание местных языков, в уездных училищах вводится преподавание местных языков, издаются грамматики, словари этих языков. Все эти мероприятия, однако, остались без следа на массе населения, так как из русских некому было читать и разъяснять выпущенные издания, а само население не имело лиц, подготовленных для этого дела.

Экономическое и правовое состояние народной массы представляются в таком виде. Все население делилось на сословия, присвоенными им имущественными и личными правами. Высшим сословием было дворянство: мурзы и князья, за аристократией следуют: служилые и чиновные люди, купцы, мещане, дехи; низшую ступень сословной единицы занимают крестьяне, которые делятся на казенных, удельных, заводско-фабричных, свободных, архиерейских, монастырских, экономических, пахотных солдат или военных поселян, лашманых, крепостных или помещичьих, новокрещеных, старокрещеных и тептярей. Переход из одного состояния в другое был возможен при соблюдении следующих условий: крестьянин, отыскивающий дворянство, был обязан представить, куда следует, доказательство на то, что он по роду своему не принадлежит к крестьянскому сословию, а именно, к искомому — мурзинскому, тарханскому, княжескому; от крестьянского общества нужен был документ о неимении препятствий к выходу данного лица из прежнего сословия и о неимении за ним податных недоимок. Перечисление в дворянство происходят в Волжско-Камском районе сравнительно редко: зато переход в мещане, в купцы происходил почти повсеместно; о купеческом звании хлопотали главным образом татары и вотяки; среди других народностей подобные ходатайства случались редко.

В чиновники шли те из инородцев, которые были грамотны по-русски; на первом плане стояли грамотные татары, далее следовали чуваша, башкиры, на последнем месте стояли калмыки и киргизы.

Земельным наделом были лучше всех обеспечены башкиры, затем идут: тептяри, киргизы, калмыки, вотяки и отчасти пермяки, луговые черемисы и зыряне; хуже обстояло дело у чуваш, кряшен, горных черемис и у татар. В то время, как башкиры владели 20—75 десятинами на душу, чуваша, кряшни и другие владели от 8—15 десятинами на душу.

В отношении правовом, сравнительно, лучше жилось мурзам, тарханам, тептярям; совершенное бесправие наблюдалось у крестьян помещичьих, заводских, у пахотных солдат. Лучшую долю несли удельные; середину между теми и другими занимали казенные или государственные крестьяне.

Податное состояние крестьян было также неодинаково. Денежная подать взималась с крестьян казенных или государственных в большем размере, чем с других видов крестьянства; поволжанин-

инородец из государственных крестьян в среднем ежегодно платил от 4–6 рублей; другие виды крестьянства либо вовсе не платили, либо платили 1–3 р. ежегодно. Натуральная повинность (хлебная, лошадиная, дорожная, лесная и др.) была более обременительна у помещичьих, заводских крестьян и у пахотных солдат, чем у удельных или казенных.

«В целях улучшения экономического состояния населения принимались следующие меры: 1) уравнительное распределение земли, 2) переселение из малоземельных губерний в многоземельные, 3) устройство опытных заповесей, 4) денежные премии за лучшие сады и огороды, 5) строгие взыскания за прописные и убылые души, 6) перепись населения (11.VI.1833 г.) 7) разрешено брать подряды (указ 17.IX.1811 г.), торговать в городах, 8) по всем делам, возникающим у крестьян, они имели право выбирать своих представителей; в правительственные и общественные учреждения были допущены переводчики».

Все эти мероприятия, как частичного характера, не имели серьезного значения для крестьянства. Культурная отсталость, низкий экономический и правовой уровень поволжанина-инородца оставались прежними.

Во второй половине XIX века народности Поволжья переживают те же самые изменения своих общественно-экономических и правовых условий, которые замечаются среди русского крестьянства. Поэтому исторические данные об этом времени можно читать в любом учебнике русской истории, например, профессора Ключевского, профессора Платонова. «Просвещение инородческой массы на началах национальных впервые взял на себя Николай Иванович Ильминский (27 декабря 1891 г.). Он любил инородцев всей душой, так, как любят родители своих детей. Невозможное для других для Н.И. Ильминского стало фактом его жизни».

В самом деле, полюбить людей, в большинстве грязных, иногда больных, людей иного быта, склада ума и языка и постоянно иметь с ними общение, думать только о них одних, принести на пользу им свою карьеру, личное спокойствие, – это такой подвиг, который трудно учесть, его надо самому понести. Месяцами и годами Н. И. Ильминский жил среди темных инородцев, например, татар, киргизов; не раз бывал в деревнях чуваш и других инородцев. Убожество их мирозерцания, духовное рабство у ислама вызывало живейшую и искреннюю боль в душе Николая Ивановича. Ему хотелось вывести инородцев из их тьмы, вдохнуть в них начала новой жизни. Но как сделать это?

К разрешению этой задачи Н.И. Ильминский шел не теоретическим способом, а путем опыта. Он изучил жизнь инородцев не по книжкам, не по сообщениям и рапортам, а путем личного изучения на местах. Природный ум, тщательный анализ дали ему возмож-

ность изучить инородческую жизнь во всей ее простоте и непосредственности, понять ее дух. Такое направление имела деятельность Н.И. Ильминского, когда он в звании профессора Академии жил в татарской избушке – за Кабаном, и когда, по оставлении Академии, стал переводчиком в Оренбургской пограничной линии, среди киргизов. Языки наблюдаемых инородцев Н.И. Ильминскому давались быстро и основательно; в короткое время он легко достигал дух и особенности этих языков. Еще будучи студентом Академии, он получил прозвище полиглота. Впоследствии это знание расширилось еще 23 языками инородцев Поволжья и Сибири.

Несмотря на 300 слишком лет принадлежности к русскому государству, многие инородцы не были нисколько русскими гражданами. Отсутствие среди них русской культуры побудило правительство 1850-х г. обратить на инородцев серьезное внимание. Но по проверке просветительных средств на местах их казалось так мало, да и те были настолько примитивны, что в пору было начинать всё снова. В эту-то пору общественных и правительственных исканий средств действительного просвещения инородцев и вышел на просветительное поприще Н.И. Ильминский.

Состоя профессором Казанского университета в 1861 г. Н.И. Ильминский вызывает в Казань своего хорошего знакомого, талантливого по природе, крещеного татарина Василия Тимофеева: развил его, приступил совместно с ним к изготовлению учебных книжек на простом, народном татарском языке, например, букваря и других книг.

При помощи Василия Тимофеева вызывает в Казань 3 мальчиков, крещеных татар. И вот начинается маленькая, импровизированная, на совершенно новых началах, школа. Мальчики читают и поют на своем родном языке; пишут на задания своих учителей; одушевленно работают в семейной обстановке новой школы. Не было ни отметок, ни угроз, ни розог, а дело шло так, как нигде в дотепе существовавших школах для инородцев.

Когда летом мальцы явились в свою деревню Никифорову, они не оставляли привычек школы; читали новые книги своим родителям: пели наизусть и по книжке тексты на родном языке. Все это для Никифоровцев было новым откровением. Ничего подобного они не видали до сих пор. Их дети, учившиеся в сельских школах Палаты Государственных Имуществ даже после 3-летней выучки, ничем не могли поделиться с родителями: с указкой в руке, без понимания текста, они читали выданные им книги, но ничего не могли толково, ясно рассказать своим родителям и однодеревенцам. Кроме того, сами они производили впечатление забитых, замученных ребят. Бодрые, веселые, жизнерадостные и к тому же знающие по-русски и на родном языке, ученики Н.И. Ильминского сразу же привлекли к себе сочувствие деревни. Осенью в Казань уже явилось 13 человек.

Разумеется, в год они усвоили здесь не менее, чем их предшественники. Сознательное отношение к предметам преподавания, дало им могучее средство для влияния на деревню, каковое они проявили на летних каникулах. На 3-й год школа на Арском поле уже становится довольно многолюдной (45 человек).

Это привлекает внимание общества, правительства и земства. Содержимая первоначально на средства Н.И. Ильминского, профессоров и студентов Академии, с года жизни она начинает получать помощь и от упомянутых учреждений. В течение ряда лет она разрастается в большую, но особенную школу; помощь казанского купца Н.В. Щетинкина вывела ее из деревянного дома в двухэтажный каменный.

Ученики Н.И. Ильминского по крещено-татарской школе явились в свою очередь основателями школ в родных и соседних деревнях и, конечно, применяли к ней все то, что видели у Николая Ивановича.

Центральная крещено-татарская школа явилась прототипом для всех народных школ среди инородцев, не только Казанской губернии, но и во всем вообще Поволжье. Начала этой школы были перенесены и в далекую Сибирь, в среду алтайских киргизов, бурят, якутов и т. д.

Там, где она заводилась, производила аналогичное действие. По типу этой школы устроена в Симбирске центральная чувашская учительская школа И.Я. Яковлевым и в Казани в 1870 году – Казанская учительская семинария, 1-я для подготовки учителей чувашских школ, а 2-я для других народностей Поволжья и Сибири.

Казанская Центральная крещено-татарская школа, Симбирская чувашская учительская школа и Казанская учительская семинария – во времена Н.И. Ильминского были не только питомниками отдельных учителей, но вместе с этим своего рода лабораториями для изготовления книг на инородческом языке под руководством и живом личном участии Н.И. Ильминского. Здесь изготовлялись издания на 20 слишком языках.

Деятельность Н.И. Ильминского и его учеников сказалась на инородцах Поволжья и Сибири в высшей степени благотворно.

Среди народностей Поволжья и Сибири стало постепенно исчезать прежнее равнодушие к школе, к грамотности, к культуре вообще, равно как и прежнее отчуждение от русских людей. Благодаря национальной школе и национальной литературе, инородцы чувствовали себя братьями в отношении русской: «Если наш язык есть язык книги, то, стало быть, и мы люди».

Национальная школа вызвала в инородческой среде большой интерес к просвещению и к усиленной работе по улучшению своего быта каждой этнической единицей.

Когда открылась возможность всем народностям собраться, то они, нисколько не медля, собрались в Казани для совместного обсуждения своих нужд и намечения плана для дальнейшей культурной работы. Это было 15–20 мая 1917 года в Казанском Университете.

Первый в России съезд мелких народностей Поволжья включил в себя две народности северо-востока: зырян и пермяков; из Поволжья прибыли чуваша, черемисы, вотяки, калмыки, крещенные татары, мордва племен зряя и мокша – всего свыше 500 участников, среди которых было много представителей организованных уже общественных групп.

Одновременно с теоретической разработкой вопросов нового строительства жизни у народностей Поволжья шло и практическое осуществление принятых постановлений. По Казанской губернии открыты учительские семинарии: в городе Тетюши, селе Б.Чурашево Ядринского уезда, в селе Сунчелеево Чистопольского уезда и Мариинском Посаде для чуваш, в городе Царевококшайск для мари (черемис), в самой Казани для кряшен, преобразована бывшая центральная крещено-татарская школа на Арском поле, для русских и вотяков преобразована бывшая Кизическая церковно-учительская школа в Казани. Открыто пропорциональное количество высших начальных училищ, числом до 50, преобразованных в июле 1918 г. в школы 2-ой ступени.

Подобная работа шла и в других поволжских губерниях.

Издательскую работу для школ национальности не в силах были осуществить в виду отсутствия технических и материальных средств: слабо работали типографии, не доставало бумаги, не находились своевременно средства.

Внешкольные и дошкольные мероприятия начали осуществляться в 1917 г., и шли далее, развиваясь и совершенствуясь.

Книги и брошюры для народного чтения стали выходить вскоре же после майского съезда 1917 г. Разрабатывались темы политико-общественного, сельскохозяйственного, гигиенического и т. п. свойства.

«Периодические издания выходили следующие:

У мари (*черемис*) – 1) Ужара – Заря, газета с 25 августа 1917 г. до 15 июня 1918 г. выходила по 2 раза в неделю, с 20 сентября 1918 г. по 1 января 1919 г. 1 раз в неделю; 2) Йошкар Кэчэ – Красное солнышко (Красный день), газета с сентября 1918 г. выходит по 3 раза в неделю; 3) Куралшэ – Пахарь, журнал выходил в продолжении июня и июля 1918 г.; вышло 7 номеров: за время войны в Вятке издавались особые еженедельные известия.

У чуваш выходили – 1) Хыпар – Весть, с апреля 1917 г., издававшийся с января 1906 по январь 1907 г., Канаш – Совет, газета заменила собой Хыпар с 1918 года, выпускалась 2–3 раза в неделю;

с декабря 1918 г. ежедневно; Чухансен сасси – Голос бедняков, газета стала выпускаться в сентябре 1918 года; 4) Ана – Загон, журнал выходит с осени 1918 г.; 5) Ыр Ёслекен – Земледелец, журнал выходит с осени 1919 г.; Шурӓм Пуҫ – Заря, журнал выходит с января 1919 г.

У кряшен с осени 1917 г. стала выходить еженедельно газета «Кряшен»; в Уфе – еженедельная газета «Дус»; для вотяков и кряшен издавались военные известия в Вятке. Как идет периодическая пресса у других народностей, сведений в Казани нет; сообщения из киргизских и калмыцких местожительств говорят об усиленном издательстве и у этих народностей».

Н.В. Никольский на протяжении всего своего жизненного и творческого пути ревностно изучал все, что имеет отношение к сферам духовной и материальной культуры, истории чувашского и других народов Урало-Поволжья.

В исследовании «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама» (1912) он характеризует, с точки зрения описательной этнографии, такие разные этносы, как башкиры, бесермяне, удмурты, мордва, татары, мари, чувашаи, калмыки, некоторые сибирские народности, приводит интересную статистическую информацию на 1911 год, полученную из волостных правлений разных губерний и содержащую данные, которые обычно официально не учитывались, (статистика и статика как методы фиксации определенного культурно-исторического состояния народа, так же, как и учет максимума источников, составление библиографий по теме были обязательны для Никольского, как естественная информационно-фактологическая почва, на которой произрастает любое исследование).

Наиболее крупным и ценным трудом Н.В.Никольского считается «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк» (1912), который он защитил в качестве диссертации, и Советом Казанской духовной академии в 1913 г. ему была присуждена ученая степень магистра богословия. Ученый избрал темой своего исследования самый решающий и переломный период новобулгарской (собственно чувашской) эпохи этнической истории, когда происходил слом традиционного религиозного сознания чувашей, а по сути разрушение всей структуры чувашского мироздания, и насильственное внедрение православия служило лишь идеологическим оправданием колонизации Чувашского края со стороны Москвитии. В целом, вопреки своим изначальным миссионерским установкам, Никольский негативно оценивал результаты процесса христианизации чувашей. Для него были неприемлемы дискриминация чувашей, насилие, исчезновение «класса служилой инородческой аристократии», методы насильственного обрусения и христианизации

ции. Так, он особо подчеркивал, что «чуждый христианства по жизни чувашин не желал быть им и по имени... Неофиты желают, чтобы не считало их христианами и правительство».

В другом месте, анализируя этот период, он подытоживает, что «мероприятия культурно-просветительного характера не были приспособлены к народной жизни, почему не оставили значительного следа среди чуваш», отмечает факты духовного и физического сопротивления чувашей угнетению, бесправию.

Н.В. Никольский связывает успехи просвещения чувашей со 2-й половины XIX века прежде всего с «народной школой», в которой средством обучения выступает родной язык. Он видит в этом условия для культурного и экономического подъема чувашей, мечтает о распространении среди них общечеловеческих ценностей, возможности обучения «высшим наукам» и т.д. Правда, это культурное развитие он не мыслит без прибавочного христианского элемента и потому говорит о «христианско-культурном подъеме инородцев», о том, что «необходимо повсеместное, одновременное воспитание чуваш в духе православия и общечеловеческой культуры». А в одном из писем к первому ученику И.Я. Яковлева Алексею Рекееву (24 мая 1906 г.) он даже приходит к своеобразному экуменизму: «...У нас же не считаются с религиозной настроенностью и думают, что отрицанием религии достигнут своих результатов (...). Надо бы проводить вселенское христианство, конечно, очищенное от примеси политики, экономики и прочих вещей, с религией ничего не имеющих общего».

Н.В. Никольский всегда был убежденным сторонником равноправия народов, он ясно видел их «стремление к общему культурному развитию» и «способность к восприятию высоких истин». Даже будучи бесправными, они осознавали свое человеческое достоинство. Из этих принципов он и исходил в своих научных изысканиях.

Просветительно-педагогические идеи русских мыслителей в становлении личности Н.В. Никольского

«Всякая историческая потребность (т.е. необходимость радикальных преобразований. Прим. авт.) вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности» – писал Н.Г. Чернышевский. «У каждого века есть свое историческое дело, свои особенные стремления. Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления, тесно связанные между собой и служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни... Даже отдельные науки приобретают или теряют свою относительную важность по мере того, и какой степени служат они господствующим потребностям века».

Историческое дело XIX века имело продолжение и в XX веке.

Н.В. Никольский был действующей исторической личностью, он непосредственно участвовал в политике, в культурном процессе своего времени. Его биография вписана в историю. Просвещенность нации и образованность – вот что поставил на службу «потребностям века» Н.В. Никольский.

Подъем общественной мысли и передовой культуры в XIX веке была непосредственно связана с борьбой за обновление России. Среди основных вопросов преобразования жизни видное место занимали социально-педагогические проблемы, центральными из которых были: повышение грамотности, культуры народа и приведение системы образования в соответствие с социально-экономическими потребностями страны. Борьба за их разрешение вылилась в широкое общественно-педагогическое движение, ставшее одной из составляющих общей освободительной борьбы. Впервые в истории России социально-педагогические проблемы явились предметом общественного обсуждения. И не только обсуждения – общественного творчества.

В русской педагогике 60-х годов «историческая потребность» вызвала в жизни замечательную фалангу педагогов-шестидесятников. Их вдохновителем и идеологом стал К.Д. Ушинский.

Вся просветительская и педагогическая деятельность Н.В. Никольского пронизана идеями К.Д. Ушинского. Как и Ушинский, Н.В. Никольский вопросы просвещения, воспитания постоянно выдвигал на первое место, оставляя в тени политические проблемы. В своей педагогической деятельности Н.В. Никольский основным ядром считал педагогическую концепцию Ушинского – принцип народности воспитания. Слова его учителя Ушинского «общественное воспитание, которое укрепляет и развивает в человеке народность, мощественно содействует развитию народного самосознания...» Оно оказывает «сильное и благоприятное влияние на развитие общест-

ва, его языка, его литературы, его законов, словом, на всю историю» стали жизненным кредо для Н.В. Никольского.

Принцип народности воспитания лежал в основе учения К.Д. Ушинского о *родном языке* как центральном предмете школьного образования.

Обучение детей родному языку, по мысли Ушинского, имеет три цели: развитие той «врожденной душевной способности, которую называют даром слова»; введение детей в сознательное обладание сокровищами родного языка и объяснение им «логики этого языка, т. е. грамматических законов в их логической системе». Эти три цели, замечал Ушинский, «достигаются не одна после другой, но совместно». Чтобы вполне уяснить способы и средства их достижения, педагог должен «прежде понять хорошо, что такое язык народа, которому мы хотим учить».

«Язык народа, писал Ушинский, создан самим народом». Это «лучший» никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина. «В сокровищницу складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове».

«В постройке миросозерцания» учащихся, отмечал Ушинский, преподавание родного языка имеет особое значение. «Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания». Вводя ребенка в мир народного языка, педагог вводит его «в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, народного духа», и «чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер».

К.Д. Ушинский подчеркивал, что изучение родного языка должно являться одной из основных задач школы, если эта школа служит интересам народа. Он решительно выступал в защиту языка национальных меньшинств, изгоняемого самодержавием из национальных школ, и требовал, чтобы обучение осуществлялось на родном языке учащихся. «Нет насилия более невыносимого, – заявлял Ушинский, – как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков». Мысли Ушинского о родном языке при его жизни приобрели действительную общественную силу, найдя свое выражение в широком национальном движении за народную школу с обучением на родном языке, в движении, которое охватило все народы России.

В самом начале своей деятельности двадцатилетний Константин Дмитриевич Ушинский дал себе клятву «Приготовлять умы! Рассеивать идеи!.. Вот наше назначение. Отбросим эгоизм, будем тру-

даться сильнее для потомства... Отдать все потомкам, которые за-будут и имена наши, не ждя награды ни на земле, ни на небе, — знать это и все-таки отдать им и жизнь и слово — велика любовь к истине, ко благу, к идее! Велико назначение!».

Теперь вспомним слова Н.В. Никольского об уведенном сне перед смертью: «Стою на луне. Правой рукой, точно портфель, держу земной шар... Никто не посмеет обвинить меня в лености». Сказаны эти слова в разное время, в разных ситуациях, и по-разному высказаны, но как они перекликаются и выражают одну и ту же мысль: жизнь отдать на просвещение и благополучие народов на земле.

После окончания Шуматовского земного училища Николай определен, вероятно, по настоянию отца, в Чебоксарское духовное училище. Успешно завершив учебу в училище он в 1893 г. поступает в казанскую духовную семинарию. Именно здесь Николай увлекся историей и этнографией, чем он был обязан доброму наставнику, этнографу чувашского народа Василию Константиновичу Магницкому (1839–1901), человеку народнеческих воззрений, в 1894 г. оставшего службу и поселившегося в с. Шуматово. Как вспоминал в последствии Н.В. Никольский, В.К. Магницкий любил рассказывать об археологии, этнографии и истории края, давал им задания по собиранию легенд и преданий, разведка курганов и городищ. Именно благодаря трудам и исследованиям Н.В. Никольского о своем учителе В.К. Магницком мы сейчас подробно и всесторонне знаем о его жизни и деятельности.

Василий Константинович Магницкий родился 4 марта 1839 года в с. Ядрин Ядринского уезда Казанской губернии. Детство свое провел в кругу русских и чувашских детей. Первоначальное образование получил в местном начальном училище, а потом в Чебоксарском духовном училище и Казанской духовной семинарии. Окончив 4-й класс семинарии, В.К. Магницкий с некоторыми другими товарищами «со страхом и трепетом» стал проситься уволить его из семинарии в Казанский университет. В 1856 г. Василий Константинович Магницкий уже студент юридического факультета, а в 1860 г. в звании кандидата прав занимает должность судебного следователя во 2-м участке Чебоксарского уезда. Здесь жили русские, чуваша и отчасти татары. В.К. Магницкий живо интересовался каждою из этих народностей и записывал наблюдения, не откладывая в долгий ящик, сличал с новыми данными, проверял их, и только после окончательной проверки материала начиналось изложение для печати. Василий Константинович Магницкий одинаково серьезно относился и к данным местной устной народной словесности и к тем актам, которые он находил в местных учреждениях и частных руках. Часть добытых материалов В.К. Магницкий помещал в корреспонденциях в разные газеты, другие же объединял в особые сборники. Во время пребывания в Чебоксарском уезде, а именно в с. Беловолжском со-

ставлен был им сборник песен крестьян села Беловолжского, который долго спустя (в 1877 г.) представлен им в состоявшую в то время при Казанском Обществе естествоиспытателей секцию антропологии и этнографии и по определению этой секции напечатан в Казанской университетской типографии. В конце 1870-х годов В.К. Магницкий перешел на должность инспектора народных училищ в Уржумский уезд Вятской губернии. Должность была только что открыта Уржумским уездным земством и требовала большой энергии от В.К. Магницкого для своего устройства. В Уржумском уезде обитали русские, черемисы и отчасти татары; изучением их и непосредственно и через учительство занимается В.К. Магницкий. Через год В.К. Магницкий переходит на должность инспектора народных училищ в Казанскую губернию, где в разное время заведывал училищами в уездах: Лаишевском, Спасском, Тетюшском, Свияжском и Чебоксарском. Во время нахождения здесь Василий Константинович Магницкий «изучает и русских, и чуваш, и кряшен, и мусульман, и мордву. Для него нет господствующей и подчиненной народности; отношение его ко всем было одинаковое. Во всех, с кем только соприкасался В.К. Магницкий, он старался будить здоровые инстинкты и звать к труду и труду, как бы ни казался этот труд незначительным для первого раза. Неоднократно В.К. Магницкому приходилось доказывать сельской интеллигенции, что подлинная наука о народе находится в самом народе: произведения народной словесности, географическая номенклатура в связи с преданиями, мифология, народная архитектура, народная техника и прочее – все это является неоценимым материалом для науки, каждый интеллигентный житель деревни не вправе проходить мимо этих ценностей; каждый должен заняться посильным собиранием того материала для науки, который ему по плечу; люди науки сумеют этот материал использовать должным образом».

3 ноября 1885 г. В.К. Магницкий становится действительным членом общества археологии, истории и этнографии и всю душою трудится на пользу науки. В 1891 году переводится «для пользы службы» в Елабужский уезд.

Выслужив 25 лет, В.К. Магницкий вышел в отставку и поселился в с. Шуматове Ядринского уезда Казанской губернии, где его отец Константин Егорович Магницкий священствовал около 50 лет.

Живя в с. Шуматове, Василий Константинович Магницкий весь принадлежит науке; теперь его не отвлекают служебные обязанности и невзгоды. Он нередко совершает путешествия в интересующие его места, вербует себе сотрудников из местной интеллигенции, старается заинтересовать ее своим делом, подолгу проводя в беседах с нею, не взирая на ее возраст. Ему достаточно было увидеть хоть небольшое сочувствие своему делу в 16-летнем юноше, чтобы дальше выработать из него постоянного сотрудника по науч-

ным исследованиям. С местной чувашской интеллигенцией В.К. Магницкий заводил неоднократно беседы о том, где следует искать залежи исторического материала о чувашах: «их ищите на месте, а еще больше в архивах Нижегородской духовной консистории и местного губернского правления; в свое время Присурье в административном отношении тянуло к Нижнему; по документам в Нижнем Вы узнаете, где надо искать дальнейших документов о чувашах; ведь так складываются обстоятельства, что не приходится довольствоваться одним провинциальным учреждением; жизнь невольно сталкивает и Святейшим синодом и правительствующим сенатом и с Министерством народного просвещения. Ищите и непременно обращайтесь». Если юноша или уже взрослый человек в беседах с Василием Константиновичем Магницким убеждал последнего «непременно составить карту своей деревни, нанести урочища, городища, обозначить здесь поля, леса, реки, овраги; дать точные названия – официальные и ходячие, привести относящиеся к каждому названию местные предания, толкования». Даже клички собак не обошли В.К. Магницкого. При помощи сотрудников им составлены список их имен.

«С местной интеллигенцией В.К. Магницкий говорил и по вопросам народного образования. Если он замечал способного юношу, а родители не пеклись об его образовании, то задачей В.К. Магницкого было пробудить интерес к образованию и в юноше, и в родителях его. В.К. Магницкому часто приходилось затрагивать вопрос о родном языке преподавания, родной литературе и родных деятелях по образованию для каждой народности. К удивлению В.К. Магницкого, находились противники всего этого даже среди местных народностей. Ему удавалось направлять мирозерцание местного юношества, а иногда и взрослого населения, на лучший путь. Для самого В.К. Магницкого не существовало даже и вопроса о праве местных языков на жизнь, на литературу, просвещение. Раз и навсегда этот вопрос был решен в положительном смысле: «если народности за тысячелетия своего существования сохранили свой язык, обычаи и т.д., то кто вправе им запрещать дальнейшее развитие на самобытной основе; путь к содружеству с народностями России заключается не в русификации их, а во внутреннем усовершенствовании на основе родного языка, литературы». Сам увлекаясь, В.К. Магницкий невольно увлекал своей беседой и слушателя. Речь В.К. Магницкого получала особую красочность, пластичность от того, что она очень мало имела отвлеченных положений, а больше жизненных картинок. За долгую свою деятельность судьей и инспектором народных училищ Василий Константинович Магницкий имел слишком много наблюдений, чтобы не поделиться ими со слушателями».

Добрые семена падали на добрую почву.

Н.В. Никольский стал продолжателем дел, идей, просветительских и этнопедагогических начинаний В.К. Магницкого.

Самыми почитаемыми для Н.В. Никольского были труды Н.И. Золотницкого. Он не только глубоко изучал деятельность Золотницкого. Но и являлся одним из последователей просветительских и педагогических идей и дел Н.И. Золотницкого. Плеяда сегодняшних исследователей и ученых выражает особую благодарность Никольскому за сохранение и доведение до последующих поколений трудов Золотницкого. Деятельность Н.И. Золотницкого для Н.В. Никольского была примером и он становился продолжателем дел, начатым им.

Н.В. Никольский высоко ценил труды Н.И. Золотницкого. В работе «Краткий обзор работ по этнографии чуваш» он Золотницкого ставил выше любимого своего учителя – В.К. Магницкого. «Если В.К. Магницкий старался как можно больше собрать и описать для науки этнографических фактов, то Н.И. Золотницкий проделывает весьма важную для этнографии работу по объяснению уже известных фактов. Пользуясь данными сравнительного языковедения тюркского и финно-угорского, Золотницкий ввел изолированные до сих пор чувашские этнографические факты в общую семью урало-алтайских народов и таким образом наметил пути для выяснения взаимоотношений чуваш с тюркскими и финскими племенами. С этой стороны заслуженной известностью в русской и иностранной науке пользуются труды Н.И. Золотницкого» – писал он. Между прочим, отрадно отметить, В.К. Магницкий считал себя учеником Золотницкого.

Что связывало Никольского с Золотницким? Последователем каких идей, дел Золотницкого становился Никольский? Хотя Никольского с Золотницким отделяло большой возрастной период, почти 50 лет. (Годы жизни Золотницкого 1829–1880, а Никольского – 1878–1961), у них было много общего. Это и юношеские годы, учеба, выбор жизненного пути, идеи и помыслы, преданность чувашскому народу, борьба за его просвещение, благосостояние. Самое первое, что связывало Никольского и Золотницкого – это стремление к знаниям, к учебе, притом с малых лет. Связывает их и то, что они учились в одних и тех же учебных заведениях, хотя в разные годы.

Николай Иванович родился (1829) в семье русского священника, работавшего в чувашском селе Чурашево Чебоксарского уезда Казанской губернии. Николай с детства наблюдал за чувашскими обычаями и традициями. В результате постоянного общения с чувашами Золотницкий прекрасно овладел чувашским языком. После окончания Чебоксарского духовного училища Золотницкий некоторое время учился в Казанской духовной семинарии. В 1847 году он оставляет учебу там и поступает в историко-филологический факультет Казанского университета. Как и Никольский, в Казанском университете он увлекся и сделал жизненным кредом собирание и

изучение произведений устно-поэтического творчества чувашского народа. После окончания Казанского университета в 1851 году он работал в Казанской палате государственных имуществ, некоторое время жил в родном селе Чурашево. В 1855 году Золотницкий выехал в г. Вятку, где служил в государственных канцеляриях, много ездил по Вятской губернии. В родной деревне и в Вятке он понял, насколько важными для России являются вопросы народного образования.

Как и Золотницкий (1860–1863) он был редактором «Вятских губернских ведомостей», Н.В. Никольский в деле просвещения народа большое значение придавал печати. Изучение редакторской деятельности Золотницкого укрепляло в Никольском мысль о важности и действенности печатного слова. Именно тогда зарождалась у Никольского в голове мысль об издании газеты для чувашей. Когда появилась возможность выпустить газету, он смело решился издать газету «Хыпар».

В 1865 году Н.И. Золотницкий, после освобождения от должности редактора, поселяется в Казани. С этого периода он всю свою жизнь, свою энергию полностью посвятил просвещению чувашского народа. В 1867 году ему поручают руководство чувашскими школами земства Казанской губернии, а 7 февраля 1867 г. Министерство просвещения назначает Н.И. Золотницкого инспектором чувашских школ Казанского учебного округа. На этой должности он работал до 17 мая 1871 года. Благодаря неутомимой деятельности Николая Ивановича с 1870 года в чувашских школах родной язык стал языком обучения. Это было закреплено решением Министерства просвещения России.

Николай Иванович горячо заступает за нерусские народы Поволжья, выступает против бессмысленной зубрежки в национальных школах, доказывает необходимость применения родного языка детей в начальный период обучения. «...Необходимо, чтобы школьное ученье состояло не в механическом затверживании на память книжных фраз – в заучивании уроков, но в сознательном уразумении изучаемого предмета и в развитии соображения учащегося, – пишет он в статье «По поводу открытия частных школ в Вятской губернии». – С первой буквы алфавита, т.е. с первым звуком, который выражается этой буквой, в ребенке должна быть не механическая работа языка, а действие мысли...».

В литературе по вопросам просвещения нерусских народов распространено мнение, согласно которому о необходимости использования материнского языка для начального обучения якобы первым в Поволжье заговорил Н.И. Ильминский. Фактически эта заслуга принадлежит Н.И. Золотницкому. Указанная мысль высказана Ильминским в 1863 г. в статье «Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык». Золотницкий же из-

лагал эти мысли еще в 1861 г. в статье «По поводу открытия частных школ в Вятской губернии». Его высказывание по данному вопросу созвучно тому, что писал великий русский педагог К.Д. Ушинский в том же 1861 г. в статье «Родное слово», где родной язык назван «чудесным педагогом».

Н. Золотницкий вскрывал недостатки в постановке просвещения в царской России, боролся с казенщиной и консерватизмом, ратовал за безвозмездное обучение грамоте детей бедных, выступал за национальное равноправие. Его возмущает произвол хозяев мастерских, лишаящих мальчиков возможности учиться и заставляющих их работать по воскресным и праздничным дням без всякого вознаграждения, но свое осуждение высказывает без резкостей, в мягкой увещательной форме, как бы желая усовестить господ, уговорить их быть снисходительными.

В жанровой палитре публицистического творчества у Золотницкого прежде всего находим проблемные статьи «По вопросу о способах образования чуваш», «О состоянии Вятской воскресной школы в первое полугодие ее существования». Произведение «По поводу открытия частных школ в Вятской губернии» является полемической статьей. Она написана в форме возражения автору газетного выступления «Заметки о пермяках Вятской губернии». Несколько публицистических выступлений Н. Золотницкого являются глубоко продуманной, обстоятельно обоснованной репликой («Несколько слов по поводу отчета слободского женского училища 2-го разряда за 1861–1862 учебный год», «По поводу статьи о «Чуваш кнеге», «По поводу рукописи, относящейся ко времени основания и заселения Санкт-Петербурга»). Кроме того, Н. Золотницкий пользовался такими жанрами, как историко-этнографический очерк («1 января 1866 года в Кукарке и краткий очерк слободы Кукарки»), рецензия («Разбор упрощенного способа обучения чтению черемисских детей горного населения, составленного И. Кедровым»).

Заметим, многие официальные документы составлялись Золотницким в публицистическом стиле с целью опубликования их в периодической печати. К таким следует отнести «Отчет за 1867 од состоящего при управлении Казанского учебного округа инспектора чувашских школ», «Доклад Совету братства св. Гурия братчика Н. Золотницкого». Эти два документа обладают качествами публицистики и оказались опубликованными в прессе.

Широко известны статьи Н. Золотницкого по этнографии и лингвистике: «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис» (1877), «О старой чувашской вере» (1884), «Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Моркваши» (1884).

Все эти труды вдохновляли Н.В. Никольского и были образцами в работе на ниве просвещения.

Для Н.В. Никольского идея обучения родного языка инородцам стало делом жизни. В своих трудах «Народное образование у чуваш», «Основы инородческого просвещения». Он связывал успехи просвещения чувашей со второй половиной XIX века, прежде всего с «народной школой», в которой средством обучения выступает родной язык.

Н.И. Золотницкий занимался повышением педагогической и методической культуры учителей. Инспекторские поездки Николая Ивановича были связаны с многочисленными встречами с крестьянами. Говорил он с ними на чувашском языке, агитировал за обучение детей в школах. Золотницкий умело вносил свои идеи в развитие двухклассных училищ, школ повышенного типа. Так, в 1867 году в Шинерпосях было открыто двухклассное училище и оно сразу получило новое дыхание: улучшилась посещаемость учащихся, сократился отсев и повысился охват детей обучением. Для поддержания интереса девочек к учению в школе были введены уроки рукоделия.

Книги и учебные пособия для чувашских школ Золотницкого явились золотым фондом чувашского просвещения, основой и фундаментом его становления. «Чуваш кнеге» – первый чувашский букварь, изданный дважды, в 1867 и 1870 гг. Буквы для букваря основывались на русской графике, составлен был в основном применительно к звуковому методу. Здесь он был последователем К.Д. Ушинского.

Есть у Золотницкого и другой труд, в последующем в издании такого пособия стал и его последователь Никольский. Это первый чувашский календарь – «Сьолдалык кнеге». Золотницкий его тоже, как и «Чуваш кнеге», издавал дважды: в 1867 и 1874 гг. Календарь содержит исторические сведения из жизни России. Значительное место занимали материалы о наших соотечественниках К.Минине и Д.Пожарском и др. В этих книгах отразились и методические взгляды автора, непосредственно проверенные в школах.

Работая в переводческой комиссии ПМО, Никольский составлял и издавал календари на чувашском языке – «Султалык кенеги» с 1906 по 1914 гг. – всего 9 книг.

Нет слов, Золотницкий является одним из основоположников эстафеты чувашского просвещения, которого продолжил другой просветитель – Н.В. Никольский.

В старейшем учебном заведении Синода – Казанской духовной академии – работали известные профессора, крупные специалисты по богословию, церковной и гражданской истории, миссионерству, западным, восточным и мертвым языкам. Среди них особенно выделялся заведующий кафедрой т.н. «противо-мусульманских предметов» ординарный профессор Е.А. Малов, специалист по истории, лингвистике и этнографии, автор ряда исследований и публикаций по истории распространения христианства и православной церкви в

Поволжье, этнографии и филологии поволжских народов. Е.А. Малов преподавал татарский язык, сравнительную филологию турецко-татарских языков и переводческое дело, знакомил студентов с этнографией. На этой же кафедре работал экстраординарный профессор М.А. Машанов, преподававший историю ислама и арабский язык, автор ряда монографий об исламе. Оба профессора были соратниками Н.И. Ильминского, разработавшего систему просвещения «кинородцев» на их родном языке, и защищали эту систему после смерти в 1891 г. ее создателя; активно работали в Миссионерском обществе и братстве св. Гурия. М.А. Машанов возглавлял Переводческую комиссию Православного миссионерского общества. Он же был основателем Ишаковской чувашской учительской школы братства св. Гурия. Не без влияния этих своих преподавателей Н.В. Никольский стал последовательным сторонником системы профессора Н.И. Ильминского, понимая большое значение родного языка в школьном обучении и церковной проповеди, и решил специализироваться по этнографии и истории христианизации чувашей. В числе учителей Никольского, оказавших значительное воздействие на развитие научных интересов студента, был также доцент кафедры русско-церковной истории И.М. Покровский, весьма плодотворно исследовавший историю русской православной церкви с позиций ее апологетики. По совету упомянутых преподавателей Никольский уже в начале второго года обучения выбрал тему кандидатского (курсового) сочинения «Христианство среди чуваш».

Не довольствуясь дисциплинами, преподаваемыми в академии, любознательный студент посещал лекции некоторых профессоров Казанского университета. Сам Никольский, возможно, несколько преувеличивая, сообщает, что в 1899–1903 гг. прослушал курс указанного университета. Для него представляли интерес лекции ординарного профессора И.Н. Смирнова, этнографа, заведовавшего кафедрой всеобщей истории, ординарного профессора П.Н. Фирсова, заведовавшего кафедрой русской истории, и доцента К.В. Харламповича.

Член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов, учившийся в духовной академии одновременно с Никольским, замечает, что Н.В. Никольский посещая лекции экстраординарного профессора Н.Ф. Катанова, читавшего курсы по арабскому, персидскому и тюркским языкам и вспомогательным историческим дисциплинам. Н.Ф. Катанов (1862–1922), хакас по национальности, демократически настроенный профессор, крупный тюрколог оказывал на Никольского большое воздействие не только в его студенческие годы, он оставался его добрым учителем, старшим товарищем и единомышленником, коллегой по работе во многих учреждениях вплоть до своей кончины.

Никольский сдружился с будущим основоположником чувашского языкознания Н.И. Ашмариным (1870–1933), приехавшим в Казань в 1894 г. по окончании Лазаревского института восточных языков, усердно занимавшимся изучением чувашского языка, этногенеза и фольклора, тюркской филологии вообще и опубликовавшего еще до окончания академии интересующим нас лицом ряд ценнейших исследований. Творческое сотрудничество Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского продолжалось более 30 лет.

В познании Н.В. Никольским истории народов Поволжья и в формировании его исторических взглядов важное значение имели труды историка либерально-демократического направления профессора Казанского университета Н.Л. Фирсова (1831–1896), посвященные истории нерусских народов XV–XVIII вв. Позднее, в 1919 г., Никольский кладет труды Н.А. Фирсова в основу своего «Конспекта по истории народностей Поволжья».

Этнографию нерусских народов – марийцев, мордвы, удмуртов, коми – студент академии изучал, без сомнения, по историко-этнографическим монографиям выдающегося представителя эволюционистского направления И.Н. Смирнова, сыгравшим определенную роль в формировании его этнографических взглядов. Свидетельством глубокой признательности Никольского к своему учителю может служить его обращение 9 февраля 1919 г. к Совету Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете с предложением переиздать все четыре книги И.И. Смирнова.

... Казань в конце XIX в. и начале XX в. была не только центром национально-культурного просвещения, но и становится воистину котлом, где вскипали и откуда распространялись всяческие вольнолюбивые воззрения и революционное брожение. Для чувашей, которые так или иначе исповедовали идею национальной свободы и начали искать формы объединения на основе национальной сущности, думать о путях реализации права чувашской нации на самоопределение, национально-демократический этап чувашского возрождения начался в 1905–1907 гг. (1-й Чувашский национальный съезд прошел в августе 1906 г. близ Симбирска), а в 1917–1918 гг. именно Казань стала «революционной Меккой», и это, может быть, были годы наиболее активного участия чувашской элиты в новой политической истории. Никольский также не остался в стороне от этого процесса. В марте 1917 г. он выступил организатором Общества мелких народностей Поволжья и был избран его председателем.

С Казанью связана жизнь и деятельность другой исторической личности – великого чувашского просветителя И.Я. Яковлева. 1870–1875 гг. – учеба в Казанском университете, с 1875 г. инспектор чувашских школ Казанского учебного округа. Некоторые исследователи хотят показать Н.В. Никольского и И.Я. Яковлева антагонистами,

непримиримыми оппонентами в деле подъема чувашского национального духа. «Они не были врагами, делали одно дело – чувашское дело».

Ни в одном архиве Н.В. Никольского, ни в его воспоминаниях нет ни строчки, где бы упоминал имя И.Я. Яковлева недобрым словом. Н.В. Никольский и Алексей – сын Великого просветителя, член-корреспондент Академии наук СССР, историк и ближайший друг Н.В. Никольского, жили в дружбе и согласии.

Действительно, И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский были люди разных поколений, разных этапов возрождения чувашского народа, которые отличались и типами своей деятельности и особенно ее результатами, и хотя оба как будто разделяли одно и то же мировоззрение, имели сходные общественно-политические взгляды, были сторонниками и непосредственными участниками христианского просвещения инородцев по системе Н.И. Ильминского (1822–1891), но все же истину они понимали по-разному. Вот какую оценку дает исследователь А.П. Хузангай в ретроспективном анализе исторического поведения личностей И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского.

Вообще, некоторые чувашские историки (например, И.Д. Кузнецов) в свое время в одном и том же тексте порой противопоставляли, а иногда, наоборот, объединяли мировоззрение этих двух личностей. Так, мы читаем: «1) Основная идея – идея христианского просвещения инородцев светом Евангелия. Эта задача была требованием совести и сердца руководителя школы и самой жизни... 2) Другой идеей была идея сближения и объединения их (чувашей) с русским народом. Никакой самостоятельной политической роли нашим восточным инородцам играть не суждено, никакого самобытного и национального развития им искать не следует... 3) Родной язык в школьном обучении, родной язык за богослужением, Евангелие на родном языке, доступное пониманию всякого чуваша, учитель и священник из природных местных инородцев, из крестьянской среды (...) – вот те средства, при помощи которых надо было идти к намеченным целям. Родной язык в церкви и школе – та третья идея, которая направляла развитие Симбирской чувашской учительской школы». Прочитав, таким образом, credo чувашского «патриарха» из «Краткого очерка Симбирской чувашской учительской школы (по случаю сорокалетия 1868–1908)» (Симбирск, 1908), далее И.Д. Кузнецов заключает, что в этом была «...суть всей системы Ильминского и философия истории Яковлева. Последняя же в период первой революции послужила основой как чувашского октябризма, так и чувашского кадетского течения (...). За слащавым народолобием яковлевской школы скрывалась откровенно обрусительская политика». По разным чувашским «партийным группам» он разводит Яковлева и Никольского в другом месте. Итак, Яковлев – октябрист (член Союза 17 октября), а Никольский – член партии

конституционных демократов, оба – правые, но сходятся как миссионеры в одном мировоззрении. «...Никольский и его группа вкупе с октябристами всячески добивались осуществления программы национал-реформизма».

Последнее может быть, пожалуй, отнесено к активному реформаторству Н.В. Никольского на поприще национального образования, когда он выступал и как организатор высшей школы, и разносторонний педагог в период с 1917 г. по 1930 г., но И.Я. Яковлев в это время практически уже отошел от «дела его жизни». Все свои идеи он уже реализовал, свою миссию осуществил. В 1908 г. было широко отмечено 40-летие СЧУШ и его 60-летие. В советское время в 1928 г. было также отпраздновано 60-летие «яковлевской школы» и 80-летие «пионера чувашского просвещения» (А.В. Луначарский), «одного из замечательнейших культурных работников XIX века». В 1911 г. было осуществлено полное издание Нового Завета (всего круга новозаветных книг) 20-тысячным тиражом (Пирён Туррамёр Иисус Христос хуна Çене Сăмах). То есть свет Евангелия уже мог дойти до грамотного чуваша и присутствовал в какой-то мере в духовной жизни чувашского народа. Было начато печатание Моисеева Пятикнижия в 1914 г. (издание было приостановлено), и были уже переведены и частично изданы такие части Ветхого Завета, как книги Иова, Руфи, Иисуса Навина, Псалтирь, Песнь Песней Соломона. И.Я. Яковлев прошел свой путь от Букваря до Библии. Из стен его школы вышло около 1200 учителей, а также первая плеяда чувашской художественной и научной интеллигенции. Он сам открыл около 400 сельских министерских и земских школ, братских школ и духовного ведомства, таким образом, создав целую сеть начального образования. Симбирская чувашская учительская школа была даже преобразована (правда, на краткий срок) в высшее учебное заведение: Чувашский практический институт народного образования (> Чуприно < Чуино < Чувино). Но в 1922 г. И.Я. Яковлев вместе с семьей покидает Симбирск и уже не имеет возможностей как-либо влиять на направление деятельности своего детища.

И.Я.Яковлев был, безусловно, человеком XIX века, и период развития христианского просвещения и культуры чувашского народа с 1870 г. по начало XX века можно назвать «яковлевским». К началу вхождения Н.В. Никольского в этот же процесс просвещения и культурного самосознания «яковлевский» период уже завершился, но сумма его идей (или философия истории, по определению И.Д. Кузнецова) обсуждалась нами на протяжении всего XX века. Лишь к концу прошедшего столетия во время празднования 150-летия «патриарха чувашской нации» было осмыслено нами значение его личности в широком культурологическом контексте с учетом возможности разных интерпретаций его идей и результатов деятельности.

Н.В. Никольский же был человеком XX века, так как его педагогическая, научная и общественно-политическая деятельность проходила, в основном, в первую треть столетия. Следовательно, его универсализм в сфере идей, его обширные гуманитарные познания и исследования, его гуманистическое понимание культуры должны быть развиты во всем комплексе чувашской гуманитарной науки в новом XXI столетии. Об историческом значении Н.В. Никольского, о том, что его биография и «творчество есть акт осознания себя (...) в истории», мы и говорить-то начали совсем недавно.

Разное понимание истины И.Я. Яковлевым и Н.В.Никольским мы видим, по крайней мере, в трех принципиальных аспектах.

1) *Отношение к христианству (православию).*

У Яковлева оно достаточно догматичное, вполне в русле официальной идеологии того периода (православие – царь – народность). «Просвещение чуваш прежде всего должно быть религиозно-нравственное, в духе православной церкви, и потому уже патристическое, так как понятие образование, царь и русская народность неразделимы между собой». Для Яковлева это не случайный тезис, а глубоко продуманная позиция. Разные вариации этой позиции мы постоянно встречаем в его сочинениях, эпистолярном наследии. Он исходит из эпигонских издержек позднего славянофильства и русского мессианзма. Так, в своем предисловии к чувашскому переводу Нового Завета он пишет: «...мало только слушать или читать слово Божие. Нужно еще понимать его, согласно с учением Православной Церкви, единственно верной хранительницы и истолковательницы Христова Евангелия». Других элементов общечеловеческой (пусть общехристианской) культуры он не воспринимает и не предполагает, что чуваш способен к усвоению других гуманистических идей. Как мы старались показать выше, несмотря на духовное образование Никольского, взгляды его на христианизацию чувашей и результаты этого процесса отчасти негативные, он принимает сторону чувашских крестьян и значительно расходится с апологетами официальной истории православной церкви. В некотором смысле он был близок к концепции экуменизма.

2) *Отношение к родному языку.*

Яковлев удовлетворялся использованием чувашского языка в начальной школе и церкви. Перевод на чувашский язык Нового и Ветхого Заветов, других богослужебных книг он считал главным делом своей жизни, что, вероятно, вполне справедливо. Он придерживался убеждения Н.И. Ильминского: «Сделайте «инородца» путем родного языка православным, и он будет русским...». Для него родной язык выступал как утонченное средство обрусения. Судя по всему, к учебным занятиям языком и вообще к «ученым штудиям» он относился не совсем благосклонно, предпочитая науке миссионерство и организацию школьного образования. Для Никольского род-

ной (материнский) язык был цельным мировидением, философией жизни (сейчас бы мы сказали «языковой картиной мира»), он стремился к тому, чтобы и «высшие науки» развивались на чувашском языке. Кроме того, вполне согласно современным семиотическим подходам изучение родного языка для него было органично связано с историей, этнологией и культурой (в самом широком смысле) народа.

3) *Отношение чувашаи – иные народы.*

Можно сказать, что для И.Я.Яковлева существовал только русский народ, культуру которого он отождествлял с православием. Свою деятельность он называл «патриотически-монархической», «служением русскому делу». Соответственно, для него: «Национальная идея развития инородцев есть идея их духовного объединения и слияния с русским народом». В другом месте свою идеологию просвещения он объясняет так: «В основу всего научного просвещения чуваш положена строго русско-патриотическая идея, отражением которой служит каждая сторона образования чуваш. Эта идея проводится просто, естественно и с воодушевлением. Образ русского человека как в представлении, так и в действительности, при системе христианского просвещения, встает во всем величии старшего брата». Ни о каком равенстве народов, их самостоятельности тут не может быть и речи. Целеполагание чувашской экзистенции Яковлев видел только в обрусении. Или вот такой, «широкий» его взгляд на национальный вопрос: «В России, как известно, инородческий вопрос существует в разных частях ее: в Финляндии, в Остзейском крае, в западном крае, в Крыму, на Кавказе, в Волжско-Камском крае, в Сибири и в Средней Азии. Цель просвещения инородческих племен, населяющих эти области, с русской точки зрения одна – насколько возможно более слить их с коренным русским населением воедино... средства для осуществления этой великой русской цели, в применении почти к каждой народности, конечно, должны быть различны». Н.В. Никольский, серьезно изучавший самые разные стороны жизни народов Урало-Поволжья (Волжско-Камского края) и описавший их в своих исследованиях, принявший на себя роль лидера их национально-демократического движения в рамках Союза мелких народностей Поволжья и 1917–1918 гг., безусловно, был интернационалистом и не мог разделять эти яковлевские убеждения. Он всегда был убежденным сторонником равноправия народов, он ясно видел их стремление к общему культурному развитию» и «способность к восприятию высоких истин». Даже будучи бесправными, они осознавали свое человеческое достоинство. Из этих принципов он и исходил в своих научных изысканиях.

Даже самое кипучее и будоражащее весь мир время нашей страны – 17–18-ые годы XX века, когда в России во всю гремела революция, велась непримиримая классовая борьба за власть, везде,

то стихийно, то организованно вспыхивали митинги, стачки, столкновения различных групп в обществе – т.е. человеку, думающему о национальном подъеме народа, казалось бы не оставалось малейшего шанса не прыгнуть в эту горящую гущу – Н.В. Никольский повел себя совсем по-другому – он проявил себя как спокойный, бесшумный просветитель, педагог, общественный деятель, да еще отличный организатор.

Февральская революция 1917 года подтолкнула Н.В. Никольского выступить инициатором издания чувашской газеты «Џута» («Свет»). О задаче газеты говорит само название – это просвещение народа на основе новой жизни и «каждый темный человек должен вмешаться в общественную жизнь, участвовать в вопросе установления общественного строя» (черновик обращения к чувашскому населению в связи с началом выпуска газеты «Џутă» («Свет»), написанного Н.В. Никольским. Однако газета под таким названием не появилась.

В середине марта 1917 г. Н.В. Никольский выступил инициатором организации Общества мелких народностей Поволжья. Представители интеллигенции поволжских народов, собравшись в одной из аудиторий Казанского университета, основали такое Общество как беспартийную организацию, председателем его избрали Никольского. В листовке, распространенной Обществом, указывалось, что оно «ставит своей целью: а) изучение народностей Поволжья в их настоящем и прошлом; б) просвещение мелких народностей на основании новой гражданской жизни, исходя из национальных особенностей каждого племени, издает книги, газеты и журналы на национальных языках».

Позднее это общество было преобразовано в Союз мелких народностей Поволжья.

I съезд (общее собрание) представителей мелких народностей Поволжья, состоявшийся в Казани 15–22 мая 1917 г. принял широкую программу развития народного образования поволжских народов и издания учебников на национальных языках, признал необходимым преподавание в низших и средних национальных учебных заведениях на родном языке, создание школ всех типов и ступеней на началах преемственности, передачу школ православного исповедания в ведомство Министерства народного просвещения, открытие в Казани педагогического института мелких народностей и ряда национальных учительских семинарий, сельскохозяйственных, технических, ремесленных и других специальных учебных заведений для мелких народностей, наметил меры по развитию внешкольного и дошкольного образования, литературы и искусства.

Никольский возглавлял Союз вплоть до весны 1918 г. – до прекращения его функционирования.

От Общества мелких народностей Поволжья Н.В. Никольский был избран гласным 98-го земского собрания Казанской губернии. В мае 1917 г. земское собрание избрало Никольского в состав губернской земской управы (всего было избрано 11 чел.) – заместителем председателя управы и заведующим отделом народного образования. В июне 1917 г. на Никольского было возложено, в связи с выбытием председателя управы, исполнение должности председателя губернской земской управы. Эту должность он занимал вплоть до ликвидации управы – до лета 1918 г.

Таким образом, в 1917 г. Николай Васильевич оказался вовлеченным в активную общественную деятельность. Исполняя обязанности председателя Общества (Союза) мелких народностей Поволжья и председателя губернской земской управы, он искренне стремился содействовать развитию культуры и просвещения нерусских народов края, будучи убежденным в том, что «их приобщение к общечеловеческой культуре возможно только через русское просвещение, а не сепаратно». При самом деятельном его участии были основаны Северовосточный археологический и этнографический институт и гимназия для взрослых представителей нерусских народов в Казани, национальные учительские семинарии в городах Тютюши, Царево-Кокшайск и с. Большое Чурашево Ядринского уезда, учительские курсы и школы в Казани, Чистополе, Ядрине, Козьмодемьянске, несколько двухклассных школ преобразовано в высшие начальные училища, открыты десятки начальных школ, приняты в ведение земства, затем государства 663 начальных, 10 двухклассных, 12 второклассных и 1 учительская школы церковного ведомства, образовано несколько сельскохозяйственных и ремесленных школ для детей местных народов, начато издание учебников на их родных языках. Председателю губернской земской управы приходилось заниматься изыскиванием средств на содержание учебных заведений, лечебных учреждений и т.д.

Разумеется, Н.В. Никольского удовлетворял демократический этап революции. Его социальное положение и идейно-политическая позиция не позволяли ему участвовать в подготовке пролетарского этапа революции. Но после Октябрьской революции он видел, что новая власть стремится развивать школьное, профессиональное, дошкольное и внешкольное образование, принимает меры для открытия школ и подготовки учительских кадров, поставила все народы и языки в равное положение, начала применять родной язык народов в управлении, судопроизводстве, школе, печати, пропаганде, и стал активно участвовать в строительстве новой общеобразовательной, средней педагогической и высшей школы.

Некоторые земства и городские думы враждебно встретили советскую власть и были распущены. Так, Казанский губернский Совет 20 января 1918 г. распустил городскую думу, как контрреволюцион-

ное учреждение. Многие земские управы и городские думы, признававшие советскую власть, на основании декретов Советского правительства были взяты под контроль Советов и до формирования соответствующих отделов Советов занимались вопросами местного хозяйства, народного образования и здравоохранения. Продолжала действовать и руководимая Н.В. Никольским Казанская губернская земская управа. Ее председатель усиленно занимался открытием школ, укреплением учительских семинарий, организацией библиотек и других культурно-просветительных учреждений, выступал с докладами о развитии дошкольного, внешкольного и профессионального образования. В июне 1918 г. он выступает с докладами на съездах чувашских учителей и учащихся. Летом того же года читает общий курс дошкольного, школьного, внешкольного и профессионального образования на курсах по подготовке учителей высших начальных училищ для татар.

В соответствии с декретом Совнаркома РСФСР от 24 января 1918 г., «к весне 1918 г. Советы повсюду перешли от контроля над деятельностью земства и дум к управлению местным хозяйством. В начале апреля 1918 г. IV губернский съезд крестьянских депутатов постановил, что «никаких органов власти, кроме советских, в пределах Казанской губернии не может быть». В марте-апреле в губернии были ликвидированы все органы земства. Передача хозяйства, учебных заведений, лечебных учреждений и т.п. губернской земской управы затянулась: председателем управы Н.В. Никольский фигурирует в источниках до 20 июля 1918 г.

Обобщив свои доклады, с которыми выступал на разных съездах и совещаниях по народному образованию в 1918–1919 гг. Никольский издает брошюру о просвещении нерусских народов – выступает в ней за развитие просвещения в широких массах народов Поволжья, за подъем их культуры до уровня передовых наций.

Этнография и этнология – базис этнопедагогического наследия Н.В. Никольского

Содержательную базу для развития воспитательных систем, целенаправленно действующих по возрождению национального самосознания, составляет регионально-этническая культура. Педагогика должна иметь в своем распоряжении этнический материал: описание игр, праздников, обычаев, традиций, фольклор и другие компоненты, составляющие содержание регионально-этнической культуры.

Следовательно, имея набор этнических материалов, этнопедагогика ставит задачу выявления их воспитательных, образовательных и развивающих возможностей, определения, как и где их можно использовать. Заслуга Н.В. Никольского в этнопедагогике не только в сборе богатейшего этнического материала для этнопедагогики, но также теоретическом, методологическом обогащении им науки этнографии и этнопедагогике. Отвергнутые в советское время теоретико-методологические аспекты его наследия в конце прошлого века вновь приобрели актуальность. Н.В. Никольский писал свои труды по чувашам, татарам, марийцам, мордве, коми, удмуртам, а в обобщающих трудах освещал и другие народы – бесермян, калмыков, башкир. Благодаря трудам Н.В. Никольского на новый, более высокий чем ранее уровень поднялись такие дисциплины как история, этнография, фольклористика в Поволжье. Среди нерусских (представителей коренных народов) деятелей науки и просвещения Николай Васильевич был ведущим, равным которому в начале XX века не было, в том числе среди татар.

На трудах Н.В. Никольского выросла плеяда чувашских историков и этнографов – Г.И. Комиссаров, М.П. Петров-Тинехпи, Д.П. Петров-Юман, К.П. Прокопьев-Милли, К.В. Элле, у него учились марийские исследователи В.М. Васильев, Л.Я. Мендияров, В.Т. Соколов, удмуртские этнографы И.В. Яковлев, языковед П.П. Глезденев и многие другие. Его учениками были известные советские ученые, как профессор МГУ И.П. Разенков, В.П. Мосолов. Работы Н.В. Никольского служили настольной книгой как исследователям, так и практикам, прежде всего педагогам вузов, средних учебных заведений и школ, преподававших историю, этнографию, народную музыку, языки народов Поволжья, в качестве учебников и пособий студентам учащимся. Н.И. Ашмарин оценивал Н.В. Никольского в качестве "единственной квалифицированной силы для целей руководства по наукам, освещающим культуру чуваш". Положительно отзывались о трудах Н.В. Никольского зарубежные ученые, в частности, И.К. Финдензейн: «Работы профессора Никольского Н.В. не превзойдены по научности и новым фактам».

На формирование взглядов Н.В. Никольского на первом этапе его становления как этнолога оказали значительное влияние В.К. Магницкий (во встречах и письмах он давал своему ученику немало полезных советов по изучению истории и этнографии чувашей) Е.А. Малов, И.М. Покровский, а также Н.Н. Фирсов, Н.Ф. Катанов и другие.

Методологической базой исследований Н.В. Никольского служили многие труды русских и зарубежных историков, этнографов и фольклористов. Список изученных им трудов был весьма внушительный, он внимательно следил за литературой.

Вот как Н.В. Никольский сам дает характеристику науке этнографии в работе «Этнография чуваш». «Этнография (чуваш)» – есть наука, изучающая развитие интеллектуальных и психических сил (чуваш), развитие, которое под влиянием антропологических особенностей, географической среды, исторических и экономических условий своеобразно протекало у чуваш и нашло свое выражение в особенностях материального и психического уклада их жизни». Н.В. Никольский подчеркивает: «Этнография чуваш находится в тесной связи с социологией, антропологией, лингвистикой, этнологией, историей, экономикой, археологией, палеоэтнологией» и добавляет: «Развитие этнографических знаний имеет громадное значение для современности. Борьба в политике, в религии, в науке, быте значительно облегчилась бы, если бы широкие массы осмыслили хотя бы некоторое количество фактов в перспективе широкой панорамы жизни человечества в целом. Успех главнейших государственных мероприятий, обусловленный степенью понимания насущных потребностей населения, зависит от того, насколько хорошо знакомы условия существования, нужды чувашской деревни и реальные возможности их осуществления». Следовательно, развитие этнографических знаний Н.В. Никольский тесно связывал с практически задачами, придавал громадное значение этнографии для национально-политического и культурного строительства среди чувашей. «Познание быта чуваш должно предшествовать успешному переустройству быта». Там же приводит мнение исследователя П.Н. Анучина: «Незнакомство с этнографическими данными, непонимание быта, состояния и потребностей народа было у нас причиной многих административных и законодательных ошибок как по отношению к инородцам, так и к собственной русской народности».

При характеристике этнографии Н.В. Никольский любил повторять слова Л.Н. Толстого: «Этнографии я придаю огромное значение воспитательное. Во что веруют, как живут другие люди. Ничто так не расширяет круга зрения людей, как знание, – что есть люди, живущие иначе». «Этнография – первая и единственная из наук, которая смело во все времена говорила о равноправии народов. Она

есть единственная из наук, которая может сказать чувашину, кто он и что он», – твердил Н.В. Никольский.

Как отмечалось ранее, наряду с созданием фундаментальной фактологической базы Н.В. Никольский развил теоретическую базу этнологической науки, методiku и методологию научной работы. Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. происходило становление и интенсивное развитие исторической и этнографической науки. В работе «Печатные работы В.К. Магницкого (биография)» Н.В. Никольский писал, что «подлинная наука о народе находится в самом народе: произведения народной словесности, географическая номенклатура в связи преданиями, мифология, народная архитектура, народная техника и прочее – все является неоценимым материалом для науки, каждый интеллигентный житель деревни не вправе проходить мимо этих ценностей; каждый должен заняться посильным собиранием материала для науки, который ему по плечу; люди науки сумеют использовать этот материал должным образом».

Основным методом научной обработки, писал Н.В. Никольский, является сравнение, которое выражается в привлечении этнографических аналогии и параллелей и должно происходить концентрическими кругами, постепенно расширяясь. Эти установки восходят к «культурным кругам» и «слоям» диффузионизма – направления, получившего развитие в этнографии. Распределение тем и руководство этнографической работой целесообразно осуществлять из одного научного центра, считал Никольский. Таким центром он видел кафедру этнографии чувашей на чувашском отделении Восточного пединститута (г. Казань). Эти слова были сказаны за два года до открытия Чувашского НИИ в Чебоксарах.

Основными вопросами этнографического изучения Николай Васильевич считал национальную культуру, как в ее современном состоянии, так и в динамике (эволюции), межэтнические связи и этнографические параллели, «становление места чуваш в культурном творчестве народов мира». Он пояснял, что важно не только описание, но и выяснение этнического процесса, того, как сложилось то или иное явление. Для этого требуется сравнительно-исторический анализ явлений культуры, который он понимал как выявление пережитков, заимствований у других народов, эволюции под влиянием географической среды, направления хозяйства. Следует отметить, что данные методологические положения в этнографической науке признавались эволюционистами в качестве основных.

Ученый давал оценку этнографическому изучению чувашей за период 1917–1928 гг. На этом этапе этнографы более всего обращали внимание на материальную культуру, малоисследованную за предыдущий период. Для самого Никольского в этот период она была одной из ведущих его научных исследований. В то же время в

Чувашии велись исследования в области фольклора, по его оценке, наибольшее внимание уделялось песенно-музыкальному творчеству (Ф. Павлов, С. Максимов). Н.В. Никольский также отмечал, что «в ряде новейших работ наблюдается полумеханическое слияние этнографии с элементами социально-экономических наук... В результате получают краеведческие работы вроде «Чувашского края». Пусть и не открыто, он не был удовлетворен тем, что «исследователи замыкаются только границами республики», чего сам не мог допустить.

Свои монографии Н.В. Никольский создавал, опираясь, одной стороны, на методические и методологические требования классической этнографии и эволюционной школы – с другой. Какую бы область этнографии ни рассматривал исследователь, он всегда признавал главным методом сравнительно-исторический и ретроспективный анализ. Возможно, ему не хватало последовательности и глубины анализа, тем не менее, Н.В. Никольский каждый раз уделял особое внимание выявлению пережитков, заимствований, почти в каждой монографии пытался проследить эволюцию явлений культуры и направления хозяйства. В процессе эволюции элементов культуры в качестве детерминирующего фактора он признавал главным образом географический фактор.

Понимание исторического процесса Н.В. Никольский считал важным условием, без которого нельзя понимать эволюцию явлений и форм традиционной культуры. Он был современником основоположников цивилизационной теории – немецкого философа Освальда Шпенглера (1880–1936) и британского философа Арнолда Д. Тойнби (1899–1975). В понятие цивилизации Никольский включал экономику, торговлю, быт народа и другие составляющие, считал культуру вторым слагаемым. Можно констатировать, что идеи, которыми оперировал Н.В. Никольский, в частности, цивилизационной теории (цивилизационного подхода), стали сегодня актуальны. И в советское время он оставался на тех же идейных позициях и не встал на марксистскую формационную платформу.

Как системное образование Н.В. Никольский воспринимал народный быт – от его социальной и экономической основы до этнопсихологических и антропологических факторов. В развитии культуры чувашей он находит отражение таких исторических этапов, как болгарский, монголо-татарский, русский периоды. Однако географический детерминизм являлся, по его мнению, решающим фактором. Именно окружающая природная среда, полагал он, влияла не только на занятия, но и на семейную и общественную жизнь и религиозные верования, иначе говоря, происходила адаптация к окружающей среде. На последнем этапе развития культуры известную роль сыграл христианский фактор, в то же время чуваша сохранили свою

самобытную этническую культуру, в целом не была поколеблена ее устойчивость.

Н.В. Никольский оперировал понятиями «этнография» и «этнология», объяснял цели и задачи этих двух направлений в этнографической науке. Специальные разделы в монографиях он отводил разъяснению предмета, задач и значения этнографических исследований, методологии науки (основанной на эволюционистских положениях), методике собирания этнографического материала.

Этнографическую характеристику Н.В. Никольский как профессиональный ученый этнограф проводит классическими методами – системностью изложения, широтой и глубиной охвата материала, использованием ретроспективного метода, выявлением этапов эволюции традиционной культуры, попыткой датировать начальный этап того или иного явления. Возможно, те или иные предположения, выдвинутые Н.В. Никольским, требуют уточнения, что связано с накоплением знаний в той или иной области этнографии.

Н.В. Никольский на свои скудные средства, без всякой помощи извне, разъезжал по городам, селам и деревням в поисках за сырым историко-этнографическим материалом; целыми месяцами жил в столичных городах, извлекая необходимый для его исследования материал.

Фольклорно-этнографические материалы, занимающие 209 томов, собирались практически во всех регионах проживания чувашей – в Поволжье, Приуралье и Сибири.

О важности и актуальности первого этапа собирательской работы ученый говорил на Первом краеведческом съезде. По его мнению, такая работа одновременно должна носить социально-этнографический и лингвистический характер. В качестве важного методологического требования он обращал внимание на точную и полную запись текста и описание обряда, как и зарисовку предметов материальной культуры фотографической точностью. На стадии камеральной обработки основными он считал картографирование и каталогизацию материала.

Н.В. Никольский прочно усвоил, что факты – базис, фундамент любой науки. Он начал собирать исторические, этнографические, фольклорные материалы, выезжая в сельские местности и работая в библиотеках и архивах. В 1904 г. он опубликовал на русском языке «Программу для собирания сведений о чувашах», которая затем печаталась на чувашском языке в «Чувашских календарях» в 1911 и 1913 гг. и в приложении к «Краткому чувашско-русскому словарю» в 1919 г. Собиратель просил присылать ему сведения исторические (предания и документы), географические и этнографические (о природных условиях, численности и составе населения, его физическом типе, занятиях, материальной и духовной культуре, общественном и семейном быте, народных знаниях, устном творчестве,

религиозных верованиях и народном просвещении чувашей), записи произведений фольклора. В 1914 г. он типографским способом размножил программу для собирания этнографических сведений студентами и учащимися в каникулярное время.

В 1915 г. Н.В. Никольским была издана «Программа для собирания сведений об инородцах Поволжья». Она состояла из методических указаний и вопросов, охватывающих весь комплекс проблем, изучаемых этнографией. Как первая программа, так и эта по некоторым вопросам материальной культуры обращала внимание на выявление социальных различий.

В 1919 г. Н.В. Никольский опубликовал две программы. Первая – «Программа для собирания сведений по истории и археологии народностей Поволжья» – включает в себя 52 развернутых вопроса не только по археологии и истории, но и по этнографии и народному искусству, а также пояснение. Вторая – «Вопросник по народному творчеству» – состоит из огромного количества вопросов по фольклору, народным знаниям в области природы, космогонии, экономики, медицины, общества, архитектуры, истории, искусства и т. п.

Отмеченные программы И.В. Никольского по научной глубине, охвату вопросов, системности являлись для своего времени одними из наиболее совершенных и могут быть использованы и в наше время при разработке подобных вопросников.

На обращения ученого откликались и присылали ответы сотни людей: грамотные крестьяне, учителя, служители культа, служащие, учащиеся сельских двухклассных училищ и учебных заведений Казани и Симбирска. В деле собирания научных сведений по анкетам Н.В. Никольский широко использовал своих учащихся и студентов в течение всей продолжительной педагогической деятельности.

До 1911 г. Никольский изучал и собирал источники по истории просвещения, культуры и христианизации чувашей и других народов Поволжья с XVI по XVIII вв. в фондах Сената, Синода, Канцелярии оберпрокурора Синода, канцеляриях губернских правлений, духовных консисторий, учебных заведений и местных органов управления, с 1912 по 1916 гг. – по истории просвещения, культуры и христианизации в первой половине XIX в. – в тех же фондах, а также в фондах Государственного совета, Комитета министров, министерств народного просвещения, юстиции, финансов, уделов, Управления земледелия и землеустройства, Исторического музея, Оружейной палаты в Петербурге (Петрограде), Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Уфе и других городах, сделав тысячи листов копий и выписок своей рукой и с помощью добровольных и нанятых помощников.

В летние месяцы почти ежегодно Н.В. Никольский выезжал в сельские местности для изучения хозяйства, быта и культуры чувашей, сбора этнографического материала. В 1910–1911 гг. им было

собрано и представлено в Русский музей в Петербурге 205 чувашских этнографических предметов.

Получая материалы от корреспондентов, своих учащихся, студентов и других информаторов с 1904 по 1931 г. и выезжая на места, работая в архивах и библиотеках, Н.В. Никольский создал богатейшее собрание источников.

Н.В. Никольский в марте 1905 г. был принят в пожизненные действительные члены Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, основанного в 1878 г. и к 1905 г. выпустившего 20 толстых томов своих «Известий», включавших в основном исследования, отчасти публикации источников по истории, археологии и этнографии края. Дальнейшая научная деятельность Никольского была тесно связана с ОАИЭ. Оно давало ему доступ в архивы, открытые листы и командировки в научные экспедиции, выписывало литературу и источники из Петербурга и Москвы, обсуждало его рукописи трудов, доклады и сообщения, печатало их в своих «Известиях». Председателем Общества с 1898 по 1914 г. бессменно работал Н.Ф. Катанов. Никольский во все годы посещал почти все общие собрания ОАИЭ, проводившиеся обычно ежемесячно, выступал на них при обсуждении многих докладов и сообщений по истории, археологии и этнографии, писал отзывы о рукописях членов Общества, представлял к обсуждению рукописи чувашских краеведов (Н.А. Архангельского, И.Д. Никитина-Юрки, А.П. Прокопьева, Г.И. Комиссарова, И.Е. Ефимова-Тхти, Н.П. Павлова и др.). По поручению совета Общества с декабря 1907 по 1913 г. он работал в комиссии по составлению археологической и этнографической карт Казанской губернии, в 1912 г. был в составе комиссии по обеспечению охраны Болгарского городища, выезжал на городище. С марта 1912 по 1916 г. Никольский избирался в совет Общества и активно участвовал в его работе.

Обнаружив среди рукописей Симбирской ученой архивной комиссии «Описание иноязычных народов, обитающих в Симбирской губернии», составленное в 1783 г. знатоком быта чувашей, татар и мордвы буинским землемером Капитоном Сергеевым сыном Мильковичем. Н.В. Никольский в 1905–1906 гг. опубликовал это описание в трех публикациях: «Быт и верования мордвы Симбирской губернии в 1783 г. (Из записок Мильковича)», «Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 году (Из записок уездного землемера Мильковича)» и «Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах». Сочинение К.С. Мильковича является ценнейшим источником по духовной и отчасти материальной культуре, общественному и семейному быту, религиозным верованиям чувашей, мордвы и татар конца XVIII в. Публикацию о чувашах Н.В. Никольский сопроводил небольшим введением и обстоятельными примечаниями; приложил к ней извлечения из «Исторического опи-

сания о Казанской губернии», составленного также К.С. Мильковичем. Публикации Никольского и по сей день служат историкам и этнографам.

В 1908 г. Н.В. Никольский с помощью ОАИЭ выпустил литографское издание «Конспекта по этнографии чуваш», представлявший собой первый систематический курс этнографии чувашского народа. Он получил высокую оценку в вышедшей в свет в том же году книге Г.И. Комиссарова «Чуваши Казанского Заволжья»: «Хотя автор назвал свой труд лишь «кратким конспектом» и предполагает разработать его и выпустить в виде обширного сочинения (в 2000 стр.), но и этот первый труд, заключающий в себе 114 стр., при сжатости изложения, является поистине замечательным трудом, открывающим собою, так сказать, новую эпоху в истории этнографической литературы о чувашах». Действительно, известные сочинения А.А. Фукса, В.А. Сбоева представляли собой этнографические описания. В XIX – в начале XX вв. появилось более сотни описательных статей о тех или иных сторонах быта чувашей, особенно об их религиозных верованиях, написанные представителями духовенства из миссионерских побуждений, чиновниками, учителями и в меньшей мере учеными. Научностью и объективностью отличались статьи В.К. Магницкого. Но систематического научного курса этнографии все еще не было.

Из первого (вводного) раздела книги Н.В. Никольского видно, что автор – сторонник эволюционистского направления, господствовавшего в этнографии с 70-х гг. XIX в. Объясняя поступательное развитие элементов культуры и быта народа, пишет о возможности восстановления древних элементов по современным их пережиткам, о роли самостоятельного творчества народа в развитии своей культуры и значении заимствований, указывает, что этнография – наука не только описательная, но и пояснительная. Эти положения Никольский пытался претворять в содержании своей книги.

В 25 небольших разделах книги освещены все основные этнографические темы и вопросы о чувашах. В этногенезе чувашей автор исходит из теории их болгарского происхождения. В очерке истории чувашей даются характеристики ее болгарского, монголо-татарского и русского периодов, однако при освещении последнего периода Никольский больше останавливается на распространении в крае христианства. Рассматривая исторические предания, он указывает, что «при взятии Казани Грозному помогали чуваш; они ездили в Москву искать управу на татарских ханов, сильно притеснявших чуваш». Степан Разин был среди чувашей, прельщал их «обещанием больших выгод. Те верили ему. Держали его сторону». Емельян Пугачев «являлся к богатым, требовал у них хлеба и денег, раздавал то и другое беднякам. К последним он относился вообще хоро-

шо. Освобождал чуваш из-под опеки духовенства и чиновников; вешал тех и других; чувашам позволял держать прежнюю «чувашскую веру». Автор пишет о непосильной трудности ратной службы в прежнее время: «Срок службы был 25-летний. Многие не возвращались со службы: умирали от тяжелых условий солдатчины. Возвращавшиеся выглядели стариками; часто их не узнавали свои же родные».

В книге освещены географические условия территорий обитания чувашей, даны демографические сведения, определения физического и духовного типа чуваша. Автор не уклонился от свойственного тогдашней этнографии приема приписывать однозначные качества всему народу. «Чувашина можно назвать любознательным, хитрым, настойчивым, скрытным», – пишет он. В основном на базе собранных им самим оригинальных данных и личных наблюдений Никольский характеризует постройки и жилища, занятия, пищу, одежду, экономическое положение, общественный и семейный быт, духовную культуру – фольклор, народные знания и особенно подробно – языческие религиозные верования и степень христианизации чуваш. Отмечены миссионерские задачи, приложен конспект по обличению язычества чувашей. Говоря о земледелии, этнограф подчеркивает, что «сильное влияние в этой области имели на чуваш русские».

В оценке этнографических элементов и явлений автор исходит из факта имущественного и социального расслоения чувашского крестьянства. Расслоение четко проявляется в постройках и жилищах, одежде, пище, во всем крестьянском быту, «...у бедняков из года в год недостатки; своего хлеба у многих из них достает лишь до святков. Причина того... 1) уплата податей, ради которых чувашаи принуждены продавать сжатый хлеб; 2) примитивные способы обработки полей и недороды; 3) безземелье». Исходя из своих убеждений, Никольский видит возможность поднятия благосостояния крестьян в пропаганде среди них сельскохозяйственных знаний, главным образом, через школы. Слабые знания чувашей в области гигиены, медицины и ветеринарии этнограф считает необходимым изживать путем распространения на чувашском языке книг по этим наукам и преподавания в школах сведений о здоровье и болезнях у людей и скота.

«Фактический материал этой книги ценен и сегодня. – Дает характеристику исследованию исследователь В.Д. Дмитриев. Однако расслоение быта и культуры чувашей вне основных этнографических групп народа снижает его качество. Книга не свободна и от других недостатков. В ней не приведены этнографические параллели чувашей с тюркскими и финно-угорскими народами Поволжья. При характеристике занятий, жилищ, одежды, пищи и т. п. автор постоянно перечисляет суеверия чувашей, нередко не отделяя

их от собственных утверждений и оценок. Встречаются, например, такие места: в Стерлитамакском уезде чувашские крестьяне страдали от голодных лет. Кто-то распустил слух: это происходит от того, что девушка погребена живою. Разрыли ее могилу, «увидели у нее во рту холст. Вынули холст. Голод прекратился». И далее не следует никакого пояснения».

В «Этнографических заметках о чувашах Козьмодемьянского уезда Казанской губернии», опубликованных, как и только что рассмотренная книга, в 1911 г., Н.В. Никольский описывает свадебный обряд; языческие моления и заговоры, киремети, особенности говора Козьмодемьянских чувашей, рассматривает вопрос о степени их христианизации, развитии среди них школьного образования с введением системы И.И. Ильминского, приводит предания о происхождении села Оринино, тексты некоторых свадебных песен, пословиц и загадок.

В статье «К истории зырянского языка», опубликованной в 1913 г. Никольский освещает расселение и численность коми-зырян, их физический тип, занятия, религиозные верования, дает, по работам Г.С. Лыткина, характеристику их языка и говоров. Основное внимание автора сосредоточено на зырянской азбуке, созданной миссионером Стефаном Пермским около 1372 г. В ней, в соответствии с фонетическими особенностями зырянского языка, были представлены буквы, отличающиеся от кириллицы. Этой азбукой пользовались более 100 лет. К статье приложены список литературы о зырянском языке и переводов на него, карта расселения коми-зырян, зырянская азбука с подписью пермского епископа Филофея 1474 г., зырянский текст на образе св. Троицы.

В 1911 г. Н.В. Никольский, при содействии мамадышского епископа Андрея, провел огромную работу по сбору от волостных правлений статистических сведений о ряде нерусских народов России, подготовил большую книгу «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама» и при помощи видного русского этнографа, антрополога и археолога А.Н. Харузина издал ее в 1912 г.

В первом разделе книги, даны этнографические характеристики башкир, бесермян, удмуртов, мордвы, татар, марийцев, чувашей, калмыков, а также сибирских народностей, объединенных под определениями «шамане» и «бурхане».

Второй раздел книги состоит из статистических таблиц, составленных по состоянию на 1911 г. по сведениям, полученным из волостных правлений многих губерний.

Н.В. Никольский опубликовал свою диссертацию под названием «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVII веках. Исторический очерк». Это самый крупный и ценный научный труд Никольского. В нем стр. 3–192 занимает исследование проблемы,

стр. 193–416 – приложения. Исследование состоит из предисловия и 5 глав: I. Краткие этнографические сведения о чувашах (с характеристикой важнейшей литературы и источников по этнографии), II. Условия христианского просвещения чувашей со второй половины XVI в. до начала XVIII в.; III. Миссия среди чувашей с начала XVIII до 1740 г.; VI. Распространение христианства среди чувашей за время существования Новокрещенской конторы (1740–1764 гг.); V. История христианского просвещения чувашей с 1764 по 1800 г.

Н.В. Никольский приходит к такому заключению: «... И язычество, и мусульманство, несмотря на свое бесправное положение, вызванное стремлением правительства насадить среди инородцев православие, продолжают жить у инородцев и пользоваться большим расположением, чем крестьянская религия. Правда, крестьянство проникает в новокрещенскую массу, но поверхностно: новокрещенные исполняют христианские обязанности, принимают таинства, ходят в церковь, но только для вида и исключительно ввиду контроля духовной и светской администрации».

Во всей книге симпатии автора оказались на стороне чувашских крестьян. Он хотел, чтобы с народом обращались на условиях равенства, относились к нему с уважением. И все противоречащее этому принципу – все методы христианизации, применявшиеся царским правительством и церковью с середины XVI по XVIII в., им было подвергнуто обличению.

Богатейший фактический материал, содержащийся в труде Н.В. Никольского «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках», до настоящего времени широко используется историками и этнографами.

Для Н.В. Никольского история и этнография – это близнецы, которые не могут существовать раздельно. Он считал, что этнография прежде всего должна заниматься собиранием и описанием бытового материала, а обобщение собранных наблюдений и описанных фактов – задача этнологии.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО КАК ФЕНОМЕН ЧУВАШСКОЙ ЭТНОПЕДАГОГИКИ

Проблемы просвещения нерусских народов в трудах Н.В. Никольского

Все самые первые опубликованные печатные работы Н.В. Никольского («Народное образование у чуваш» (1904г.), «Родной язык как орудие просвещения инородцев» (1904 г.), «Переводческая комиссия в Казани и просветительская деятельность среди нерусских народов» (1905 г.) были посвящены народному образованию, т.е. тому делу, которое Николай Васильевич считал самым главным и важнейшим в своей жизни и деятельности.

Н.В. Никольский народный быт воспринимал как системное образование – от его социальной и экономической основы до этнопсихологических, этнопедагогических и антропологических факторов. Следовательно, этнографические труды Никольского это и работы просветительского, педагогического направления, характера. Поэтому и не мог видеть свою «великую миссию перед народом» Н.В. Никольский. В национальном возрождении, развитии чувашского народа и других народов Поволжья он считал главным, решающим успехи просвещения, народного образования.

Закончив семинарию в 1899 г. и продолжая свое образование в Казанской духовной академии, он попал в такую среду, которая во многом определила его интересы и жизненные ориентации.

В Казани существовала широко образованная, научная элита, которая группировалась как в духовной академии, так и в университете, и реализовывала свой интеллектуальный потенциал.

Просветительская, педагогическая, научно-исследовательская и общественно-политическая деятельность Н.В. Никольского с самого начала отличалась большим разнообразием. Он преподавал чувашский язык, историю и этнографию чувашей, историю христианского просвещения инородцев Поволжья, подготавливал и редактировал самые различные брошюры и книги на чувашском языке, учебники и учебные пособия, был основателем, редактором и издателем первой чувашской газеты (1906) «Хыпар». Его занимала история просвещения чувашского народа, тесно связанная с распространением христианства. Его научные темы и последующие публикации органично вырастали из этой педагогической практики и своего рода миссионерской методики.

В 1915 г. Н.В. Никольский зачисляется приват-доцентом Императорского Казанского университета, а с января 1919 г. становится профессором.

В марте 1917 г. Никольский выступил организатором Общества мелких народностей Поволжья и был избран его председателем.

15–22 мая 1917 г. в Казани прошел I Съезд мелких народностей Поволжья.

Съезд принял обширную программу развития просвещения (мероприятий культурно-просветительского плана) для народностей Поволжья, в том числе и издания учебников, учебных пособий, иной литературы на языках народностей Поволжья. Из этой программы приведем следующие положения:

«1. Язык преподавания в низших и средних национальных учебных заведениях мелких народностей Поволжья должен быть язык материнский.

2. Высшая национальная школа с родным языком преподавания – крайняя светлая цель каждого народа; все национальные культурно-просветительные учреждения имеют конечную задачу – создание этой школы...

...Признать необходимым учредить в Казани Инородческий Педагогический Институт (в другой формулировке – высший педагогический институт мелких народностей. – А.Х.), придав ему характер высшего учебного заведения (...).

Восстановить при Казанском университете факультет восточных языков с Институтом при нем для изучения живых языков, быта, этнографии, истории мелких народностей Поволжья и вообще Востока России... Независимо от сего немедленно открыть в Казани школу для практического изучения восточных языков».

1 мая 1917 г. чувашской секцией Общества мелких народностей Поволжья гласным Казанского губернского земского собрания был делегирован Никольский, которое избрало его в состав губернской земской управы. Около года (с июня 1917) он исполнял должность председателя губернской земской управы. В эти бурные 1917–1918 гг. и в последующем (до 1931 г.) он активно воздействует на процесс культурного строительства и развития системы образования в национальных интересах народов Урало-Поволжья. Так, при его участии были открыты Казанский Северо-Восточный археологический и этнографический институт (позднее преобразованный в Восточную академию и далее – в Восточный педагогический институт), Центральная восточная музыкальная школа в Казани (позднее Восточная консерватория) (Н.В. Никольский и сам в разные годы преподавал в этих высших учебных заведениях, читал курсы истории просвещения народностей северо-востока России и народностей Поволжья, истории и этнографии народов Поволжья, истории народной музыки, чувашской народной поэзии, истории и этнографии чувашей, чувашской поэтики и устной народной словесности, природных богатств Чуваши, истории марийского народа и др.), национальные учительские семинарии, школы различного типа, включая сельскохозяйственные и ремесленные.

В июне 1918 г. проходит III Съезд мелких народностей Поволжья, на котором опять ставятся культурно-просветительские задачи, вопросы о национальном школьном, дошкольном, внешкольном и профессиональном образовании, Исполняя указы I–III съездов Союза, Н.В. Никольский переводит их в практическую плоскость, реформирует и развивает систему общеобразовательных, средних специальных учебных заведений и высшей школы. Уже в 1920 г. им была разработана и предложена для Чувашской автономии структура Чебоксарского университета и был начат подбор преподавательских кадров. Этот проект, к сожалению не был реализован.

Таким образом, вопросы истории и проблема народного просвещения и образования чувашского народа для Н.В. Никольского всегда были в центре внимания. В своей работе – в историческом очерке «Народное образование чуваш» подробно и обстоятельно описывает состояние чувашского просвещения. В очерке пять глав: состояние чувашского просвещения до 1555 г.; школьное просвещение чуваш с 1555 г. до XVIII в.; школьное просвещение чуваш с начала XVIII века до 1740 года; школьное образование чуваш с 1970 года до 1764 года; школьное просвещение чуваш в 1764–1800 годы.

Вот как описывается Н.В. Никольским школьное просвещение чуваш:

«Как воспитывались чувашские дети?»

Чувашская семья XVIII в. ютилась в «черной», грязной и темной «хижине». Земледелие было главным средством ее существования; каких-либо посторонних заработков она почти совсем не знала; поэтому и материальное положение ее было совсем незавидное; питание ее было «весьма бедное».

Как общественная единица, чувашин XVIII в. фактически не пользовался никакими правами. Судьба его находилась в руках служащего класса, который был занят собственным «кормлением» в счет чувашина и потому мало обращал внимание на экономическое и правовое улучшение быта инородцев.

В религиозном отношении чуваша конца XVIII в. числились христианами, но в жизни своей были язычниками. По наблюдениям приходского духовенства, чуваша «вместо церкви почитали киреть, вместо истинного Бога веровали своему Ереху, коему и в жертву приносили в тех киретях старые серебряные и новые медные деньги и новые лоскуты, да сверх того еще в жертву же кололи свою наилучшую скотину, приносимую тому же Ереху».

Вот те условия, в которых жили чуваша и воспитывалось их молодое поколение.

Школьное воспитание носило совсем иной характер.

Новокрещенские мальчики учились в «светлице», выстроенной по русскому вкусу. Питание школьника в общем было скудное, но по временам даже лучше домашнего. Отношение воспитателей к вос-

питанникам были сухо-формальные и совсем не походили на отношения родителей к детям. Дома чувашленок слышал исключительно чувашскую речь и она свободно и легко воспринималась им, здесь с ним говорили только на русском языке и потому не производили должного впечатления. Перед чувашским мальчиком всегда находятся русские и церковно-славянские книги, которые он должен одолеть во что бы то ни стало. Если он заучит на память заданный урок, ответит без замешательства, его и похвалят и поощрят. Не выучить урока значило бы попасть под опалу строгого учителя. Хоть непонятно содержание учебника, чувашин старается усвоить его. Но, по мере того, как ученик занимается заучиванием уроков, душу его начинают томить сомнения. К чему все это? Неужели для жизни? В ответ на эти вопросы примеры вступления на должности окончивших курс в новокрещенских школах. Перспектива свободной и сравнительно обеспеченной жизни манит школьника. Но, спрашивается, скоро ли он получит искомое? Дело в том, что заученное после долгих усилий не держится в голове школьника даже года: без конца приходится учить одно и то же. Между тем, время идет, а здоровье клонится к упадку. На глазах у школьников постоянные случаи заболеваний и даже смерти: в 1767 году умер 1 чуваш, 1770 г. – 5 чувашей, 1773 г. – 3 чуваша. Не бежать ли лучше домой, спрашивали себя некоторые воспитанники, и бесповоротно решили бежать, и уже из дому заявили, что крестьянство лучше, чем учеба. 22 декабря 1765 года Казанская духовная Консистория уведомила Свяжскую провинциальную канцелярию о том, что ученик из чувашской деревни Ташлам, приходской к с. Преображенскому – Аттиково, Михаил Якимов находился «частовременно в бегах» и потому согласно просьбе родителей ходатайствует о приписке его «в подушной оклад».

Многие из инородческих детей остаются в школе по необходимости; это – «сиротствующие», у которых нет к «пребыванию пристанища». «Другие же, хотя отцов и матерей имеют», но «об отпуске из школы желания своего не объявляли», ибо хотели окончить «науки свои». Конечно, цель той и другой группы школьников было выбираться путем грамоты из плохо обеспеченного крестьянства и занять ту или иную должность. Относительно же самого времени школьного обучения, у некоторых могло быть тоже побуждение, которое выставляли в своем прошении на имя Сената. Казанские, Чебоксарские и Козьмодемьянские чуваша, предлагая правительству «брат детей их в школы» взамен рекрута. Как бы там ни было, но школьники, оставшиеся в школе, обрекли себя на тяжелую участь. Убийственно однообразная жизнь. Непонятные учебники и мудреный (русский) язык преподавателей создавали в инородцах апатию к школьным занятиям. Психологически это вполне понятно. Фактическое подтверждение имеем в словах учителей, что новокрещен-

ские мальчики «от скуки пели песни». Неизбежность апатии и скуки там, где господствует механическое обучение. Подтверждают и лица, на себе испытывавшие его действие.

«Если», говорит один крещеный татарин, «ученик заучит по-русски, без понимания, то через год все забывает. Если же на природном языке поймет и глубоко убежден, тогда год от году развивается, прибавляется все больше и больше, самообразование является, человек делается самостоятельным. Тогда и по-русски он может сказать.

«Если что-нибудь он не понимает, он ищет достигнуть это, от кого-нибудь узнать и понять, и уже не оставит, а достигнет. А кто механически заучил, у того пропадает, и он впоследствии самообразованием не занимается, не старается, потому что не понятно; корень не имеет, только на время заучено».

Центрами образования в XV–XVIII вв. являлись монастыри. В Поволжье архиепископом Казанским св. Гурием и XVI в. при Зилантовом и Спасо-Преображенском монастырях были устроены школы, которые должны были заниматься просвещением инородцев. «О добровольной отдаче инородцами своих детей в школы, трудно было и помыслить. Без сомнения, большинство учеников приходилось привлекать в школы мерами принудительного свойства». У учеников этих школ процесс обучения заинтересованности не вызывал, и большинство из них даже не понимало самой сути образования.

«По приказанию настоятеля, те из чувашских мальчиков, «кои не были пугливы» и немного владели русской речью, уводились в школы и поступали в обучение к «старцам-монахам». «Первою же школьною книгою, с которой начиналось обучение в XVI и XVII, была азбука, или, как тогда подобные учебники назывались, «книжицы малыя, уже в научение бывают малым детям». Потом читались часослов или псалтирь, а иногда, сверх того, апостол». Этим и исчерпывалась вся школьная мудрость XVI в.

Результаты такого обучения были очень незначительными, и, по всей вероятности, «грамотность чувашских школьников не заходила далее механического чтения и письма. Оторванный от родной почвы и поступив в незнакомую ему русскую среду, он должен был чувствовать себя чужим. Преподавание же на незнакомом ему русском или церковнославянском языке не могло внедрить в чувашского мальчика охоты к учению». Таким образом, уровень грамотности среди инородцев оставался низким. Деятельность монастырских школ имела очень незначительные результаты. Главные же причины слабой организации процесса обучения среди чувашей Н.В. Никольский видел в «отсутствии в учениках из чувашей восприимчивости к преподаваемому на церковнославянском языке, незнакомстве учителей с языком чувашским, следовательно, и духом этого

народа — вот те тормоза, которые не позволили школам первосвященника Казанского осуществить свою миссионерскую деятельность».

С начала XVIII в. дело по просвещению инородцев приобретает новый поворот. Петр I, сторонник светского образования, обращает внимание, в частности, и на развитие просвещения среди нерусских народов. С этой целью строятся специальные «новокрещенские школы». В 1734 г. такая школа была основана в Свияжске. В этих школах преподавали в те времена славяно-латинские науки и словесно-российскую грамоту: «Под именем словесно-российской грамоты тогда подразумевалось — изучение общепринятых древностью учебников: азбуки, часослова и псалтиря. Славяно-латинские науки состояли из изучения, сверх указанных книг, букваря и диалекта латинского. Затем начиналось изучение словесной грамматики, то есть толкование грамматических четырех статей: орфографии, этимологии, просодии орфографиейной и синтаксиса».

Условия жизни учеников были очень тяжелыми, нередко дети умирали от голода и болезней. Недостатком новокрещенских школ являлось преобладание служебных и достаточно прохладных отношений между учениками и учителями. «Это были отношения не воспитывающих к воспитываемым, а скорее отношения начальников, или «командиров» к подчиненным, причем «командиры» облечены были всеми правами власти и могли безнаказанно злоупотреблять ею». Не обращалось внимание на нравственное и умственное развитие учащихся.

Вывод: «совершенно упущена из виду та простая истина, что нельзя оскорблять духовного мира инородцев. Как бы ни были просты и не развиты понятия и верования инородцев, но они составляют всю сущность их мышления и основу их нравственности; они бессознательны, но глубоки и любимы, как наследие старины. Простой человек мыслит и чувствует только в одном органически последовательном направлении и дорожит своими, какими ни есть убеждениями, потому что живет ими. Как ни «безответны» были инородцы в прочих отношениях, но когда оскорблялось их религиозное чувство, они готовы были отомстить вооруженным восстанием.

Единственно правильное отношение к инородческому миру такое, которое исключает всякую возможность раздражения в инородцах. Но это достижимо только при одном условии: когда христианские воспитатели входят в мировоззрение инородца, «принимают его понятия за данное и развивают их».

Путь к этому отчасти был известен и в новокрещенских школах. Но они не пошли к нему, так как слишком усердно занялись руссификацией питомцев. Плодом школьных усилий было то, что к окончанию курса новокрещенский школьник научился говорить по-русски, но для просвещения единоплеменников он уже не годился: он желал главным образом собственного благополучия, тяготел к

русскому укладу жизни и пренебрегал бытом соплеменников. В результате из образованных инородцев получились прежние русские чиновники и священно-церковнослужители среди инородцев, совсем или малополезные для инородческого просвещения на началах религиозно-православных, христианско-нравственных.

В 1800 году новокрещенские школы были закрыты. Так отнеслась современность к этому просветительскому учреждению.

В чем видит основы чувашского просвещения и других народов Поволжья Н.В. Никольский.

«Термин «инородец» имеет значение скорее житейское, чем смысловое. Исторически в Поволжье инородцами являются как раз те народности, которые называли поволжан инородцами: русские, немцы, евреи, так как все они являлись сюда гораздо позднее финских и тюркских племен», – пишет Н.В. Никольский.

«В настоящее время у каждого из народностей замечается усиленная тяга к образованию, просвещению. Все эти народности сходятся в одном: необходимо больше школ, книг родной литературы. И это вполне понятно. Народностям Поволжья стало ясно, что без образования, без усиленного просвещения они погибнут».

Все виды образования должны развиваться равномерно; дошкольное, внешкольное, школьное и профессиональное образование должно быть поставлено так, чтобы получился некоторый параллелизм, содружество этих видов просвещения. Вместе с тем народности Поволжья выявили и свой взгляд на основы собственного просвещения.

Просвещение должно идти путем возвышения массы, среды.

История просвещения Поволжья говорит, что народности Поволжья начали учиться по настоящему и с пользой для себя только с 1860-х годов. До этого времени грамотность, наука, литература для них были чем-то чужим, наносным и даже враждебным. Учатся грамоте по неволе, по приказу начальства, по русским книгам и учебникам, чувашин, вотяк, мари и т.д. чувствовали себя не на месте: все это, как им казалось, нужно русским, а не им; а, так как учиться их все же заставляли, то они настраивались враждебно и к учителям, и к книгам; считали своей обязанностью при первом же случае «утечь» из школы; родители же были склонны считать пребывание их детей в школе повинностью, равной по тяжести воинской; они даже возбуждали ходатайства о том, чтобы власти брали их детей в школы вместо рекрут. До 1860-х школьная наука к инородцам прививалась слабо, потому деятели просвещения как XVIII в., так и 1-й половины XIX в., склонны были думать, что инородцы к науке не способны. Ум инородца рассматривался, как неспособный вообще к восприятию высоких истин. В неуспехе просвещения среди инородцев виноваты не инородцы, а их просветители.

Находились люди, которые готовы были доказывать, что инородцы неспособны к культуре, исходя из емкости черепа и веса мозга. Но скоро пришлось разочароваться в научности этого основания; сравнительная этнография показала, что эскимосы отличаются одним из самых емких черепов из всех неевропейских народов (1548–1556 кв. сант.), а шведы – наименее емким (1259–1261 кв. сант.). Череп мулатов более емкий, чем череп германцев и голландцев. Уже одно это сопоставление обнаружило полную бесплодность подобного рода классификаций.

15 июля 1829 г. было велено избирать для Вятской епархии несколько мальчиков из крестьян черемисского племени для обучения их в духовно-учебных заведениях, с той целью, чтобы образовать из них священнослужителей в черемисские приходы, и чтобы они, как знакомые с языком и нравами народными, тем удобнее и успешнее могли действовать на своих единоплеменников в духе христианства. 12 апреля 1830 г. были отпущены казенные средства для образования черемис в Вятских духовных училищах. Попытки обучения черемис оказались неудачными. 1860-х годах 7 черемис, будучи уволены домой, не вернулись в училища, не смотря даже на воздействие гражданской власти. Все предпочли остаться у своих соплеменников, а один даже заболел «очной болезнью», чтобы освободиться от школьной повинности. Воспитанники из инородцев 1-й половины XIX в., находясь в школах, выносили слишком мало знаний; для культурной работы они оказывались совершенно непригодными. Население имело много оснований опасаться их, как своих грабителей и угнетателей.

Таким образом, инородец не в состоянии оказался усвоить ни умственного, ни нравственного богатства европейца. Религиозные идеи европейца усваивались инородцами еще хуже, чем европейская философия и мораль. Принимали ли инородцы христианство добровольно, или по принуждению, все равно оставались прежними язычниками или мусульманами. Данные истории XVI–XIX в. говорят о том, что инородцы исповедывали христианство часто внешний образом; внутренне они «паки к басурманской вере уклонялись», и были «зело закоснелы в своих обычаях».

У отдельных национальностей Поволжья количество школ, учащихся и учащихся в них в 1912 г. было следующее:

У чуваш:

губернии	двукл. и второкл. шк.	однокл. шк.	число учащихся	число учащих
Казанская	12	550	25000	560
Симбирская	4	250	10000	260
Самарская	2	180	650	190
Саратовская	-	30	800	20
Уфимская	2	150	8000	160
Астраханская	-	3	100	3
Оренбургская	-	5	150	50
Томская	-	20	800	20
Тобольская	-	25	1000	25
Всего:	20	1213	45150	1243

В средних учебных заведениях обучалось около 500 человек.

В высших учебных заведениях обучалось до 100 человек.

Такое же отношение к общему количеству было у черемис и у других мелких народностей. Татары-мусульмане почти поголовно грамотны по-татарски.

К 1 января 1915 г. в высших учебных заведениях государства обучалось 190 мусульман, в средних школах – 3946 мусульман обоего пола, т.е. при 18 миллионном мусульманском населении в государстве 1 обучающийся в средней школе мусульманин приходился на 45000 человек.

Все эти данные говорят о том, что при надлежащей постановке просветительного дела инородцы могут усваивать какие угодно знания и в отношении культуры достигать удовлетворительных результатов.

Народное творчество в широком смысле, как основа народного развития и вместе с тем метод этого развития, – размышлял Н.В. Никольский.

Он предлагал учесть – «Ничто не способствует в такой мере настоящему развитию и охоте развиваться, как обращение к самостоятельности соответствующих лиц. Самостоятельное отыскивание учениками доступных им научных истин, самостоятельное того или иного научного положения взрослыми, вообще имеет великую важность: нигде школа для детского возраста и для взрослых не работает так как в этом случае, и притом именно, для современной жизни в ее существеннейшем положительном отличии от предыдущей эпохи развития данного народа. Прогрессивное направление в ту эпоху имело своим лозунгом независимость мышления: оно требовало, чтобы человек воспитывал в себе веру в свой разум, чтобы он отрелся от всякого авторитета, сбросил с себя всякие очки, чьей

бы рукой они ни были надеты, и смело глядел на мир собственными глазами.

Развитие самостоятельной наблюдательности выводит человека дальше на путь к разрешению одной из самых высших жизненных задач – знания света и людей.

Живой мир нельзя передавать так удобно, как на занятиях родным языком, тем живым языком, который мы слышим.

Занятия живым языком развивают способность схватывать индивидуальные явления в их мельчайших особенностях и в то же время улавливать их общую связь, которая и раскрывается лишь при таком глубоком, исключаящем всякую поверхностность наблюдения.

Если мелкие народности Поволжья не без основания жалуются на то, что права их часто попираются более сильными народностями, то это явление вполне естественное: только культурный подъем каждой данной народности может закрепить за ней равноправие с другими народностями; какие угодно издавайте законы в защиту прав национальных меньшинств, жизнь будет третировать эти меньшинства до тех пор, пока они в отношении культуры будут стоять позади других народностей, пока просвещение не приведет малокультурные нации к уровню культурных народностей.

В просвещении народа большую роль играет национальная литература и произведения устной народной словесности должны стать общенациональным достоянием. Все лучшее, созданное нацией, не должно исчезать. Школьная и внешкольная литература должны быть в первую очередь заполнены данными устной народной словесности. Сказки, загадки, пословицы, всевозможные рассказы и понятия народные легенды, предания, одним словом, создания народного ума должны стать общим достоянием массы».

По мнению Н.В. Никольского, рассадники культуры и просвещения, по возможности, должны быть однородные.

Поволжье представляет смесь самых разнообразных культур и просвещения.

Характер этих культур слишком различный, чтобы можно было говорить о совместных школах, внешкольных и дошкольных учреждениях. Самый склад ума, воспитанный в условиях соответствующей культуры, не позволяет говорить об общих питомниках просвещения. То же самое нужно сказать о настроении, нравах, обычаях и т.п., создавшиеся у адептов той или иной культуры. Обращая внимание на психологию каждого народа в отдельности, мы найдем массу таких особенностей которые говорят за безусловно особые для каждой народности культурно-просветительные учреждения.

Нравственный характер, например, башкир, представляется в таком виде. Башкиры подозрительны, хитры, склонны к лени, празд-

ности; добрые, очень служивы, переносливы в обидах и оскорблениях.

Ум башкира отличается живостью и подвижностью, как и весь вообще его характер, оттого башкир чувствует большую склонность к такого рода занятиям, где требуется не одна механическая привычка и рутина, а разнообразие приемов и личное соображение.

Национальный характер Казанских татар живее и восприимчивее русского. Татарин боек, смышлен и предприимчив, общителен, словоохотлив, обидчив и горяч; при всей предприимчивости и ловкости ленив и неустойчив в дело труда систематического. Таким образом, духовный мир башкира и татарина говорит за необходимость раздельного устройства школ и других культурно-просветительных учреждений среди них, и это не смотря на то, что обе народности тюркского племени.

Языки народностей Поволжья настолько отличны один от другого, а все вообще от государственного русского, что в целях скорейшего культурного подъема каждой народности, лучше пользоваться национальными языками. Для государства выгоднее иметь граждан единомысленных, хотя бы разноязычных, чем одноязычных, говорящих по-русски, а думающих совсем иначе.

Самые науки, знания инородцами будут усваиваться охотнее лишь тогда, когда они будут построены на этнографической основе. В инородце «есть любовь к окружающей природе и к своему племени». «Школа должна воспользоваться этой, воспитанной, помимо ее, любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему, прежде всего, описание его жизни, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает что его племя совершило и что ему следует совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать идеи в будущем какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Сибирские инородцы. «Сибирь»). Этими словами указывается на то, что истинное образование инородца не должно порывать связь его со своим народом; целью образования должно быть: «внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть от прежней семьи, вырвать ее и предоставить массу ту же нищету, несчастье и вымирание. В пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни и в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залогом сохранения племен от вымирания и гибели. Такое просвещение будет источником жизни, который воскресит вымирающие племена. Некоторые народности Поволжья, в особенности финского корня, угнетает меланхолия, мрачная безнадежность, отсутствие веры в лучшее. Вот эту-то веру, эту общечеловеческую надежду и должно создать инородческое просвещение... Когда инородец не видит никакого насилия, опасности в

деле привития образования, он научится уважать его. Иностранцы охотно отдают своих детей в школы там, где в деле преподавания пользуются их родным языком, где ученик скорее и естественнее усваивает необходимые сведения.

Такая постановка образования, при которой исходным основанием для преподавания является науки о самом иностранце, средством преподавания родной язык, очевидна, возможна и легче достижима в школе однородной, чем смешанной.

Чтобы просветить своего собрата, каждый иностранец должен выносить из школы умение просто, ясно, наглядно на родном языке передать своим домашним приобретенные знания. Но этот навык с меньшей затратой времени и труда достигается успешнее в школе однородной. Школа из нескольких народностей этого достичь не в состоянии, для этого понадобились бы учителя, обладающие одновременно знанием нескольких языков, что редко случается.

Если культурные питомники должны пользоваться родным языком каждого племени и быть однородными, то, естественно, и деятелями просвещения должны быть лица, хорошо знакомые с языком, культурой, психологией данного племени. Системой Н.И. Ильминского требуются преимущественно туземные деятели. «Предпочтительность», говорит Н.И. Ильминский, «туземных учителей и проповедников я основываю: 1) на силе единоплеменности, которая привлекает больше доверия и сочувствие народа; 2) на применительности: учитель, вышедший из среды иностранцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени; 3) туземец в самой дикой родной дебри, в самом необеспеченном и скудном быту будет чувствовать себя уютно, тогда как для иного человека будет ощутительно и тяжело отсутствие удобств цивилизованной жизни». Русский человек «не может вполне приноровиться к иностранцам, хотя бы говорил на их родном языке. Его речь будет убедительна по-русски, а в иностранцах она своей русской постановкой излагаемых мыслей всегда должна более или менее оставлять недоразумение, темноту, отсюда неубедительность, бездейственность. Но что не достает русскому, разве только при высоком образовании, то непосредственно дается иностранцу природой». «Иностранец, движимый только врожденным инстинктом, прямо и непосредственно может действовать на ум и сердце единоплеменных ему иностранцев».

Само собой понятно, что деятели должны подготавливаться в школах, которые о свою задачу включают цели иностранческого просвещения. Для обслуживания соответствующей народности, должны преподаваться: язык данного племени и практически, и теоретически, история и этнография соответствующего народа. Каждый семинарист должен выходить из семинарии с переводческим и авторским навыком на родном языке, со знанием методики преподавания каждого предмета в иностранческой школе, с умением разрабатывать

на основании местных сырых материалов родную историю, этнографию, обычное право, историческую географию и т.п.

Вот окончательные тезисы и выводы Н.В. Никольского по просвещению и народному образованию чувашей и других народностей Поволжья:

1. Просвещение должно идти путем возвышения массы, путем подъема среды;

2. Родной язык единственное средство для этого; творчество в широком смысле единственный метод просветительского дела;

3. Чтобы культурная работа массы началась, народу предварительно необходимо произвести учет всего своего культурного богатства;

4. Затем необходимо все лучшее выбрать и сделать достоянием всей народной массы; немедленно приступить к надстройке того, что дала европейская культура;

5. Рассадники культуры и просвещения должны быть, по возможности, однородными, чтобы отсталая народность не могла тормозить работу более развитой народности;

6. Культурные работники должны принадлежать по крови и по духу к той народности, для которой они трудятся.

Н.В. Никольский был активным сторонником развивающего обучения, считал, что задача учителя заключается не только в том, чтобы давать детям лишь готовые знания, но и в том, чтобы научить их самостоятельно добывать эти знания: «Ведь самостоятельное отыскивание учениками доступных им научных идей, самостоятельное открытие того или иного научного положения взрослыми вообще имеет великую важность. Для ученика, например, который хоть один раз сам открыл что-нибудь новое, эта найденная им самим истина во сто краг дороже того, что сообщает учитель для заучивания наизусть».

Лучшим методом преподавания, по Н.В. Никольскому, является беседа преподавателя с детьми. Этот метод позволяет учителю заставлять учеников думать, рассуждать, анализировать и на основе уже имеющихся у них знаний делать выводы и обобщения. Особое внимание Н.В. Никольский обращал на язык учителя, доступный и образный. Но рассказ как метод является не очень совершенным, и поэтому им не следует злоупотреблять, предупреждал ученый-педагог. Строго определенных методов, приемлемых для преподавания, он не указывал, ибо обучение – это творческий процесс, и учитель сам волен выбирать те или иные методы в зависимости от тех или иных обстоятельств: «Школа – это безотрывное творчество; учитель – это художник, ученики – это дети, из которых художник творит истинных граждан».

Главная же задача, которая стоит перед школой – это воспитание хорошего человека, истинного гражданина. Чтобы эта цель бы-

ла достигнута, нужно правильно организовать прежде всего, по мнению Н.В. Никольского, сам процесс обучения.

Окружающая ученика обстановка в школе должна быть доброжелательной и располагающей к активной деятельности. Отношения между учителем и учениками всегда должны оставаться дружественными («учитель – это отец или старший брат в школьной семье, друг детей»). Начальное обучение поэтому обязательно должно осуществляться на родном языке учащегося. Другим важным условием является наличие педагогов, принадлежащих по духу и крови к той народности, для которой они трудятся, то есть учитель и ученик должны быть одной национальности, так как «учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени». При этом следует учитывать то, что деятели инородческого просвещения, должны подготавливаться в специальных школах, которые в свою задачу включают идеи инородческого просвещения. При просвещении инородцев следует обращать внимание и на содержание знаний, сообщаемых им. Они должны быть практического характера и иметь непосредственное отношение к жизни и истории инородцев.

Еще одним условием для успешного развития просвещения среди инородцев являлось наличие учебной литературы, написанной на родном языке той или иной народности. Особую помощь при выполнении этого условия должна оказывать переводческая деятельность. Н.В. Никольский ратовал за развитие внешкольного образования, которое «может осуществляться через организацию народных библиотек и читален, народных чтений и общедоступных лекций, а также через составление и издание брошюр познавательного характера, через устройство вечерних повторительных и воскресных классов для взрослого населения и через просветительский кинематограф». Выдвигал идею организации на селе Народных домов, которые должны являться центрами общественной жизни и развития народной самодеятельности местного населения.

Именно через внешкольное образование можно значительно повысить уровень культуры среди простых чувашских крестьян, для которых обучение в школе было уже не доступно из-за возраста или по причине ее отсутствия. Единственным источником знаний для этих людей являлись различные внешкольные мероприятия. В организуемых при каждом селении Народных домах устраивались бы различные народные чтения, просветительские лекции, образовательные выставки и разнообразные самодеятельные представления. Польза от этой просветительской деятельности была бы очень значительная. Н.В. Никольский отмечал значение театра на селе: «Театр является одним из лучших способов закрепления трезвости в деревне и заполнения народного досуга эстетическими, оставляющими глубокий след развлечении».

Н.В. Никольский считал, что обучение – это очень сложный и ответственный процесс, требующий от учителя хорошей подготовки и жизненного опыта; обучение – это и творческий процесс, когда учитель должен каждый раз стремиться разнообразить методы и приемы, необходимые при проведении урока, которые бы сделали процесс обучения интересным и увлекательным для учащихся. Главная задача учителя заключается в том, чтобы давать ученикам готовые знания, сколько в том, чтобы способствовать их всестороннему развитию. Отсюда следует, что процесс обучения в школе должен быть построен таким образом, чтобы дети в ней развивались и умственно, и физически, и нравственно.

Н.В. Никольский о родном языке как о духовно-нравственном сокровище народа

«Народ без народности – тело без души, которому остается только подвергаться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность».

Народность, как доказано Ушинским, является единственным источником жизни народа в истории, «только народное воспитание является живым органом в процессе народного развития (там же). «В душе человека черта национальности кропится глубже всех прочих». Национальная черта человеческой природы «выдерживает напор столетий и не истощается миллионами отдельных личностей».

Лучшим орудием передачи от одного поколения к другому мыслей, чувств, жизненного опыта, Ушинский считал родной язык. Для него он «Самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущее поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Язык великий русский педагог именовал лучшей характеристикой народа. Он убедительно доказывал, что только родной язык может оказать сильное влияние на духовное развитие ребенка, что только родной язык может проникнуть глубоко в его дух и тело, пустить глубокие, здоровые корни, обещающие богатое, обильное развитие.

Свою теорию народного воспитания Ушинский выводил из истории и практики. Поэтому так научно убедителен его гимн родному языку – бессмертное произведение «Родное слово». «И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями отживших его предков».

Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и

вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури грозы... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая это жизнь. Когда исчезнет народный язык, народа нет более!».

«Что каждая народность должна получать начальное школьное образование на своих родных языках, высказал... еще 300 лет назад славянский педагог Амос Коменский» – так писал 1895 году просветитель В.К. Магницкий.

Основную цель и задачу школы родного языка Коменский представлял так: «Предел и цель школы родного языка будут состоять в том, чтобы все дети научились бы тому, пользование чем простиралось бы на всю их жизнь». В задачи этой школы входили научить свободно читать любой текст, написанный или напечатанный на родном языке, писать, считать, измерять, петь, знать наизусть псалмы, церковные песни, катехизис, божественную историю, нравственные правила и др. – все на родном языке.

Задуманная Коменским идея о школе родного языка должна была быть базой для продолжения образования. В этом заключается великое значение его идеи.

В середине 60-х годов в Поволжье разгорелся спор об использовании родного языка в национальных (в «инородческих», как тогда говорили) школах. Прежняя система обучения инородческих детей сразу по русскому букварю успешных результатов не давало, поэтому крестьяне старались своих детей в школу не отдавать. Один из деятелей народного образования С.И. Иванов в статье «Записки о равнодушии крестьян Буинского уезда к делу грамотности и о способах к устранению тех причин» писал: «Несмотря на то, что 200 селениях бывших удельных крестьян Буинского уезда школы существуют с 1840 года, и в каждой обучается до 40 мальчиков в течение 3–4 лет, должно было быть до 4400 грамотных за 22 года, но в настоящее время с трудом можно найти в каком угодно селении от 1 до 3 крестьян, умеющих читать и подписать свое имя, остальные перезабыли, а на их обучение потрачено до 187 тысяч крестьянских денег. Такой застой грамотности приходит от того, что ученики после окончания школы в свободное от хозяйственных дел время не занимаются чтением книг, у них дома нет никаких книг, нет письменных принадлежностей». Он высказался за преподавание в школе на родном языке.

Правительство царя, имевшая еще со времени завоевания Казани цель обучения и христианизации народов Поволжья, для нужд управления подготовки священников разрешило открывать школы,

но использовать родной язык, тем более вести занятия на нем, категорически запрещало, хотя при подготовке священников происходило знакомство с чувашским языком. Правительство исходило из того, что под влиянием ряда ученых и священников было создано мнение, что чувашский язык беден и чувашей скорее надо обрусить. Некий В.И. Лебедев писал: «Чувашское наречие – один из беднейших языков в мире, в нем всего-то около полутора тысяч слов; он не имеет выражений для понятий отвлеченных... Вот одно из величайших затруднений для священников селений чувашских, когда они стараются высказать чувашам на их родном языке истины религии христианской». Откуда ему было знать, что лет через 80–90 появится у чувашей 17-томный словарь Н.И. Ашмарина! Один из богатейших языков мира.

Идея о необходимости употребления в школе родного чувашского языка впервые открыто была выражена Н.И. Золотницким (1829–1880) в статье «По поводу открытия частных школ в Вятской губернии», где он «раскрыл» секреты в обучении детей его отцом, священником-учителем, который своих учащихся обучал на чувашском языке, и те могли читать уже через полгода учебы. Позже весьма подробно он изложил свои взгляды о преподавании на родном языке в большой статье «По вопросу о способах образования чуваш».

Подробное знакомство с наследием Н.И. Золотницкого нас убеждает, что он был знаком с рядом идей Я.А. Коменского, в том числе и с идеей создания школ родного языка.

Другим крупным ваятелем новой системы обучения нерусских детей является Н.И. Ильминский (1822–1891). Профессор Казанского университета, который 1863 году с помощью учителя В. Тимофеева, крещенного татарина, перевел и издал букварь на татарском языке и сразу открыл школу нового типа. Первоначально здесь было 3 ученика, которых обучал на родном татарском языке, и дети за зиму научились тому, что раньше усваивалось за три года.

Ильминский считал, что в душе человеческой есть необходимый закон и движущая сила душевной жизни и к непосредственным действиям души относил фактор языка.

В пору обсуждения проблем родного языка в национальной школе в 1864–1869 гг. предлагаемая система называлась системой Ильминского и Золотницкого. После рассмотрения вопроса в Министерстве народного просвещения 26 марта 1870 года Правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» были утверждены царем и вступили в силу. Победившая система Ильминского в Поволжье действовала вплоть до 1905 года, просуществовав почти 50 лет.

Дело Ильминского развил И.Я. Яковлев.

Для Яковлева родной язык в школах был основой основ школьного дела. Если в системе Ильминского (также и Золотницкого) родной язык служил как первоначальный этап (первые два класса) обучения в школе с тем, чтобы потом переходить на русский язык, то в системе И.Я. Яковлева дети все 4 года учились на родном языке, а русский язык был учебной дисциплиной. И только в более старших классах преподавание велось на русском языке, но при этом все непонятное объяснялось и переводилось на чувашский язык. Если брать Симбирскую чувашскую школу, то чувашский язык изучался основательно, с тем, чтобы преподавание могли вести на родном языке детей.

И.Я. Яковлев удовлетворялся использованием чувашского языка в начальной школе и церкви. Он придерживался убеждения Н.И. Ильминского: «Сделайте «инородца» путем родного языка православным, и он будет русским». Для Никольского родной (материнский) язык был цельным мировидением, философией жизни, он стремился к тому, чтобы и «высшие науки» развивались на чувашском языке.

Как И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский основной причиной, по которой до 60 годов XIX века грамотность, науки и литература для чувашей «были чем-то чужим, наносным и даже враждебным», считает отсутствие преподавания на родном языке.

В 1903 году Н.В. Никольский окончил академию, изучив два новых языка: немецкий и арабский. Хорошо знавшие Никольского люди утверждают, что профессор, кроме упомянутых языков, достаточно свободно владел языками финно-угорской и тюркской семей – всего 25. В общем, во время работы над научными изысканиями пользовался источниками 70 языков, т.е. проблемами наций он владел, зная языки этих народов.

Н.В. Никольский считал, что уровень и качество жизни нерусских крестьян можно поднять путем распространения грамотности. Он ратовал за равенство народов России, был против насильственной их руссификации. В движении за национальный подъем чувашей принимали участие самые передовые люди того времени. «Мы должны по духу сделаться русскими: по-русски думать и чувствовать. Для этого нам необходимо подняться до русской культуры. Поднять культуру чуваш можно только через родной, понятный им язык» – писал Яковлев. С этой целью издавались на нерусских языках учебники, словари, художественная, педагогическая, географическая, медицинская и другая литература. В 1904–1905 годах Н.В. Никольский издал две брошюры о значении родного языка и важности издания книг на родном языке для просвещения нерусских народов. В книге «Родной язык как орудие просвещения инородцев» он пишет: «Родной язык, воплощая в себе мышление народа и все его мировоззрение, непосредственно говорит уму и сердцу: движе-

ние мыслей и чувств возбуждается глубже и сильнее, доказательство получают большую силу убедительности, потому что вместе со словами передаются детям родные элементы мыслей».

В 1903–1950 годы (исключая 1932–1945 годы) Н.В. Никольский занят педагогической деятельностью. Огромное значение в обучении «инородцев» он придавал знанию родного языка. Он считал, что инородческая школа, русская по существу преподаваемых предметов, разнится от последней приемами обучения. Ученики этой школы являются с совершенно другим мировоззрением, складом мышления, у них свой мирок. Задача учителя – приноровиться к душе ученика. Лучшее средство для этого – родной язык учащегося. В преподавании чувашского языка Никольский добивался общего развития учащихся, освоения ими литературного языка, живой речи, умения переводить с русского и других языков, знания прозы и поэзии родного языка. В книге «Основы инородческого просвещения» Никольский пишет: «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившее, живущее и будущее поколения народа в одно великое историческое живое целое. Язык не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает родной язык, народа нет более». В преподавании истории он старался связать иллюстрации из истории русского народа с примерами из жизни других народностей. Он считал: «Если бы преподавание истории было поставлено на этнографическую почву, она была бы для учеников-инородцев не простым только сборником интересных рассказов, а живым воспоминанием о родном, своем прошлом, может быть и переживанием своего прошлого. Этим путем удобнее достигалась бы другая и коренная цель изучения истории – развитие в учащихся сознательного патриотизма».

В своих трудах Н.В. Никольский в деле просвещения народов и распространения этнопедагогических идей родной язык ставит в одно из главных мест.

«Автор настоящей книги – народный чуваш (получивший высшее богословное образование), близко и непосредственно знаком с жизнью, обычаями и религиозными воззрениями инородческого населения казанского края, а потому его голосу и рассуждениям в решении данного вопроса (т.е. родной язык как орудие просвещения инородцев) мы придаем особое значение», – дает примечание от редакции редактор книги «Родной язык как орудие просвещения инородцев» ректор Казанской Академии Епископ Аликий.

«Уча народ языком самого народа, а не тем, каким говорила еврейская ученость в лице книжников и фарисеев, Иисус Христос приобрел Себе массу последователей, готовых по первому Его требованию заняться проповедничеством в среде людей, «сидящих во тьме и сени смертной». Но так как миссионерство, представляющее

из себя учительство, «есть искусство из искусств», то ученики Христовы прежде проповеди должны были бы в достаточной степени присмотреться к учительству Самого Спасителя. И когда настало время, им была дана заповедь «Научить вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Св. Духа». Для лучшего и удобнейшего выполнения этой заповеди апостолам был ниспослан дар языков. Получив все средства, необходимые для религиозного просвещения иноверцев, апостолы разошлись по разным странам, по разным народам. Чуждые древнеиудейской исключительности, они беседуют с каждым народом его собственным языком. Скиф, варвар, мидянин, перс и т.д. слышали проповедь о Христе каждый на своем языке. Воодушевленная речь апостола о Христе на языке просвещаемого народа оставляла в последнем глубокий след, заставляла его покидать языческое мировоззрение и заменять его христианским. Евангельские истины, это чудное, неземное учение, на родном языке доставляли отраду душе прозелита. И он «от избытка сердца» спешил делиться своим духовным богатством со своими сородичами, привлекая и побуждая последних стать в ряды исповедников Христа. Церковь Христова росла и росла. Видя подобные добрые плоды проповеди и объясняя их не только воздействием спасительной благодати, но и употреблением родного языка, как орудия просвещения иноверцев, апостолы завещают своим преемникам непременно пользоваться языком просвещаемого народа в целях евангелизации последнего. «И бездушные вещи», говорит апостол Павел, «издающие звуки, — свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гусли? И если труба станет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Для иноязычника богослужение должно совершаться исключительно на его языке. «Ибо», говорит апостол, когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой молится, но ум мой останется без плода. В частности, особенно это нужно сказать по отношению к литургии. «Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдин как скажет: «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. «Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается». Церковную проповедь должно говорить от сердца к сердцу. «В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других настаивать, нежели тысячу слов на незнакомом языке».

Во имя заповеди апостольской, пастыри и учителя вселенской церкви, когда нужно было просвещать иноверцев, всегда прибегали к языку этих иноверцев. Известно, что св. Иона Златоусть (344—407 г.) заботился о просвещении Готов посредством их родного языка. Блаженный Августин настаивал на том, чтобы пунийцы были по-

учаемы на пунийском языке. В древней христианской церкви родной язык известного народа никогда не изгонялся из богослужебного и религиозно-просветительного употребления. Каждый христианский народ читал св. Писание на своем родном языке: греки – на греческом, итальянцы – на латинском, сиряне – на сирском, копты – на коптском и т.д. Только впоследствии, под влиянием политических идей, начались уклонения от мудрого принципа просвещения иноязычников через посредство их языков. Так, римско-католическая церковь, преследовавшая мирское и властолюбивое стремление, установила единство языка богослужебного – латинского. По видимому, желание подменить принцип христианизации еллизаторским не чуждо было и Византии. К счастью, здесь не были фанатичны в своей идее, так что св. Кирилл и Мефодий беспрепятственно перевели на славянский язык не только Священное Писание, но и богослужебные книги. Во второй половине XIV в. св. Стефан, в видах христианского просвещения зырян, изобрел намеренно алфавит для их бедного и необработанного языка и перевел со славянского языка богослужебные книги, завел для зырянских детей училища, в которых и обучал своих учеников новоизбранной грамоте... Так надо поступать и в настоящее время. И ныне, как и в прошлые времена, для христианского просвещения инородцев нужно пользоваться их языками.

Сравнительная же близость языка чуваш и некоторых других инородцев более с татарским, чем с русским языком, а также большое сходство их в образе жизни с татарами, чем с русскими, географическое положение их обитания, по большей части окруженного со всех сторон татарами-мухаммеданами, вдали от русских, – все это имеет своим последствием то, что эти инородцы, почти ни слова не знающие по-русски, не имеющие почти никаких сношений с русским населением, испытывают на себе всю тяжесть давления мухаммеданской пропаганды... И, наконец, целые деревни инородцев, естественно, отатариваются и отпадают в мухаммеданство. Черемисы Вятской епархии, приверженцы секты Кугу-Сорта, в числе причин своего отпадания от православия указывали, между прочим, на то, что они «не понимают церковно-славянского языка, а духовенство не знает их языка».

Заставить расти никогда и ничто нельзя; никто не может прибавить себе росту хотя бы на вершок, не может этого сделать и для растения. А потому со стороны человека все усилия должны быть направлены к тому, чтобы поставить свою душу на такие условия, при которых она могла бы свободно, легко и беспрепятственно иметь общение с Богом и возрастая духовно. Какие же эти условия? – Слушание и чтение богослужебных и религиозно-нравственных книг на родном языке.

Инородческая школа, инородческая избушка и инородческий храм должны слышать благовестие о Христе на инородческом языке. Школа должна трудиться над христианским воспитанием малолетних, сельская избушка – над возрастными, церковь – над этими и другими вместе.

По сознанию нашей церкви и правительства единственно верный и действительный путь для прочного насаждения христианства среди инородцев – школа с преподаванием священных предметов на родном языке. «Первое возбуждение христианского религиозного чувства и мысли возможно только в том случае, когда ученики вполне понимают предлагаемые им уроки, а это возможно только на родном языке». Школьная практика Братства св. Гурия в Казани наглядно доказывает эту мысль. Обучение детей на родном языке в школах этого типа начало уже оказывать успехи.

Инородческая школа нового типа, сравнительно со школой старого типа с ее преподаванием и учебниками на русском языке, приобрела себе больше симпатий в среде инородцев. Количество грамотных становится все больше и больше. В настоящее время в Казанской губернии на 16 неграмотных чуваш мужского пола приходится один грамотный, на 92 неграмотных женщин – 1 грамотная. Нынешняя инородческая школа с ее преподаванием на родном языке и учителями из инородцев для инородцев уже не является «букой», от которой нужно откупаться подарками и взятками писарям, старшинам и т.д., как это практиковалось при школах старого типа, как-то: новокрестьянских (1705–1801), ланкастерских и удельных школах первой половины XIX столетия. «Родной язык, воплощая в себе мышление народа и все его мировоззрение, непосредственно говорить уму и сердцу: движение мыслей и чувств возбуждается глубже и сильнее, доказательства получают большую силу убедительности, потому что вместе со словами передаются детям родные элементы мыслей. Вот где нужно искать объяснения благотворного действия уроков по закону Божию отца Василия Тимофеевича в казанской Крещено-татарской школе, отца Даниила Филимонова – в Ишаковской школе и др. Присутствуя иногда на уроках закона Божия в школе, родители учеников составляют себе такое представление: кунта чан сута катартаҗсё: Христос еннелле савраңаҗсё (здесь показывают истинный свет, обращают к Христу)».

Перевоспитывая молодое поколение при помощи переводов священных книг на инородческом языке, школа через это самое оказывает косвенное, то тем не менее сильное влияние и на взрослое поколение. Влияние это основывается вообще на доверии и любви взрослых, в частности родителей к детям; следовательно, оно порождается чисто внутренними психологическими причинами. Во-первых, здесь играет важную роль психологический закон несомненного непосредственного влияния маленьких на взрослых чис-

тотою и искренностью своих поступков и действий, а также другими привлекательными качествами. Дети невольно увлекают своих родителей и других близких членов семьи: заставляют их внимательно отнестись к себе, задумываться над мотивами и характером тех и других своих действий и поступков, и через это способствуют различению ими заблуждений, определяющих их жизненные отношения. Раз заблуждение понятно, у человека уже само собою возникает стремление исправить свое ложное положение. Во-вторых, дети действуют на своих домашних через передачу им всего того, что они получают в школе. Родители относятся с доверием к своим детям, они не подозревают в детях никаких задних мыслей, как это бывает по отношению к прочим лицам. Вследствие этого все слышимое от детей обсуждается более спокойно и беспристрастно; традиционные понятия и убеждения невольно сопоставляются с новыми истинами, и полнота и возвышенность этих последних постепенно входит в их сознание; совершается, таким образом, медленно и тихо внутренний процесс, который в конце концов изменяет их прежнее мировоззрение и полагает начало новому направлению образа мыслей и поступков.

Входить в храм, где служат по-славянски, богомольцев мало, да и те высматривают как-то грустно, уныло. Чуваши, правда, молятся, но совсем не о том, к чему приглашает его священник или дьякон. Дети оглядываются, старухи разговаривают. На мои расспросы о том, почему они так плохо ведут себя в храме, чувашки ответили одним словом: "анланаймастпӑр" – не понимаем (подразумевается то, что происходит в храме). Иная картина наблюдается в храме, где служба идет на чувашском языке. Церковь переполнена народом. В ней порядок, можно сказать, образцовый. Все молятся усердно. «Когда – пишет чувашин Чистопольского уезда Н.И. Ильминскому, – начнут петь по-чувашски, то, кажется, мы и ноги под собой не слышим». Как-то отрадно чувствуешь себя в таком храме. Школа и богослужение через переводы заметно улучшают нравственную жизнь инородцев.

Выясняя причины религиозного движения чуваш, черемис, крещенных татар, отцы благочинные Казанской епархии в унисон заявляют, что оно началось благодаря: 1) размножению школ с инородческим преподаванием по программе Н.И. Ильминского (т.е. на русском языке); 2) совершения на инородческих языках богослужения в церквях, а иногда и в приходских деревнях...

Несмотря на очевидные хорошие результаты инородцев посредством их языка, все чаще и чаще стали раздаваться голоса против церковного и школьного употребления инородческих языков. Лица, имеющие соприкосновение с делом просвещения инородцев, но вера, которая, по их мнению, дана чувашам и черемисам и самым Богом, как Богом же дана: русским – русская, татарам – татар-

ская и всякому народу своя вера... Поэтому спрашивается, стоит ли поддерживать внешнее, неразумное и ни к чему хорошему не ведущее стремление.

В Казани есть татары-мусульмане, которые прекрасно владеют русским языком, но это нисколько не препятствует им быть столь же прекрасными популяризаторами идей ислама и насадителями в татарской массе симпатий к Турции: как к державе, единой верной с татарами.

Все евреи прекрасно говорят на языке народа, среди которого живут, но никогда не сливаются с этим народом. Красноречив до чрезвычайности и тот факт, что самую крайнюю враждебностью к Англии отличаются те именно ирландцы, которые совершенно утратили свой родной язык, говорят только по-английски и, будучи англичанами по языку, во всех других отношениях являются крайними антиангличанами.

Усвоить себе русско-христианские понятия прочно, живо и сознательно инородцы могут не иначе, как при посредстве своего родного языка: «Только родной язык служит проводником идеи в самую глубь сознания. Сколько ни учите в школе инородца русскому языку, какие продолжительные курсы не назначайте для этого, всегда русский язык останется для него чем-то внешним; вы можете его научить говорить по-русски, но мыслить он все-таки будет на своем родном языке. Русские слова и обороты во всей полноте и широте их значения он не будет понимать дотолы, пока совсем не забудет своего языка, пока русский язык не сделается для него родным, а это решительно не возможно в короткий период школьного обучения. А потому идеи, понятия, представления, сообщения инородческому мальчику на русском языке, всегда будут подернуты для него каким-то туманом, не будут иметь той определенности, живости и прозрачности, как если бы сообщались ему на его родном языке, никогда не проникнут в самую глубь души, а будут лежать на поверхности ее и могут быть вполне усвоены, могут обратиться, так сказать, в плоти и крови духовного организма лишь тогда, когда он внутренне переведет их на свой родной язык, разжует и переварит их, так сказать, посредством этого внутреннего процесса; в этом только случае они будут для него и ясны и определены, и глубоко заглянут в душу». По признанию современных педагогов, первое слово, которое произносит ребенок и которому придает смысл, не есть слово из языка матери – ребенок сам составляет материал и придает ему смысл; первое слово есть принадлежность его собственного языка, которому мать учится раньше, чем научить ребенка своему. Этот столь бедный язык ребенка, словарь коего состоит из нескольких звуков, изменяющихся криков, едва произносимых слов, язык обходящийся без грамматики, есть инструмент, которым пользуется мать, руководимая удивительным инстинктом разговора

своего ребенка, чтобы дать понять и усвоить язык его семьи. Чтобы научить ребенка говорить на их языке, старшие члены семьи говорят с младенцем на его языке. Но вот ребенок начал говорить языком своей матери, иметь свой особый способ думать, чувствовать и выражаться. Язык, которым он владеет, удовлетворяет всем его нуждам. Природа больше уже не повторит для него, в виду изучения нового добавочного языка, того, что она сделала для него при изучении языка матери. Поэтому задача воспитателя – продолжить первые основы знаний ребенка, а не предлагать новых основ знания – построить здание христианского воспитания на том фундаменте, который заложила в младенце природа через посредство собственных сил младенца, при помощи матери и других членов семьи. Когда родной язык является проводником нравственных чувств и понятий, и, так сказать, органическим рычагом развития, инородец – мальчик будет живее, умнее, нравственнее и религиознее. Являясь средством христианского просвещения, инородческий язык является и средством усвоения инородческими детьми всего русского, возбуждения в них чувства неразрывной связи с русским народом. Как скоро в инородцах утвердились посредством родного языка христианские понятия и правила, в них пробуждается любовь к русскому народу. «Воспитанники», – писал покойный попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков, – «крещено-татарской школы, обучаясь на родном языке, усваивали русский дух и в своих разговорах доказывали друг другу, что они – русские, так как они живут в России, преданы своему Государю, говорят по-русски и исповедуют русскую веру». Не однажды и не от одного чувашского мальчика, только что изучившего священную историю на родном языке, мне приходилось выслушивать фразу: «я русский стал». И действительно, многие крещеные татары, чуваша, черемисы, благодаря системе просвещения инородцев, выработанной Н.И. Ильминским, стали русеть. Там, где 30 лет назад, не слыхать было русского слова, ныне уже являются русские книги и даже газеты. «Не будь у меня, говорил мне чувашин Ядринского уезда Тимофей Максимов, под руками книг на чувашском языке, не был бы я тем асла сын (умный человек), каким меня зовут чувашаи.

Книга на чувашском языке заставила меня полюбить Христа и русских. 15 лет назад я не знал ни слова по-русски, а теперь читаю и русскую газету «Сельский Вестник»... Таким образом «внутреннее обрусение неизбежно ведет к внешнему, для коего оно кладет прочный фундамент. Язык, нравы, обычаи и прочие стихии народности дороги теперь инородцам, как внешний отпечаток, как воплощение их верований и убеждений, но как скоро последние рухнут, как скоро последует объединение с русским народом в верованиях и убеждениях, то не будет более преграды ко внешнему объединению в языке и во всем прочем». Так как это пророчество Николая Ивановича

(Ильминского) на деле оправдывается, с чем согласится всякий, непристрастный наблюдатель инородческой жизни, то да будет позволено нам высказать и свое *pium desiderium* словами же Н.И. Ильминского: «дайте инородцам русскую душу, а за душой и русская форма и русский язык придут непременно».

Вот как высоко ценится Н.В.Никольским родной язык в труде «Основы инородческого просвещения»: «В языке воплощается психология народная, мирозозерцание, переживание народа, вся история данного народа отражается на языке его. Язык народа – это дух народа, сказал Гумбольд».

Язык создан не вмешательством людской воли, людских желаний и интересов, а вырос в народе в силу таких же естественных процессов, в силу каких растет и развивается все в природе.

В языке одухотворяется весь народ, вся родина; в языке претворяются творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчины, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы, весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его, иногда суровой, природе. Кроме внешней природы в языке отражается и вся история духовной жизни народа. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, словом, весь след духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. Язык не только выражает собой жизненность народа, то есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, народа нет более. Народ может создать себе новую родину, но нового языка – никогда; вымер язык в устах народа, вымер и народ.

Понятно поэтому, что язык является лучшей характеристикой народа, что лучшее и даже единственно верное средство проникнуть в характер народа – усвоить язык его, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер; понятно также, что усвоив родной язык, каждое новое население усвоит в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле. Все, что видели, что перечувствовали и передумали бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, который учится родному языку. «Не условным знакам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих людей, его обществом, среди которого он живет, с его историей и его

стремлением, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик, оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которые, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ».

Представьте теперь, что дети, вместо того, чтобы учиться родному языку, учатся иностранному, или, не окрепнув еще во владении родной речью, уже переходит к освоению чужой речи. В его уме, во всем его душевном складе происходит страшная путаница, если он прямо учится иностранной речи: природа, люди, верование – одного склада; изучаемый язык, возникший совсем при других условиях, созданный другими людьми, иного склада; изучаемый язык говорит одно, вся обстановка – другое. «Родное слово – великий народный педагог, потому что при усвоении слов родного языка мы усвоаем еще бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, логику и философию языка». Человек, первоначально обучавшийся чужому языку, а потом родному, навсегда останется чужд своему народу, никогда не поймет народа и не будет понят им, не прибавит ни единой ноты к народному наследию; все, что сделает этот человек, будет носить иностранное тавро и не привьется к народу. Если же дитя сразу учат нескольким языкам, так что собственно у него нет родного языка, то это будет еще хуже. При подобном смешении языков великий наставник рода человеческого – слово не окажет почти никакого влияния на развитие дитяти, а без помощи этого педагога никакие другие педагоги ничего не сделают. Такие дети бывают лишены характера и творческой силы, над ними совершенно психическое убийство. Эти мысли Ушинского, высказанные в отношении русской народности, применимы и ко всякой другой и не только к школьнику, но и с одинаковым правом к внешкольнику, дошкольнику и к профессиональному образованию.

«Сколько ни учите в школе инородца русскому языку, – говорит Н.И. Ильминский, какие продолжительные курсы ни назначайте для того, всегда русский язык останется для него чем-то внешним, вы можете его научить говорить по-русски, но мыслить он все-таки будет на своем родном языке. Русские слова и обороты во всей полноте и широте их значения не будет понимать дотолде, пока совсем не забудет своего языка, пока русский язык не делается для него родным, а это решительно невозможно в короткий период школьного обучения. А потому идеи, понятия, представления сообщаемые инородческому мальчику на русском языке, всегда будут подернуты для него каким-то туманом, не будут уметь те определенности, живости и прозрачности, как если бы они сообщались на его родном языке, никогда не проникнут в самую глубь души, а будут лежать на поверхности ее. Только родной язык служит проводником идеи в

самую глубь сознания». Всякие новые знания, сведения могут быть вполне усвоены, обратиться, так сказать, в плоть и кровь его духовного организма лишь тогда, когда «инородец и внутренне переведет их на свой родной язык, разжует и переводит их, так сказать, посредством этого внутреннего процесса, в этом только случае они будут для него ясны и определены и глубоко залягут в душу».

Применение родного языка, в частности, в деле школьного обучения необходимо еще для того, чтобы сгладить то резкое различие, какое существует для инородческого ребенка между жизнью дома и школой. «Привлеченный к школьным занятиям ребенок встречает дело, вполне ему чуждое, к которому он совершенно не подготовлен. Вследствие этого, первая стадия обучения дается ему крайне тяжело, а учение в целом происходит весьма медленно и при огромном напряжении психо-физических сил ребенка, – говорит один педагог. Бесспорными наблюдениями установлено, что в первый год своего обучения в школе дети вообще теряют от 30 до 60% в весе и от 20 до 40% в росте, сравнительно своими сверстниками школ не посещающими». Это становится вполне понятным, если принять во внимание огромное расстояние между инородческими языками восточной России и великорусским. «Наши» – говорит Н.И. Ильминский, «инородческие татаро-финские языки так далеки по своему внутреннему строю от русского, что в чувашском изложении расстановка должна быть на выверке против русской, грамматические формы, падежи и т.п. тоже совсем иначе и т.д.». «Расстояние между языками русским, с одной стороны, и чудскими и тюркскими, с другой, не столько близко», говорит А.С. Будилович, «как на нашем западе между русским и польским, русским и литовским, русским и румынским, русским и немецким языками, которые все принадлежат к одной морфологической группе языков флексивных и даже более того – к одной семье языков ариоевропейских. Расстояние же русского языка от татарского, чувашского, черемисского ничуть не ближе, чем расстояние первого от турецкого, манджурского, японского». Очевидно, самый процесс изучения русского языка для инородческих детей должен представлять и действительно представляет почти непреодолимые трудности. И, кроме того, по характеру своему, есть дело мучительное «граничащее с жестокой тиранией». Именно непонятная учеба была причиной неуспеха русской школы среди инородцев до 1860-х годов. Отсутствие предварительной подготовки к русской школе у инородцев, учившихся в русской школе, «должно было охладить и совсем убить их любознательность; а потом неудача в учении, бездействие и праздность должны были повести юношей с мягким и несколько вялым характером к апатии и тупости. Этого не было бы, если бы инородческие мальчики посещали после достаточного приготовления в школах, специально приносивших к образованию инородцев».

Н.В. Никольский в исследовании «Основы инородческого просвещения» приводит такую мысль «Языки народностей Поволжья настолько отличны один от другого, а все вообще от государственного русского, что в целях скорейшего культурного подъема каждой народности, лучше пользоваться национальными языками. Для государства выгоднее иметь граждан единомысленных, хотя бы разноязычных, чем одноязычных, говорящих по-русски, а думающих совсем иначе».

Первоначальное образование все народы должны получать на своем родном языке: «Если детей начинать учить сразу несколькими языкам или изолировать от родной среды и обучать чужому языку, то такие дети будут лишены характера и творческой силы. Над ними совершается психическое убийство». Начальное обучение поэтому обязательно должно осуществляться на родном языке учащегося. Другим важным условием является наличие педагогов, принадлежащих по духу и крови к той народности, для которой они трудятся, то есть учитель и ученик должны быть одной национальности, так как «учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени». При этом следует учитывать то, что деятели инородческого просвещения, должны подготавливаться в специальных школах, которые в свою задачу включают идеи инородческого просвещения, и они должны быть типа Симбирской чувашской учительской семинарии. «В каждой такой семинарии должны преподаваться: язык данного племени, история и этнография соответствующего народа». При просвещении инородцев следует обращать внимание и на содержание знаний, сообщаемых им. Они должны быть практического характера и иметь непосредственное отношение к жизни и истории инородцев.

Еще одним условием для успешного развития просвещения среди «инородцев» по Никольскому являлось наличие литературы, написанной на родном языке той или иной народности.

Н.В. Никольский связывает успехи возрождения и просвещения чувашей со 2-й половины XIX века прежде всего с «народной школой», в которой средством обучения выступает родной язык. Он видит в этом условии для культурного и экономического подъема чувашей, мечтает о распространении среди них общечеловеческих ценностей, возможности обучения «высшим наукам» и т.д.

Именно родной язык в понимании Никольского есть не только средство, но альфа и омега просвещения: «Все, что видели, что переживали и передумали бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, который учится родному языку. Не условным знакам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родной груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естественный язык; оно знакомит его с характером окружающих людей, с

обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народное верование, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ... Родное слово – великий педагог, потому, что при усвоении слова родного языка мы усваиваем еще бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, логику и философию языка».

Газета Н.В. Никольского «Хыпар» как организатор и вдохновитель возрождения чувашского народа

Хорошо зная темноту и забитость чувашского народа, безысходность его положения в условиях царского самодержавия, немногочисленная интеллигенция, вышедшая из среды угнетенных, стремилась хоть чем-нибудь облегчить участь своего народа, раскрыть ему глаза, просветить его ум и поднять его национальное самосознание.

Первая попытка организовать выпуск чувашской газеты была предпринята И.Н. Юркиным, служащим Симбирского губернского акцизного управления. В 1889 году он обратился в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить ему издание чувашской газеты. Однако его просьба была отвергнута – из канцелярии главного управления по делам печати был получен ответ следующего содержания: «...ходатайство о разрешении издавать газету на чувашском языке, под названием «Пулхӑр», признано господином управляющим Министерства внутренних дел не подлежащим удовлетворению».

Царские чиновники в каждом факте культурнической работы среди нерусских национальностей видели крамолу, поэтому всякое проявление культуры и просветительства душилось самым жестоким образом. Известно, какие гонения властей претерпел И.Я. Яковлев за свою просветительскую деятельность среди чуваш. Его обвиняли в сепаратизме, всячески травили на страницах губернской официальной печати.

Вот как, например, высказался земский деятель Н. Мельников о культуре чувашского народа. Этот холуй помещичье-крепостнического самодержавия в 1903 году в «Казанской газете» писал:

«Чувашской культуры не было и не будет. Не язык чувашский нам нужно сохранить, создавая несвойственную этому языку литературу и развивая в чувашах сепаратизм и самомнение, а сохранить и развивать хорошие свойства этого племени: их честность, береж-

ливость, любознательность, любовь к земле и ко всему на ней растущему. Вот, по моему крайнему убеждению, настоящие задачи церкви и школы».

Разумеется, в условиях, когда жестоко подавлялось всякое проявление свободомыслия и национальных чувств, о возможности организовать выпуск чувашской газеты нечего было и думать.

Однако такая возможность вскоре появилась. Бурный натиск пролетариата и революционные выступления крестьянства в 1905 году заставили царя подписать манифест 17 октября, в котором в числе прочих свобод народу была обещана свобода печати.

Таким образом, создалась реальная возможность организации выпуска чувашской газеты, и этой возможностью сразу же воспользовалась наиболее прогрессивно настроенная чувашская интеллигенция.

На издание газеты разрешение Главного управления по делам печати получил кандидат богословия, преподаватель Казанской учительской семинарии Николай Васильевич Никольский, и под его редакцией 8 (21) января 1906 года начала выходить первая чувашская еженедельная газета «Хыпар» (Вести).

«Идея газеты для русского народа ни в ком не вызывала возражений. Но когда говорилось о газете для нерусских народностей, то начинались возражения. Зачем, мол, нерусским народностям газета; они должны слиться с русскими; газета-то только оттяжка начавшегося процесса обрусения: издание же газеты – это только тормоз начавшегося явления и, кроме того, совершенно ненужное создание для стремления к сепаратизму малых и великих народностей России. В 1905 году даже после известного (царского) Манифеста о свободе слова и печати мало было сочувствия издательству для так называемых «инородцев», – Пишет Н.В. Никольский в своих воспоминаниях.

«В вузовских кругах Казани яркими противниками «инородческих изданий» были профессор Залесский Владислав Францевич, Огородников Александр Александрович, Стратонов Иринарх Аркадьевич и некоторые другие. Вполне сочувствовали издательству профессора: Машанов Михаил Александрович, Писарев Леонид Иванович, Потехин Александр Николаевич, Жузе Пантелеймон Крестович, Никольский Владимир Александрович, Никольский Петр Андреевич, Богородицкий Василий Алексеевич. Из академиков эту идею разделяли: академик Шахматов Алексей Александрович, Пекарский Эдуард Карлович, Радлов Василий Васильевич.

Среди учительства на местах самое горячее сочувствие выражали: Золотов Василий Гордеевич (Ибреси), Орлов Виктор Никифорович (Апиково, Ядрин. у.) и вообще все те, кто имел образование либо в Симбирской чувашской учительской школе, либо в Казанской учительской семинарии.

Из учеников Ивана Яковлевича Яковлева ярыми поборниками газеты для чуваш были: священник Филимонов Даниил Филимонович (с. Туарма, Бугульм. у.), Краснов Василий Тимофеевич (с. Красные Четаи, Ядринский у.), Кириллов Тарасий Кириллович (с. Оточево, Ядрин. у.), Петров Андрей Петрович (Белеб. у.), Иванов Яким Иванович (с. Слакбаши, Стерлитамак. у.), Дмитриев Василий Дмитриевич (с. Новые Алгаши, Буин. у.), Егоров Павел Егорович (с. Арабуси, Буин. у.), Рекеев Алексей Васильевич (с. Байглычево, Тетюш. у.) и вообще все работники на местах из чуваш, с образованием Казанской учительской семинарии или Симбирской чувашской учительской школы».

Чувашская народная масса чувствовала себя обиженной, сравнительно с русскими – и почти обреченной на вымирание, и очень немногие осмеливались говорить о газете для чуваш. На базарах можно было слышать отдельные голоса о необходимости чувашской газеты и своевременности ее издания. Казанские татары не ограничивались лишь подобными пустопорожними разговорами. Получив от губернатора отказ в издании газеты в 1905 году в ноябре месяце, они обратились к бывшему директору Казанской учительской семинарии Бобровникову Николаю Алексеичу с просьбой о содействии, как, в первую очередь, к инициатору газеты «Казан Мохбире» (Казанский вестник). Именно после визита Н.А. Бобровникова к губернатору «Казан Мохбире» получила разрешение на издание. Подобным же образом получили право на выход и затем стали печататься в 1906 году газеты: «Азат» (Свободный) под редакцией Габдул Апаанаева, «Баянулхак» (Правдивые известия) под редакцией А.Я. Сайдашева, «Тан Йолдызы» (Полярная звезда) под редакцией Мухаммед Галей-Абдул Путилякова, а затем Фауда Пуктарова, «Азат халык» (Свободный народ) под редакцией Галиаскараула Камалютдинова.

В Оренбурге издавалась газета на татарском языке под названием «Сибирия». Издательница ставила своей целью проводить идею о необходимости дать мусульманской женщине полную свободу от рабства мужа и все гражданские и политические права.

«В начале декабря 1905 года Н.А. Бобровников поставил передо мною задачу выпускать газету на чувашском языке, причем сам изъявил готовность стать издателем. После небольшого совещания был составлен план будущего издания, написали заявление губернатору с просьбой о разрешении печатать еженедельную газету на чувашском языке под названием «Хыпарсем» (Известия). Издателем был назван Н.А. Бобровников, редактором Н.В. Никольский. Ответа ждать долго не пришлось: дня через три пришел отказ.

Во второй половине декабря 1905 года я подал заявление губернатору с просьбой о разрешении мне издавать и редактировать

газету на чувашском языке под названием «Хыпар» (Весть). Разрешение было получено дня через два.

Конец декабря 1905 года был посвящен подготовке к изданию газеты. Велись переговоры с центральной типографией. В ней с посетителями занимались братья Мушкаленко Константин и Григорий. Типография принадлежала доктору Домбровскому.

«Братья Мушкаленко вызвали в типографию доктора Домбровского. Домбровский не стал настаивать на немедленном авансе, разрешил братьям принимать работу по редакции «Хыпар», а также брошюр и книг, которые газета будет печатать.

За бумагой пришлось адресоваться к академическому издательству, во главе которого стоял профессор Писарев Леонид Иванович. Он также не стал требовать немедленного аванса в счет уплаты за бумагу.

С почтой разговоры шли несколько иначе. Там не соглашались пересылать бандероли редакции «Хыпар» без предварительной уплаты определенной суммы на длительный срок (1–2 месяца). Эту сумму внес Селиванов, крестьянин из Тюрлемы с условием получения в личное распоряжение для распродажи до 100 экземпляров «Хыпар».

Складывать газету для пересылки, упаковывать в посылки брошюры взялись рабочие Центральной типографии, отвозить и сдавать на почту согласился Волков Василий, ученик старшего наборщика типографии.

Постоянными сотрудниками «Хыпара» стали бывшие ученики Симбирской чувашской школы, исключенные из школы за участие в движении 1905 года: Семенов Тимофей, Трофим Ефимов и другие. Кроме них, согласились готовить статьи и заметки для газеты «Хыпар» учащиеся Казанских средних школ, например, Марк Васильев, Семен Иванов и некоторые другие. С мест согласились присылать сообщения в адрес редакции крестьяне из Тюрлемы, Ибреси, Тетюш, Чистополя и других мест.

Газета «Хыпар» заранее получила предупреждение: не печатать политических статей, «...иначе закроют Вас после первого же номера». Цензором «Хыпара» был Ашмарин Николай Иванович. С ним пришлось договориться относительно предварительной (до набора) цензуры рукописной сводки каждого номера. В издательстве газеты было решено: не помещать политических статей в газете, политику помещать в брошюры, которые должны были выходить одновременно с газетой.

О предстоящем выходе газеты было напечатано объявление на бумаге красного, зеленого, голубого цвета в количестве 300 экземпляров и разослано по чувашским селениям губерний: Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Саратовской. Это было сделано в конце декабря 1905 года.

Газета выходила еженедельно, по воскресеньям, в г. Казани. Редакция находилась в Учительской семинарии. Подписная цена на газету была на год 3 рубля.

Одновременно готовился текст для «Хыпара» и календарь на 1906 год. Кроме обычных сельскохозяйственных заметок здесь была проведена идея о земстве, каким оно должно быть. Особо подчеркнуты следующие положения: от народа ускользает многое из деятельности земств; мелкие земские единицы; если народу дадут волю делать свои дела, если дела эти будут ведаться людьми, не взирая на низшее происхождение, народ будет преуспевать и станет более посвященным.

Календарь печатал на свои средства книжный магазин Маркелова и Шаронова с правом оставления у себя 30% всей выручки от продажи 7000 экземпляров календаря. Календарь быстро разошелся и дал редакции сумму, достаточную для аванса за бумагу и за набор газеты. Для наклейки на рассылаемом «Хыпаре» в Центральной типографии были напечатаны адреса, главным образом, на школы с чувашским составом учащихся разных губерний и уездов. Часть этих адресов должна быть в одном из томов моего рукописного фонда, именно в 18 т., хранящегося в рукописном отделении библиотеки Чувашского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. В числе адресов должны быть также этикетки на имя библиотек Московского, Ленинградского университетов, на имя Финно-угорского общества в Гельсингфорском университете, библиотеки Лейпцигского университета, Парижской Академии наук, Королевской Академии наук в Лондоне, библиотеки Римского университета, библиотеки Венгерского университета в Будапеште, Софийского университета в Болгарии, библиотеки Константинопольского университета, Филадельфийского университета в США. «Все номера «Хыпара» в отношении статей намечались мной и распределялись среди постоянных и временных сотрудников», — пишет в своих воспоминаниях Н.В. Никольский. «Для первого номера газеты были розданы темы для статей по разным вопросам постоянным сотрудникам и временным. Было сказано, каковы должны быть статьи по содержанию и по языку, причем особо был отмечен тот факт, что газета издается впервые для народа, который совсем потерял всякую веру в возможность выхода газеты для себя. Значит, каждый сотрудник должен приложить все усилия к тому, чтобы его статья высмотрела образцовой во всех отношениях. Если статья написана плохим языком, отзыв о ней читателя будет: «аташать», т.е. блуждает, путается. Если написана хорошо, то отзыв получится такой: «шалать анчах», т.е. пишет гладко, точно полирует. Если сотрудник даст в своей статье нечто новое, чего читатель не знал до сих пор, то получится отзыв: «Эпё халиччен кáна пёлмен те, илтмен те, спасибо сыраканне». Читатель из простых крестьян ценит речь

простую, ясную, краткую, общедоступную, но не любит архаизмов, неологизмов, варваризмов, длинных периодов. Таким образом, каждая статья пойдет к очень требовательному читателю. Сотрудники «Хыпара» были предупреждены, что ни одна статья не будет принята, если она малосодержательна, изложена бессистемно и притом плохим языком, или, как говорят, топорным языком. Поэтому долг каждого автора, будет ли это статья для «Хыпара» или рукопись для брошюры, – серьезно проработать свое произведение.

Сам простой народ в своей устной литературе дает образцовые произведения. Сюда относятся: сказки, пословицы, поговорки, предания, загадки, легенды. Достаточно в этом убедиться: взят был букварь на чувашском языке. Продемонстрированы: сказка «Сармандей», пословицы, помещенные в букваре, загадки, отдельные статьи. Здесь было все просто, ясно, коротко, занимательно.

Только на произведениях народной словесности может выработаться подлинный литературный язык. Только такой язык может быть принят народом».

Выход первого номера (150 экземпляров) «Хыпара» расценивался работниками редакции как крупный национальный праздник чувашского народа, как весна новой культурной жизни.

Появление газеты «Хыпар» было встречено с большой радостью и читателями. Вот что писал, например, в номере газеты от 26 февраля 1906 г. корреспондент А. Сизов из Тетюшского уезда:

«И читатели чувашской газеты «Хыпар», и слушатели ее чтения в один голос говорят: «И для нас, для чуваш, свет над миром появился». Свет над миром. Мир – он светится вечно, но чуваша этого света не видели, и если бы не было газеты, то они этого света не видели бы и сейчас так же, как не знали они света Евангелия. Не знали бы о том, что происходит, что произойдет в стране... И газета, и книги, если мы их будем читать внимательно и понятно, просветят наш ум... Давайте, друзья. Будем читать, будем просвещаться, и тогда мы увидим свет природы». Что газета будет ведущим и самым ценным в деле народного просвещения, много говорит и программа, составленная Н.В. Никольским для разрешения издания газеты Главному управлению по делам печати: 1) распоряжения правительства, главным образом в отношении крестьян; 2) современные события; 3) жизнь русского народа и других национальностей; 4) иностранные государства; 5) сведения по хозяйству и другие полезные сведения; 6) торговые известия; 7) школы; 8) общественная и приходская благотворительность; 9) сочинения как самостоятельные, так и переводные; 10) сведения о новых книгах; 11) ответы редакции на вопросы и письма читателей.

Газета «Хыпар» стала выходить в тот период, когда революционное движение начало распространяться, охватывая национальные окраины России. Естественно, она не могла стоять на стороне.

Да и читателям эти вопросы интересовали все больше и больше. Освещение этих вопросов играло большую роль в политическом просвещении чувашского народа. Как газета реагировала на эти бурные события и как хыпаровцы относились к вооруженному восстанию против помещиков и царского самодержавия?

Свое отношение к вооруженному восстанию хыпаровцы высказывают в самых безобидных на первый взгляд статьях и заметках. Иначе и нельзя, ибо цензурные рогатки не всегда позволяли выразить мнение по тому или другому вопросу прямо и открыто.

В редакционной статье газеты от 16 апреля 1906 г. «Мечта о хорошей жизни», например, пишется: «Свет правды, свет свободы понемногу начал сиять везде... Прогнившая Россия начинает преобразаться».

Освобождение – дело очень трудное, за свободу погибло много-много людей, пролито много-много человеческой крови, для преобразования Русского государства надо пережить немало мучений.

Все же обновление России приближается с каждым часом, если мы сегодня еще не можем сказать: «Воскресло Русское государство!», то вскоре это скажем. На своем веку наш народ научился понимать три вещи: 1) о войнах, 2) о восстаниях, 3) о сопротивлении идеям преобразования государственного строя...

Народ немного поумнел. Эта война (Русско-японская многому научила, и наш народ понял, к чему его приводит война...

Окончилась война – народ восстал. Ноябрь и декабрь (1905 г.) показали, что народ пробудился. Народ восстал против своих вековых угнетателей, в деревнях начал поджигать помещичьи имения, в городах выступил против властей и богачей с оружием в руках... Власти не дали завершить начатое дело... Так случилось потому, что в борьбе против левых сил, против вооруженных угнетателей ее поддержали все правые силы...» – пишет газета 14 мая 1906 г.

Газета очень широко освещала революционные события как в целом по стране, так и в Чувашском крае. О революционном движении в стране газета писала почти в каждом номере, печатая материалы вначале под рубрикой «Телеграфные сообщения», а затем – «Телеграммы».

Подробно рассказывала газета о событиях чувашских.

В номере от 26 февраля 1906 г. рассказывается, например, о зверском подавлении волнения крестьян деревни Абашево Чебоксарского уезда. «В Абашеве бунтует народ, – пишет газета. – Для подавления народа в крещенье из Чебоксар туда прибыло 50 казаков во главе с начальством, однако начальники не нашли там никого, кроме запертых в сторожке чиновников. После того, как их освободили, солдаты начали пригонять к сторожке жителей. – Учинили допрос, а затем некоторых жителей увезли в город...

Почему же в Абашеве народ бунтует? Не только там, народ везде волнуется. В некоторых местах жители волнуются из-за малоземелья, в других местах потому, что их притесняют...»

Интересно выступление редактора и издателя газеты «Хыпар» Н.В. Никольского на одном из предвыборных собраний. Его выступление газета печатает 30 апреля 1906 г. Вот что он говорил: «Земля нужна всем крестьянам. Нам, чувашам, кроме земли нужно еще просвещение. Нам запрещают говорить по-чувашски; мы и газету издаем с большими трудностями, ее сейчас притесняют во всех местах, для нее нужна свобода. Не дают выпускать хорошие книги. Чувашей не признают за людей. Вместе с другими народами освободить надо и чувашей. За все это должен бороться избранный нами Яков Абрамов. Он ведь и сам жил в нужде».

Следует отметить, что выступление редактора газеты вполне отвечает тому курсу, который проводила газета на своих страницах в то бурное для России время.

А 28 мая 1906 г. печатается письмо Якова Абрамовича Абрамова редактору газеты. Вот что он рассказал в нем читателям газеты о своей будущей деятельности как члена Государственной думы.

«Меня избрал чувашский народ, – писал он, – поэтому я должен защищать его интересы. Если мы не будем стараться за себя, то никогда не вылезем из темноты».

В этом письме Я.А. Абрамов сообщает также, что он вошел в наиболее многочисленную группу трудовиков, которая, по его мнению, активно выступает в Думе за крестьянские интересы, требует отставки всего кабинета министров, предоставления народу полной свободы.

О реакции крестьян на прошедшие выборы в Думу газета «Хыпар» писала в номере от 11 июня 1906 г. в статьях «Слова селян», «Что ждут крестьяне от Государственной думы?», «Что будет дальше?».

Однажды в праздничный день корреспондент газеты вышел на улицу и подошел к группе крестьян. И вот какой разговор он услышал: «Кто нам теперь порядки создает? Кого слушать? Избранных в Думу или министров?» – говорит один.

«Нет, уж хватит!.. Мы знаем, какие для нас порядки установили министры... Их порядки на нашей шее!» – отвечает ему другой.

А у одного из крестьян в руке газета, и, размахивая ею, он говорит: «... Черт знает что такое! В Думе, видимо, сидят безмозглые? Они и нас заставят шествовать с красными знаменами!»

«Там, видимо, собрались неглупые люди... – успокаивает его другой, – они министрам сказали: «Покиньте свои посты, нас послал народ!.. Так и надо им!»

Тогда крестьяне решили послать в Питер телеграмму с требованием: «Вся земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает!»

Что сказали в первый день открытия заседания Государственной думы подлинные избранники народа? В их послании к царю говорилось: все помещичьи, кабинетные, казенные, удельные, выкупные земли надо конфисковать и передать в руки народа. Россия – страна бедная, темная и забитая. Дальше так жить нельзя. Если земледельцам дать достаточно земли, то жизнь улучшится.

Отчеты в газете о работе Государственной думы представляют большой интерес. Материалы для составления этих отчетов «Хыпар» заимствовала, видимо, у русских газет. Но характерно то, что их подборку она давала очень своеобразно – печатала только то, что необходимо было знать народу, что больше всего интересовало его.

Газета «Хыпар» была страстной поборницей культуры и просвещения чуваш. На своих страницах она постоянно писала о необходимости просвещения народа.

В первом же номере газета печатает статью «Тяжелый год», в которой ратует за просвещение народа. Она пишет: «В первую очередь нам надо учиться; без учебы мы не сможем жить лучше, среди нас не будет ни порядка, ни честности...» Дальше в статье рассказывается о том, что в Англии, США, Германии и во Франции на просвещение расходуется средств в несколько раз больше, чем в России.

В последующем о просвещении народа газета пишет более открыто и даже противоправительственно. Вот, например, что говорится в ее передовой статье от 12 февраля 1906 г. «Из европейцев нет ни одного народа, у которых было бы столь много неграмотных, чем в России. Наш неграмотный народ верит всякому злу. Наш темный народ верит всяким гадалкам, киреметям. Просвещенных людей у нас ненавидят, считают их плохими людьми. Говорят, что просвещенные люди не проявляют заботы о темном народе. Просвещенные люди не верят в бога, они говорят, что не нужно царя...»

Сетуя на то, что правительство на образование выделяет очень мало денег, газета вместе с тем разоблачает систему школьного образования, она пишет, что в средних школах из среды темного народа даже детей зажиточных обучается мало. Газета широко пропагандировала научные знания: она часто печатала статьи о земле и ее строении, о морях и океанах, о солнечной системе, о солнечном и лунном затмениях; печатала статьи и давала полезные советы по обработке почвы, подготовке семян к посеву, уходу за посевами, по возделыванию полевых или огородных культур, по разведению садов; она печатала полезные советы по жилищно-бытовым вопросам, по медицине.

15 января 1906 г. печатается статья «Просвещаться бы», в которой рассказывается о том, что народ живет в беспросветной темноте. «Вот передо мною предстала гора, и я вынужден преодолеть ее, ибо для продвижения вперед больше дорог не было: на одной стороне – лес, на другой – вода ... Мне было очень тяжело, но я все же перешел через эту гору и пришел в деревню. Над деревней – мрак. Не видно ни зги», – пишет автор статьи в аллегорической форме (видимо, статья эта написана Таэром Тимки, ибо под ней стоит подпись «Т. С.»).

Возьмем другое произведение Таэра Тимки – «Свет жизни», напечатанное 21 мая. В нем раскрываются мечты и чаяния народных масс. Автор рассказывает о встрече света жизни и солнца справедливости. «Солнце справедливости говорит громким голосом:

«Идите ко мне, страдающие за меня. Идите ко мне, за меня закованные в кандалы и высланные из родных мест в далекие края для того, чтобы мучить вас и держать вдали от родных и близких... Вам за меня пришлось многое пережить... Вы за меня, не жалея себя, и в мороз, и в дождь ходили в плохом одеянии. Забудьте муки и страдания, которые вам пришлось пережить за меня!.. Встаньте люди, погибшие за меня, пролившие свою кровь; идите сюда, встаньте все вместе!.. Я вас, мучеников, утешу всех».

Долго разговаривало солнце новой жизни. Вокруг него собрались люди со всего света. У одних нет рук, у других – ног, у третьих – шрамы от ран. Но все они поют радостно.

Пусть их радость продлится на веки вечные.

Они радовались, но не забывали своих угнетателей: где они, наши угнетатели? Из-за того, что теперь нет власти тьмы, они стоят вдали, ладонями прикрывая глаза от света жизни и понутив головы. Нет теперь в их ярких костюмах и несметных богатствах такой силы, которая могла бы затмить свет жизни. Вы, угнетатели, не найдете счастья на земле.

«Прочь отсюда, слуги сатаны, – вы недостойны любоваться моим светом», сказал им свет жизни.

Так вот люди, живущие в страданье и муках, по велению света жизни обретут счастье, а их противники будут обречены на вечные муки и страдания».

Разбирающийся читатель или тот, который действительно был заинтересован в улучшении крестьянской жизни и по силе возможности боролся за это дело, в номере газеты от 22 января 1906 г. находил другие статьи, доступные для понимания зла и добра.

Вот одна из них – «Сколько денег израсходовала Россия на войну с Японией?».

«По утверждению министра финансов, – пишет газета, – для войны с Японией Россия израсходовала более двух миллиардов рублей».

Кроме этого, мы отдали японцам часть Сахалина, Маньчжурскую железную дорогу, города Порт-Артур и Дальний; из-за этой войны мы утопили в море много кораблей. Если подсчитать все эти потери, то, самое малое, потери увеличатся еще на два миллиарда рублей.

Таким образом, эта война нам нанесла ущерб более чем на четыре миллиарда рублей.

Простительно было бы, если б эта война была нам необходима. Но многие деловые люди говорят, что в этой войне никакой необходимости не было...

На эти четыре миллиарда рублей у помещиков можно было бы купить 40 миллионов десятин земли для безземельных крестьян.

В нашей стране 250000 сел, если бы на каждое село брать по пятьсот едоков и эти четыре миллиарда рублей распределить по этим 250000 селам поровну, то на каждое село перепало бы по 16 тысяч рублей.

Видите, какой ущерб нанесла нам война!»

Или вот возьмем заметку «Заработок крупных помещиков», заимствованную из газеты «Молва» и напечатанную в этом же номере. В ней пишется о том, какую огромную сумму денег потратило государство на выплату заработной платы крупным чиновникам царского двора: статс-секретарю Победоносцеву, генералу Косичу, статс-секретарю Хилкову, генерал-адъютанту Любко, статс-секретарю Коковцеву, гофмейстеру Булыгину и др.

Хотя эти материалы в газете помещаются без комментариев редакции, понимающий читатель сразу мог уловить их смысл и сделать для себя вполне определенный вывод о том, куда расходуются народные деньги.

Помещая указанные материалы без своих комментариев, работники редакции рассчитывали, видимо, на то, что часть читателей поймет причины всех бед и нужд трудящихся масс и донесет правдивое слово до народа.

В номере от 29 января 1906 г. имеется статья «Что говорят в нынешнем году», в которой автор выступает с угрозой против борцов за народное дело. Он пишет: «В настоящее время люди, выступающие против царя, находят себе не свободу, а кандалы. Они похожи на шайку грабителей. Если их начнут усмирять, то никто к ним жалости иметь не будет.

Для того, чтобы в дальнейшем нам жилось хорошо, надо прекратить беспорядки, переустройство государства от убийств друг друга не зависит».

И, конечно же, сведущему читателю газеты по душе не эта статья, а следующее за ней сообщение корреспондента из Чистопольского уезда. В корреспонденции «Народное волнение» рассказывается о том, как в село Кармалы из села Передние Толкши при-

были учитель, писарь и старшина, собрали народ в школу, прочитали манифест и произнесли пропагандистские речи.

Затем все вышли на улицу и под водительством учителя, писаря и старшины с красными флагами, с пением «Марсельезы» начали шествие по улицам села. По пути ряды демонстрантов все росли и росли. Увидев, что собралось много народу, главари демонстрации осмелели и начали рассказывать о том, что и царя можно избрать так, как выбирают старшину и старосту. Затем демонстранты пошествовали в село Городище и один из главарей крикнул: «Мы можем жить и без царя!»

Тут, видимо, кулаки и их подголоски готовились к встрече демонстрантов: они полезли в драку с топорами, и учитель, писарь и старшина вынуждены были спастись бегством.

У читателя, несомненно, большой интерес вызвало содержание пространной статьи из того же номера «Так жить невозможно!». В ней говорится о нерациональном и нерачительном использовании земли, о том, как немцы и японцы, хорошо обрабатывая землю, с одного загона получают больше двухсот пудов хлеба.

Газета приходит к мысли: для того, чтобы получать больше урожая, необходимо повысить культуру земледелия. А это могут сделать только образованные люди. Но их очень мало. Мало потому, что правители государства не заботятся о просвещении народа. Причина бедственного положения крестьян в наличии такого социального строя, при котором в деревне полновластно хозяйничают грабители народа, как старосты, сборщики налогов и другие прихвостни царского самодержавия.

О нуждах сельских тружеников наиболее открыто писалось в передовой статье газеты за 12 февраля 1906 г., названной «В Государственной думе». В ней говорится «...нас, бедняков, ни за что не считают, притесняют во всем, всюду создают препятствия. Хотим мы сеять побольше хлеба, но не хватает земли; хотим побольше получить сена, но нет лугов, леса вырублены. Хочешь учиться, но нет возможности, ибо у бедняков нет средств для оплаты за учебу...»

Дальше газета призывает читателей избрать в Думу лучших людей, «... не забывайте высказать своих требований! Не просветимся, так и останемся ни с чем», — пишет она.

«В зарубежных странах людям предоставлено право собираться сотнями и тысячами и высказывать свои требования... На этих собраниях говорят о помощи друг другу В военное время говорят о войне, в мирные дни о других делах: о народном просвещении, о борьбе с болезнями. Необходимо, чтобы и у нас была возможность собираться и свободно высказать свои нужды. У нас в государстве часто сажают в тюрьмы и высылают в Сибирь ни в чем не повинных людей. Кроме того, у некоторых людей обыскивают квартиры, на

почте вскрывают их письма... Надо сделать так, чтобы в судах была справедливость».

Благодаря газете народная масса перестала считать свой язык бессильным для передачи высоких идей, для газет, журналов и художественных произведений. Статьи "Беседы о небе и земле", "Татары и чуваша", "Один с сошкой, семеро с ложкой", "Хлеб, свет и свобода", "Тёлёнмелле" (Удивительно), "Пáккин-паккин" (звукподражание, получаемое при курении), "1812 год", а также многие другие брошюры читались с большим интересом не только молодыми чувашами, но и пожилыми. Некоторые чуваша даже знали наизусть "Тёлёнмелле", "Пáккин-паккин" и отдельные места из других брошюр.

В Чувашском государственном институте гуманитарных наук в фонде Никольского хранятся немало писем, адресованных непосредственно Николаю Васильевичу. К нему земляки обращались как в бытность его редактором «Хыпара», так и после закрытия газеты властями. Вот что пишет крестьянин Левентий Чакин:

«Когда начала выходить чувашская газета, я был безмерно счастлив. Раньше мы без конца сокрушались и завидовали тем народам, у которых издавались газеты на их родном языке. Да поможет Господь и впредь всем забытым людям в их благородном деле издания газеты и книг на чувашском языке. Из «Хыпара» мы узнем много познавательного и полезного для себя.

Раньше выписывал «Казанскую газету», что издается на русском языке. Целых три года читал ее, во многом она меня просветила. Но когда получил наконец-то чувашскую газету, получил истинное наслаждение. Теперь мы, читатели, своевременно и регулярно получаем все сообщения обо всех событиях, происходящих в России. Через свою чувашскую газету можно узнавать о новостях Государственной Думы. Мы выбрали в Думу надежных и добропорядочных людей. Мы тоже в своей Ассакассинской волости нашли двух достойных людей. Нам повезло, что среди нас живет такой добрый и отзывчивый человек, как Федор Никифорович из деревни Большие Эльмени. Мы с большим удовлетворением отдали за него свои голоса на выборах в земство. Ему наказали, чтобы выбранные нами депутаты радели за трудовой народ и более всего постарались наделить крестьян землей.

Эй, соплеменники, к вам обращаюсь: как можно больше распространяйте свою чувашскую газету. Раньше, когда не было «Хыпара», я очень многого не знал. Наученный личным опытом, сейчас убеждаю земляков, чтобы и они приобщились к регулярному чтению газеты. Кроме того, постарайтесь выписывать для повседневного пользования ежегодные календари «Султалáк кёнеки».

Низко кланяюсь тем, кто издает газету и выпускает чувашские книги. Прочитанные в «Хыпаре» статьи не дают покоя даже ночью,

они заставляют много размышлять, поэтому жду и не дожусь поступления свежих номеров газеты и новых книг. В каждое воскресенье и среду я регулярно заглядываю в волостную контору, интересуюсь: не поступили ли со свежей почтой тексты новых законов, о которых писала чувашская газета. В этом польза и сила чувашской газеты. Она учит нас рачительному ведению крестьянского хозяйства.

Да поможет Господь чувашскому «Хыпару», и да пусть процветает наша чувашская газета».

«Почему чувашки не могут печатать газету, а русские могут?» В этом вопросе уже слышалась мысль о необходимости равноправия чуваш с русскими и сетование на беспричинную обездоленность.

О том, насколько был высок авторитет Никольского среди чувашских крестьян в 1905–07 годы, хорошо свидетельствуют воспоминания народного писателя Чувашии Семена Эльгера:

«... В нашей деревне единственным подписчиком газеты «Хыпар» был Иван Сидоров. Он специально выписывал из Казани и Симбирска различные книги на чувашском языке и затем распространял их в окрестных деревнях. В ту пору в чувашских деревнях не было библиотек и изб-читален, поэтому любители чтения страдали из-за нехватки художественной литературы. Редко в какой избе можно было увидеть какую-либо книгу – разве что изредка встретишь учебники, молитвенники или же однообразные «Жития святых». А вот у Ивана Сидорова в специально оборудованном шкафу с человеческий рост было полно книг.

Доставляемые Сидорову по подписке номера газеты «Хыпар» всегда переходили из рук в руки. Бывало, местный учитель зачастую устраивал у себя громкую читку. И все же среди крестьян было немало людей, совершенно равнодушных к газетам и книгам. Скажем, рядом с нами проживала семья Дмитрия Матвеева. Вроде бы и хозяйство у них зажиточное, да и дети вполне взрослые были, а нет – не было у них тяги к чтению. Стоит дяде Дмитрию заглянуть к нам в гости, тотчас начинает подтрунивать над нами: «Как ни зайдешь к вам, дети ваши всегда шелестят книжными страницами. Наверняка хотят стать каким-нибудь чиновником. Нет, дядя Вася, не дождешься ты от них себе помощников, не выйдет из них настоящего хлебопашца», – подначивал нашего отца вездливый сосед.

Как ни не насмеялись над нами некоторые неграмотные соседи, но книги и газеты в нашей семье всегда были в большом почете. Как правило, чувашские газеты старшие братья доставали на железнодорожных станциях или покупали на базаре. Правда, «Хыпар» наша семья не выписывала. Чаще всего отдельные номера газеты братья покупали у знакомого коробейника на Ачкасинском базаре. Если не удавалось достать тот или иной номер, приходилось обращаться к И. Сидорову.

Для просвещенных чувашских крестьян газета «Хыпар» была подобно фонарю, который во мраке освещает путь.

К маю месяцу 1906 года в редакции «Хыпар» начали проявляться среди сотрудников группировки. Симбирцы, из бывших учеников Симбирской чувашской учительской, школы, во главе со студентами Казанского учительского института стали предъявлять к редакции требования -- помещать побольше статей политического и социально-экономического характера.

Казанцы, обучавшиеся в Казанских ВУЗах и средних школах, поддерживали прежнее общее направление «Хыпара». Первые настаивали на радикализации статей, чем бы это ни угрожало газете. Вторые, наоборот, находили это несвоевременным. "Какой смысл, – говорили они, – в печатании газеты, если она из типографии пойдет лежать в жандармерию? Нам нужно сначала создать в народе твердую волю иметь собственную газету". Споры эти велись жарко; ни та, ни другая сторона не уступали своих позиций. Газета выходила вплоть до июня с принятым в январе направлением.

«В июне 1906 года мне нужно было побывать с этнографической целью в разных местах Ядринского, Цивильского, Козьмодемьянского уездов». – Вспоминает Н.В. Никольский. С разрешения губернатора редактором на июнь месяц остался сотрудник «Хыпара» Сергей Кириллович Кириллов. Я выехал по своим делам в Ядринский уезд. Как-то еду летом около деревни Испухан бывшей Шуматовской волости (теперь Советский район ЧАССР). Меня догоняет неизвестный мне молодой человек на велосипеде и говорит: «Вашу газету арестовали: идет большой переполох в самой редакции, в типографии и в складе бумаги. Спешите в Казань и улаживайте дело».

По приезду в Казань выяснились подробности. Оказалось, что С.К. Кириллов не выдержал натиска со стороны симбирцев и по их настоянию в рукописной сводке "Хыпара" за июнь поместил статьи политического характера. Когда газета была отпечатана и поступила в цензуру, то там ее задержали; весь тираж остался в типографии. Затем явились представители жандармерии; порасспросили подробно обо всем и ушли. Редакцию ждал разгром, как это случилось с татарскими газетами: «Азат» (Свобода) прекратилась в конце мая 1906 года, «Тауш» (Голос) – прекратилась 21 мая.

По моему настоянию недопущенные цензурой листы «Хыпара» были перепечатаны, номер вышел в свет и разослан. После этого на местах газету не везде стали получать. Подписчики горько жаловались на неисправность редакции.

На самом же деле газета по-прежнему рассылалась аккуратно. Вся беда подписчиков состояла в том, что волостным правлениям из канцелярии губернатора поступил секретный приказ: не выпускать «Хыпара» из стен управления и не выдавать подписчикам.

С.К. Кириллов отказался быть редактором: «Слишком много всякой канители, да и не безопасно». По требованию Симбирской группы сотрудников было устроено общее собрание всех наличных в Казани сотрудников. Решающую роль играли всюду студенты Казанского учительского института. На собрании был поставлен вопрос о новой постановке газеты: не менее, чем на половину всех статей, должна быть политическая. Постановили просить Н.В. Никольского передать газету избранному собранием новому редактору Алексееву (Павлу Алексеевичу). Я не возражал, но предупреждал собрание, что сейчас политическая ситуация крайне неблагоприятная для «Хыпара» и вообще для «инородческих» газет, что редакция высоко подняла голову и нужна большая осторожность в газетных высказываниях, иначе газета перестанет существовать, а новую не разрешат. Собрание, казалось, учло мое предупреждение.

Я написал заявление губернатору о том, что передаю редакцию «Хыпара» Алексееву. Алексеев, в свою очередь, написал заявление о разрешении ему издавать «Хыпар» вместо прежнего редактора Н.В. Никольского – по прежней программе. Разрешение было дано. Типография, склад изданий были об этом осведомлены. После всего этого газета приняла несколько измененный курс. Брошюры выходили редко; редакция старалась, по возможности, весь материал уместить в газете.

Не прошло и месяца, как цензура наложила запрет на газету; пошли аресты некоторых сотрудников, да и сам Алексеев пробыл недолго редактором. В августе 1906 года редактором становится Сидор (Игнатъевич) Игнатъев, при котором газета стала почти целиком политической, а это обстоятельство лишило как редакции нормальной жизни, так и самую газету – аккуратного поступления ее подписчикам.

С августа 1906 года по январь 1907 года сменилось несколько редакторов. На всякий случай в декабре 1906 года некто Алексеев получил разрешение издавать на чувашском языке газету «Самана» (Эпоха). Фактически «Самана» не выходила. Она существовала лишь в запасе на случай закрытия «Хыпара». С большим трудом «Хыпар» вступил в 1907 год. Денежные дела, как всегда, были очень неважные. Типография потребовала с меня уплаты задолженностей за весь 1906 год в размере около одной тысячи рублей. С рассрочкой эту сумму я уплатил. Ситуация была не в пользу газеты. Надо было ожидать больших неприятностей со всех сторон. Тем не менее, издатели рискнули: в начале января 1907 года выпустили новогодний номер. Но тут произошло то, чего надо было обязательно ждать. Распоряжением Казанского губернатора чувашская газета «Хыпар» была закрыта, редактор арестован и посажен в тюрьму. Сотрудники, какие были в Казани, частично выбыли из Казани, частично ушли в подполье и стали работать над листовками, для чего заранее приобрели

венное», – писал Н.В. Никольский в своем исследовании «Творчество чуваш».

Мотивов в сказках немного: 300–400. Но общее количество сказок довольно значительное. Собиратели чувашских сказок насчитывают их у себя тысячи. В собрании Н.В. Никольского имеется свыше тысячи сказок. Описание их помещено проф. В.Н. Андерсоном в финских и итальянских изданиях по фольклору. В собрании Н.И. Ашмарина, в Симбирской чувашской учительской семинарии имеется также немалое количество чувашских сказок. Частичные собрания имеются у профессора В.Н. Андерсона, П.В. Васильева, И.Д. Никитина и др.

Все ли в этих сказках самостоятельно, где и как появились заимствования, решить очень трудно. Чисто народная сказка иногда заменяет собственное языческое имя христианским, замена произошла, несомненно, в новейшее время, когда чуваша, благодаря школе и церкви, более привыкли к собственным христианским именам, а старые имена в массе своей оставили, как пережитки старины. В самом изложении иногда к древнейшему сюжету сделано новое наслоение; наряду с обычными для старого времени орудиями охоты: луком, стрелой – вдруг появляется ружье, пистолет или даже револьвер; сказочный герой иногда в своем образе жизни представляет некоторое раздвоение: он по существу, несомненно, охотник и кормится, главным образом, дичью, но в некоторых сказках в самой примитивной домашней обстановке является совершенно не гармонирующий с ней самовар.

В древнейшем своем виде чувашская сказка содержит древнейшие мифы, верования, коренившиеся в сердце чувашина. Такая сказка не стремится поучать или описывать лучшие нравы. В настоящее время сказка не имеет уже своего прежнего религиозного характера. У молодого поколения нет сознания важности основного мифа; поэтому нет и бережного обращения со способом сказочного выражения. Когда-то священное содержание нередко втесняется в самые обыкновенные рамки житейской и будничной жизни.

Сюжетом сказки служит решительно все: мир внешний во многообразии своих проявлений и внутренний мир самого человека, жизнь семейная, общественная. Доброе и злое начала борются всюду, но побеждает, в конце концов, доброе. Приводим буквально перевод одной из таких сказок.

«У одного человека, говорит сказка чуваш, Ядрин. у., было 3 сына, младшего отец недолюбливал. Старшего и среднего поженил, младшего не женит. Этот человек утром делает 3 стрелы и уходит. Потом говорит младшему сыну: «Пойди, найди эти стрелы, тогда поженю тебя». Младший сын встает и уходит. Подходит к реке и видит рябую лягушку. Одна из стрел вонзилась в эту лягушку. Как только взял стрелу, лягушка прыгнула на плечо ему и обняла за

шею. Парень хочет уронить ее, трясет-трясет, лягушка не падает. Тогда возвращается домой в таком виде. При возвращении домой, лягушка говорит ему: «Я буду твоей женой; придешь домой, не показывай меня своим родителям; как придешь, впусти в теплый хлев (*маклӓ витене*)». Приходит домой и выпускает в хлев. Потом входит в избу и дает отцу стрелу. Тогда отец говорит: «Ну, теперь один нашел, если найдешь еще две, поженю». Парень говорит отцу: «К чему мне жениться; у меня есть рябая лягушка». Затем выходит и отправляется в хлев. Упомянутая рябая лягушка стала девушкой, осветилась ярко-белым светом. Жена говорит ему при выходе на двор: «Другая твоя стрела упала на избу». Тогда Иван залезает, берет стрелу и отдает отцу. Опять выходит к своей жене. Жена говорит: «Другую стрелу не сможешь достать собственными силами; иди туда, где нашел меня». Иван уходит. Идет-идет, приходит к тестю. «Жалуй-ка, зятек, (*килях, кёру*)». – «Иду, тествюшка». – «Ну, как ты возьмешь ту стрелу? Твоя стрела лежит на дикой свинье (*капан сьсна сунче*). Я принесу тебе узду, ты выйди на двор, подойди к конюшням и, отворяя дверь каждой, тряси уздой; выведи ту лошадь, которая подойдет и сунет (голову)». Тесть дает узду, зять входит в конюшню и трясет уздой. Много хороших лошадей, к узде нейдут; одна плохая лошадь сунула голову в узду. Тогда выводит лошадь, оглядывается назад, смотрит и говорит: «Множество жирных лошадей не суют своих голов, куда деваться с этой лошадейю». Потом все-таки вывел ту же лошадь. На ту же лошадь тесть положил седло. Дал Ивану собаку по кличке *Анчӓк*. Иван сел верхом на лошадь и отправился к кабану (*капан-сьсна*). Ехали-ехали, лошадь устала. *Атак* говорит Ивану: «Побудь здесь, я тебя крикну: скачи». Затем *Атак* подошел к кабану и начал кусать, откуда нужно было. Заставив своими укусами кабана подняться, *Анчӓк* закричал: «Скорей скачи». Иван настегал лошадь, поскакал, забрал стрелу и ускакал. Прибыл к тестю, возвратил лошадь; в это время тесть сказал: «И чрез это не поженит тебя отец твой; он отправит тебя к дедушке за гуслиями». Поел, попил и отправился к отцу домой. Отдал ему стрелу. Отец сказал: «Мой отец прежде сильно играл на гуслиях (*хытӓ каланӓ*). Поди и возьми эти гусли». Иван вышел и опять направился к тестю. Когда прибыл, тесть дал ему узду и сказал: «Походи и потряси эту узду». Иван вышел, походил и потряс. Прежняя плохая лошадь подошла и сунула голову. Вывел ее. Тесть устроил седло, дал плетку. Иван выехал, проехав немного, стегнул лошадь и прискакал к началу долины. В той долине лежали старик и старуха, под ними был постлан драный кафтан; накрылись они полушубком; говорят: – тепло. «Иван, – говорят они, – ты, наверное, отправляешься к дедушке, спроси-ка у него: долго ли нам еще лежать». Ехал-ехал; опять на перекрестке лежат два человека; под ними постлан новый полушубок; накрылись они новым тулупом; лежали, говоря:

холодно. «Иван, — говорят они. — Ты, наверное, едешь к дедушке, спроси-ка у него: долго нам еще лежать здесь и мыкать горе». — «Спрошу и сообщу, пропустите», — говорит Иван. Пропустили. Иван еще стегнул лошадь и прибыл к мосту, сделанному из людей. «Иван, ты, вероятно, едешь к дедушке, спроси-ка у него: долго ли нам здесь лежать?» — «Ладно, спрошу; переправь-ка». Переправили. Ехал-ехал, доехал до женщины (не чувашки), которая мешала молоко с водой. И она: «Спроси-ка», — говорит. «Ладно, спрошу», — был ответ. Проехал некоторое расстояние, в загороди стояло много жирных лошадей. Лошади сказали ему: «Иван, ты, вероятно, едешь к дедушке; долго ли нам стоять. Спроси-ка у дедушки». — «Спрошу». Проехал мимо них. Едет далее. Проехал некоторое расстояние: другая загородь с тощими лошадьми. Они тоже сказали: «Спроси-ка». — «Спрошу», — был ответ. Иван едет дальше. Доехал до женщины, находящейся у полевых ворот. Она отворяла ворота языком. «Иван, спроси-ка у дедушки». — «Ладно, спрошу». Наконец прибыл к дедушке. Вошел в избу, поздоровался. «Меня отец прислал за гуслиями», — сказал Иван. «А умеешь играть на гуслиях?» — «Не умею». Дед дал гусли, сыграл какой-то мотив. «Ну, Иван, что видел и слышал на дороге?» — сказал дедушка. «Видел вначале двух людей, лежат они, покрытые тулупом, и говорят: холодно. Что им сказать?» — «Что сказать: они прежде много воровали и кололи людского скота. Им лежать таким образом вечно». — «А что сказать старику и старухе, которые лежат на перекрестке дороги?» — «Что им сказать: пусть они теперь же встают и уходят». — «Что сказать людям, из которых сделан мост?» — «Прежде они убивали людей и бросали под мост. Им лежать там вечно». — «Что сказать женщине, мешающей молоко с водой?» — «Ей вечно так быть за смешение молока с водой». — «Что сказать тучным лошадям, которые в загороди?» — «Они пусть теперь же уходят». — «А что сказать тощим лошадям?» — «Им вечно стоять так: раньше их хозяева кормили чужим, воруя у других». — «А женщине у полевых ворот?» — «Она дразнила людей, высовывая язык; ей вечно там стоять». Иван берет гусли, садится на коня и отправляется домой. Едет-едет, доезжает до того человека около ворот. «Спросил?» — Спросил: «Пропусти-ка сначала». Она пропустила; только удалившись на некоторое расстояние, сказал: «Ты дразнила людей, высовывая язык, (тебе) вечно тут стоять».

— «Ай, надо было задержать его между воротами». Проехав некоторое расстояние, прибыл к давешним тощим лошадям. — «Спросил?» — «Спросил?» — «Говори». — «Немного отъеду дальше», — отъехав дальше, сказал: «Раньше ваши хозяева кормили, воруя чужое; вам вечно стоять тут». — «Ай, его надо было залягать до смерти». После них доехал до тучных лошадей. — «Спросил?» — «Спросил». — «Говори». — «Вам, — говорит, — сейчас же выходить». — «Спасибо тебе, Иван», — говорят. Проехал мимо их, едет дальше.

Приезжает к людям, которые лежали на перекрестке дороги. — «Спросил?» — «Да». — «Что?» — «Вам здесь лежать вечно». Потом доехал до женщины, мешавшей молоко с водой. — «Спросил?» — «Да». — «Говори» — «Скажу, только немножко отъеду дальше, — отъехав сказал: — Тебе вечно быть тут за то, что мешала молоко с водой». Она сказала: «Надо было плеснуть горячим молоком». Немного пройдя доехал до начала долины, где были старик со старухой. — «Спросил?» — «Вам сейчас же нужно встать и идти». Иван проехал мимо них, ехал-ехал и прибыл к тестю. — «Привез?» — «Да». — «В то время, когда ты приедешь, у отца будет попойка; тебя заставят играть на гусях. Старший брат и сноха будут плясать, тогда играй; будут плясать средний брат и сноха, и тогда играй; начнут плясать отец с матерью, пойдя к дверям и повеси (гусли)». Иван вышел, идет-идет и приходит домой; и в самом деле, к его приходу собрались гости. Как только Иван вошел в избу, ему поручили играть на гусях. Он играл, когда плясали старший брат со снохой и средний брат со снохой; когда же начали плясать отец с матерью, пошел к дверям и повесил (гусли). Когда наступил вечер, отец с матерью легли в переднем углу, а братья и снохи около двери. Тут же расступилась земля до половины избы и поглотила отца с матерью.

Другой вид чувашского фольклора — предания — это своего рода устная история народа. «Инстинктивно народ хочет истории в полном смысле и желает жить вечно в потомстве. В то же время каждого интересует то, чем были его предки и как жилось им. Разрешению этих вопросов посвящены предания, связанные с возникновением селений, с курганами и городищами. Суммируя эти материалы, мы будем иметь следующее. Первоначальной родиной чуваш был юг. Жили они отдельными родами; дети почитали родителей и слушали их; занимались охотой, рыболовством. Потом мало стало у всех земли и начали расселяться».

Около тысячи лет тому назад у чуваш были торханы; они избирались народом. Избирали обыкновенно одного на весь народ. Торханы правили и судили народ, строго наказывали провинившихся; учили народ правде и заставляли приносить животные жертвы; в начале лета, пред жнитвом, торханы обязаны были лично совершить жертвоприношение, на которое собирался весь чувашский народ.

По смерти торхана его место занимал другой, избирался он еще при жизни первого; учился у старого, в течение ряда лет, как совершать молитвы. Последний торхан жил там, где теперь Торханское поле, к северу от Тюрлемы. В войне с татарским ханом он был убит, и после него не было других торханов.

Хорошо жилось народам, когда было болгарское царство. Царь жил в с. Болгарах. Но у него была еще столица: это нынешний Верхний Услон. Потом она была перенесена на место современной

Казани. Болгарский царь предварительно наложил на место предполагаемого города солому, на пространстве 4 верст и сжег ее. Этим путем он вывел отсюда змей. Во время сожжения соломы — один большой змей спустился в воду, в Кабан. Это означало то, что некогда город будет взят неприятелем.

И в самом деле случилось так.

Пришли татары и опустошили страну; татарские богатыри ходили по стране толпами, старых убивали, молодых уводили в плен, девиц бесчестили; золото, серебро и всякое добро отбирали для хана. Жители разбежались в разные стороны. Чуваши, черемисы и мордва стали жить в лесах, в глухих местах, по овражкам, куда трудно было приехать татарским богатырям, ездившим обыкновенно верхом на лошадях. Избу у них заменяла лачуга, сделанная из лубка. Зерно для хлеба мололи ручными жерновами; мясо жарили на огне, самую лучшей пищей считался мед.

Татарский хан — Темирхан поселился в Казани; позвал к себе торхана и потребовал от него и его народа принятия магометанства. Торхан собрал старейшин чувашского и черемисского народов и изложил пред ними волю царя; старейшины постановили отвергнуть царское требование. Темирхан выступил против чуваш с войском. Сеча была жестокая; чуваш и черемисы не выстояли: побежали в лес, а торхан был убит в битве. Это был последний торхан.

В татарское время у чуваш были правители — ставленники татарского царя Уразмед, а после него Анчик. Первый был жестокий и во всем исполнял волю татар. Уразмед собирал для татар подати, захватывал силою девиц и представлял татарскому царю. Народ невзлюбил Уразмеда и убил его. Преемник Уразмеда Анчик был кроткий правитель. Он собирал подати со всех народов поровну и к царю ездил редко. Народ был так расположен к нему, что решил восстать против казанского царя Абдул-хана. Последний отправил людей взять Анчика. По приказанию Анчика, послы были заперты в пустой амбар и сожжены; тогда Абдул-хан явился сам с войском, но Анчика не было дома. Он ушел к русскому царю; на реке Москве чуваш, чтобы показать свою покорность, сели на колени, и, сняв шапки, кланялись каждому русскому человеку. Дали знать об этом русскому царю. Царь вышел к чувашам и сам убедился в их покорности. Царь спросил Анчика, можно ли на них положиться. Анчик отвечал, что они не только не изменят русским, но и сами будут участвовать в походе против татар и укажут дорогу. Царь послал с Анчиком отряд русского войска против татар. Чуваши, по приказу Анчика, давали русским войскам съестные припасы, показывали дороги, прокладывали через реки мосты и помогали в битвах с татарами.

Когда Казань стала русским городом, а татарское царство русским царством, чуваш получили много земли. Право на землю бы-

ло скреплено особыми грамотами за золотыми печатями. На некоторых из них было изображение царя в остроконечной шапке.

Русские правители казанской области позволяли себе обижать чуваш, брать лишние подати, бить неисправных плательщиков. Этим чуваша были недовольны. Когда явились посланные от Разина, чуваша решили помочь ему людьми, деньгами и припасами. За свою помощь они были строго наказаны.

В другой раз среди чуваш ходил Пугачев, говорил, что он настоящий русский царь; дарует всем волю, сколько угодно земли. Чуваша поверили ему и пошли за ним, и опять были наказаны за измену.

Было время, когда русские хотели сделать чуваш крепостными. Для этого они заставляли сажать картофель. Но чуваша не послушались и оказали сопротивление. Особенно был большой бой у с. Акрамова Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (*Шорча варси* – в документах упоминается под 1840 г.).

Помимо этих преданий, у чуваш есть предания и по многим другим вопросам. Вот темы чувашских преданий: чувашские мурзы, чувашская старинная вера, принятие христианской религии; переселения; волжские разбойники; христианские храмы, духовенство; судьи; правители; занятия; ремесла; орудия; грамотность; школа и т.д. «По изложению, чувашские предания напоминают сказки; разница только та, что здесь нет словесных прикрас; предания кратки, здесь заметно стремление выдержать серьезный тон. В общей массе эти предания более или менее верно отражают соответствующую эпоху или чисто местный и случайный эпизод. Так, рассказы о грабительстве пугачевцев и притеснениях богатых чувашей подтверждаются историческими документами о том же; предания об Акрамовском бое доказываются документами 1840-х годов. Сколько селений в чувашском районе, столько можно указать и преданий у чуваш. Кроме того, некоторые чувашские предания существуют среди некоторых татар и русских, которые происходят от чуваш, но отатарились или обрусели в силу благоприятных для этого исторических условий. Поэтому в общей сложности чувашских преданий надо считать свыше трех тысяч».

«Загадки, как и другие виды народного творчества, имеют разные оттенки. В древнейших загадках отражается первобытная мифическая символизация; поэтический образ служил здесь отчасти для описания, отчасти для объяснения явлений природы и окружающей обстановки».

Небесные явления поражают ум первобытного чувашина. Он старается их объяснить путем сопоставления с теми явлениями, которые ему известны. Для мысли, привыкшей работать наглядно, образно, все явления представлялись результатом действия живых существ.

Исчезновение луны чувашская загадка изображает так. Стоит дуб без корней и сучьев; на вершине дуба сидит птица; к птице подходит старик, тянет и спускает без рук, закалывает без ножа, варит без жару, ест без зубов – *Тымарсӑр, туратсар юман тӑрать, юман тарринче кайӑк патне старик пырать, туртатъ, антарать алӑсӑр, пусать сӗсӗсӗр, пӗсерет кӑварсӑр, сует шӑлсӑр (уйах пӗтни).*

Другая чувашская загадка изображает луну в человеческом образе вожатого: за одним человеком идет тысяча человек – *Пӗр сын хысӗнче пин сын пырать.*

Рассвет представляется делом каких-то существ, живущих вдали, за железными дверями. Не отворяются железные двери, если не придет бумага из Казани – *Хусантан хут килмесӗр тимӗр алак усалмӗ.*

О происхождении росы загадка говорит следующее: когда бежал, серебряное кольцо выпало, его увидела луна, и взяло солнце – *Чупса-чупса пына чухне кӗмӗл сӗрӗ тухрӗ укрӗ; ана уйах курчӗ те, хӗвел илчӗ.* Мороз возникает не иначе, как вследствие работы особого существа. Без рук, без ног, вышивает узоры (зимний холод) – *Аласар-урасар тӗрӗ тӗрлет (хӗл сивви).*

Многие явления в жизни человека зависят от колдуньи, которая может оборачиваться в свинью, лошадь, овцу и т.п. Ее присутствие нежелательно. Уходи, уходи, колдунья, на двор; входи, уничтожительница, внутрь (опахивание пыли) – *Тух, тух, тухатмӑш, тулалла; кӗр, пӗтермӗш, шалалла (супӗ шални).*

В старину загадкам приписывалось особое таинственное значение. По верованию народа, у того, кто отгадывал, должны были исполниться его желания; он был гарантирован от опасности. В настоящее время такого значения загадка не имеет; народ смотрит на загадку как на простое упражнение ума. Загадка становится вопросом по разным отраслям знания; причем сохраняется прежняя иносказательная, аллегорическая форма, остается прежний образный язык.

«Загадка является своего рода архивом или музеем исторических древностей народа. Древняя культура и постепенный рост ее находят в загадке некоторое отражение». Были времена, когда жилища чувашина были без дверей и окон (пещеры). На месте без дверей и окон живет семьдесят (огуречное семя) – *Алӑсӑр, чуречесӗр сӗрте ситмӗлӗн пуранаççӗ (хаяр варри).* Одним из древнейших видов построек была лачуга. Это простое бревенчатое, в большинстве случаев, досчаное строение, без окон с дверью и иногда с отверстием наверху для дыма. Для безопасности такое жилище ставилось в местах, укрепленных самой природой.

На краю крепости стоит белая лачуга (ухо) – *Сарт хӗрринче шурӑ лаç парать (хӑлха).* Двое братьев живут всего чрез крепость,

однако друг друга не видят (глаза) – *Икё тӑван сӑрт урлӑ анчах пурӑнассӑ, ҫапах пӑр-пӑрне кураймӑссӑ (куссем)*. В местах древнего обитания чуваш были и слоны. Две пигалицы играют игру, слон-зверь пьет воду (лошадь пьет воду) – *Икё текерлӑк вайӑ вылятӑ, аслан кайак шыв ёҫет (паша шыв ёҫни)*. В лесных пространствах чувашин занимался охотой. В темном лесу поймаю и принесу желтого цыпленка (посконь) – *Сём вармантан сарӑ чӑплӑ тӑтса тухал (луса)*. Огонь в жилище поддерживался таким образом. Красные горящие уголья в горне закрывались золой и сохранялись до следующей топки. Огонь имел мистическое значение, он старательно поддерживался семьей. Семья и огонь в загадке связаны как собственно загадка и ответ на нее. К старшему брату направляется свадьба, у младшего брата проведет ночь (сохранение в горне после топки горячих красных углей) – *Пиччӑш патне туй укӑ, шалнӑ патӑнче ҫӑр каҫӑ (вута хутсан вучахра кӑвар ҫӑр каҫни)*. Самому браку и обрядности его в загадке уделяется значительное место. Под одним покрывалом четыре девушки плачут (стол) – *Пӑр пӑркенчӑк айӑнче тават хӑр йӑрет (сӑтел)*.

В русский период своей истории чуваша подверглись новым влияниям. Поля стали делиться по-новому. Между ними стала проводиться межа. В поле лежит длинный русский (межа загона) – *Уйра вӑрӑм вырас выртать (ана йӑранӑ)*. Вошли в обращение деньги. Низенький казак рубит деревню (деньги) – *Лутра касак ял касать (укҫа)*. Стали регулярно собираться подати. Большой дьяк тратит, малый дьяк собирает (ножницы и игла) – *Пысӑк тиек салатать, пӑчӑк тиек пуҫтарать (хачӑла йӑп)*.

Вводится в христианство и становится обязательным крещение младенцев. Два раза родится, не крестился, кричит и устрашает дьявола (петух) – *Икӑ хут ҫуралать, тӑне кӑмен, кӑшкӑратӑ те усала хӑратать (автан)*. Все общественные дела решает мирской сход. Колеблется березовая трость, собирается черный люд (подмести пол) – *Хурӑн хулли хумханать, хура халӑх пуҫтарӑнать (урай шӑлли)*. Устанавливается особый суд. Около старшего судьи младший судья (горн) – *Аслӑ туре умӑнче кӑҫӑн туре (вучах)*. Жилище чувашина освещалось лучинкой на особой подставке. Сорока летит, кал сорится (горение лучины) – *Чакак вӑҫсе пыратӑ, пӑхӑ такӑнса пыратӑ (хайӑ ҫунни)*.

Для приготовления пищи над горном висит котел. Черная собака висит, красная собака лает (висение котла в горне (очаге), на огне) – *Хура йӑтти ҫакӑнса тӑратӑ, хӑрлӑ йӑтти вӑрсе тарать (вучахра, вут ҫинче хуран ҫакӑнса тани)*.

Наблюдение чувашина над явлениями природы имели своим результатом сотни загадок. Приводим некоторые из них. Не гниет в земле, не тонет в воде (уголь) – *ҫӑрте ҫӑрмест, шывра путмасть (кӑмрӑк)*. В воде не утонет, в огне не сгорит (тень) – *Шывра путмӑ,*

вупра сунмё (ёмёлке). Опустил в воду, не потонуло (нетопленое масло) – *Шевиккён шенкерти, шыва ятём путмарё (услам су)*. И зимой, и летом один вид (ель) – *Хёлле те, сулла та пёр тёс (чараш)*. Душа есть, крови нет (таракан) – *Чунё пур та юнё сук (таракан)*. Есть кровь, нет души (калина) – *Юнё пур та чунё сук (палан)*.

Без рук, без ног, прокладывает мост (мороз) – *Аласёр-урасёр кёпер хывать (сивё)*. Без рук, без ног долбит большой ковш (капля) – *Аласёр-урасёр алтёр чакалать (тумла)*.

Год в загадке изображается так: 12 орлов, 52 галки, 365 скворцов снесли одно яйцо – *Вуникё ёмарткайёк, алла икё чавка, виçсёр утмал пилёк шанкарчэ пёр сёмарта тунё (султалак)*.

Как видно из предыдущих примеров на чувашском языке, по своей форме загадки примыкают к пословицам: та же мерная речь, то же частое употребление рифмы и созвучия слов. Иногда только вопросительная форма делает из пословицы, присловья или поговорки загадку.

Пословица рождается вместе с самим народом, с его языком, и она неотделима от народа. Он ею живет, в ней – его переживания, житейский опыт, его философия. Восточные народы называют пословицу «цветом языка», «ненанизанными жемчужинами», греки и римляне – «господствующими мнениями», итальянцы – «училищем народа», испанцы – «врачевством души», немцы – «уличной мудростью».

По замечанию Даля, пословица «не сочиняется, а рождается сама». Меткое определение, удачное сравнение, сжатая и ясная формула может принадлежать одному человеку, но в состав народной речи вводит ее только постоянное употребление в аналогичных по смыслу случаях.

Сделать пословицу, действительно, нельзя, но она сама часто «делается» на наших глазах. Уже послеоктябрьский период жизни чувашского народа, например, дал много пословиц и поговорок, которые частично занесены на страницы журналов, учебных книг, но больше всего имеют изустное хождение среди масс.

«Пословицы чувашского народа, как и всех других народов, однажды возникая, на протяжении истории видоизменялись соответственно эпохе. Они отражали в себе жизнь чуваша во всем многообразии ее проявлений. В конце концов они приобретали для человека значение учительницы жизни».

Пословица всегда призывала человека к благоразумию в поведении, к честному труду, к бодрости духа. Она осуждала дурное поведение, лень, трусость, воровство и всякие другие пороки. В семье, в обществе, в своей деревне и в стороне, среди земляков и в окружении людей других национальностей, – везде и всюду, по учению

пословиц, чуваш должен был руководствоваться указаниями разума.

В пословицах отразились бытовые, педагогические, общественные, философские воззрения чувашских трудящихся. Пожалуй, нет таких сторон жизни трудового народа, которые не были отмечены чувашами в их пословицах.

В пословицах сосредоточена народная мораль и они являются как бы устным сборником правил обычного права. Это – своего рода народный кодекс гражданского права, переходящий из поколения в поколение, непрерывно видоизменяясь, обогащаясь и принимая в себя необходимые правила жизни и других народов. Поэтому неизбежно были совпадения многих чувашских пословиц с пословицами соседних древнейших и поздних народностей.

Многообразие элементов в форме чувашских пословиц свидетельствует о больших творческих возможностях художественного слова у чуваш вообще.

Народными пословицами восхищался А.С. Пушкин, ценили их все классики и выдающиеся деятели русской литературы.

Пословицы более поздние по времени их происхождения выражают уже развитые педагогические и другие общественные воззрения чуваш:

Ялан йспа суресен ялти вата ятламасть (Не ругает деревенский старик того, кто всегда ведет себя умно). *Калаçассине сахал калаç, ёслессине нумайрах ёсле теççё* (Говори меньше, делай больше). *Кунне кун çук, киревсёре вилём çук теççё* (Смирному нет житья, негодяю нет смерти). *Килте йытă пăтратма пёлменскер, ял çине тухсан яшка пёçерме тытăннă теççё* (Иной дома не умеющий приготовить болтушку для собаки, в людях принимался готовить кушанья). *Вăтанман вёруçё, уркенмен юмăç пулнă теççё* (Бесстыжий берется за знахарство, неленивый за ворожбу).

Издавна чувашские пословицы призывали относиться с уважением и почитанием к старости, к коллективному сплочению и единству действий, ибо «мирская сила» могущественна. Пословица учила молодежь приучать себя к честному труду, ценить человека труда:

Ват сын тăват сын теççё (Старый человек стоит четверых). *Ватă сёрçие хывăх сапса улталамăн* (Старого воробья на мякине не проведешь). *Ваттисем калани вырăнлă* (Речи стариков разумны). *Ваттисен самахёсене итлемесёр хатланакан хăйне хăй пуçне сухатнă* (Кто не слушается стариков, сам себя погубит).

Халăх çаварё хапха пек (Уста народа подобны воротам). *Пёр сёмьенён пёр канаш пултăр; пёр ял халăхё турё пурăнма кирлё теççё* (Пусть вся семья живет в согласии; односельчане должны жить дружно). *Пускил лайăх пулсассăн çук пурнăç та палăрмасть; пускил усал пулсассăн пур пурнăç та саланать* (С хорошими сосе-

дями и бедность неприметна, с дурными соседями и достаток идет прахом).

Ўыншӑн шӑтӑк ан алт, хӑвах кайӑн (Не рой ямы для другого, сам же попадешь в нее). *Ўынна ӑсне-халне пӗлмесӗр ан хурла теҫҫӗ* (Не осуждай человека, пока не узнал его ума-разума). *Ўын япалине ан халсӑн* (Не зарься на чужое). *Ху ҫарамас пулсан та ҫынӑннине ан ил* (Хоть ты и гол, а чужого не бери). *Ўынна сивӗ сӑмах каличчен пӗр чӗл ҫӗкле теҫҫӗ* (Чем говорить другому неласковое слово, лучше возьми помоть хлеба).

Халӑх сурать – кул тӑвать, пӗччен сурать – тупсех пырать (Народ плюнет – будет озеро; один плюнет – высохнет). *Халӑхла пур ӗҫ те пу-лать, пӗччен ним те пулмасть* (Миром всякое дело сделаешь, а в одиночку ничего не сделаешь).

В пословицах нашли отображение многие исторические факты из жизни трудящихся чувашского народа. «*Авал тӗтӗме те сасар парса илнӗ тет*» (В старину и за дым платили куницей). Эта пословица отмечает положение о податной повинности в древней Руси. Как известно, начиная с периода монголо-татарского ига и кончая XVII веком, на Руси дань взималась с каждой семьи (дома, дыма) по одной кунице.

Служба в царской армии была весьма непопулярна среди трудящихся масс и крестьяне обычно старались уклониться от воинской повинности либо путем членовредительства, либо путем откупа и замены себя другим лицом. Это и породило выражение «*Ўын выранные ӗлӗк ҫын тӑраттарнӑ*» (Вместо человека в старину заставляли поставлять человека).

«*Вун ук салтакӑн пӗр автан (качака) пуҫӗнчи чул ӑс сук*» (У двенадцати солдат нет ума столько, сколько у одного петуха (козы)). Эта характеристика умственного облика солдат была вызвана теми наблюдениями над солдатами, которые имел чувашин в XVIII и XIX вв. Почти пожизненная солдатчина в XVIII в. и продолжительная в XIX в. (сначала 25 лет, потом – 15 лет, и только с 1896 г. – 4 года) оставляла на солдатах очень тяжелый след. Постоянная муштровка, шагистика, выработка манекена вызывала полное отупение у служилого. В 50 лет солдат смотрелся дряхлым и совершенно неработоспособным. «Ума нет у него», – говорили про солдата его одноклассники. «*Санӑн салтак ятуна илт тата*» (Слушай еще твое прозвище «солдата»), – говорила невеста своему жениху.

Угнетенное состояние чуваш старых времен нашло себе отражение в такой распространенной поговорке: «Богатеет татарин, покупает себе жену; богатеет русский, покупает себе лошадь; богатеет чувашин, платит свой оброк». При бесправном положении чувашскому крестьянину приходилось гнуться в три погибели ради своих эксплуататоров. О том говорит и пословица: «*Тавтапуҫ тенӗшӗн виҫӗ ҫул кетӗ кӗтнӗ*» (За спасибо пас стадо три года). И не случай-

но то, что подобные пословицы бытуют в местностях, прилегающих к помещичьим имениям. Свое положение чувашский крестьянин характеризовал как тяжелое, а подчас непосильное: «*Ёҫле, ёҫле, пёр чарӑнмасӑр ёҫле; ҫиме ларсан шухӑшласа ҫи*» (Работай, работай, работай, не останавливаясь, а есть сядешь, ешь раздумывая, т.е. можешь ли съесть столько, сколько хочешь без ущерба для годового бюджета).

В некоторых пословицах довольно четко определилась классовая природа прошлого чуваш: «*Пуян ҫын чухӑн ҫын юнне ёҫет*» (Богатый пьет кровь бедного). Чувашский крестьянин ясно сознавал, что он работает, а баре, чиновничество, купцы и духовенство сидят на его спине и питаются его трудом:

Эпир пулман пулсан вёсем те пулас ҫукчӑ (Не будь нас, не было бы и их). *Улпут та, йыта та пёр пек* (И барин, и собака – одно и то же).

В старых чувашских пословицах власть имущие больше всего названы «богачами». И о богатом нет пословиц, которые хвалили бы его.

Пуянӑн кушакӑ те куян тытат (У богача и кошка ловит зайцев). *Пуянӑн йытти тилӑ тытат, кушакӑ – мулкача* (У богача собака ловит лисицу, а кошка – зайцев). *Пуянӑн автанӑ те ҫарха* (У богача и петух иноходец). *Пуян ҫӑра тусан, юрлӑ ҫыннӑн ҫӑпати ҫӑтӑлет* (Когда богач варит пиво, у бедняка изнашиваются лапти). *Пуян ҫыннан куҫӑ выҫа* (У богатого глаза ненасытны). *Пуян ҫыннӑн кирек мӑн калаҫни те килӑшет* (Богач что ни скажет, все ему сходит).

Нуша кулачӑ ҫиме вӑрентет (Нужда научит есть калачи). *Патӑрпа ан кӑреш, пуянпа ан тавлаш* (С сильным не борись, с богатым не тягайся). *Пуян ҫын ҫӑлтӑрӑ ҫутӑ пулат*, *начар ҫыннан тӑксӑм пулат* (Звезда богача бывает яркой, у бедняка она мутная).

Чун асаплакан – мул тупакан (Богатство создает тот, кто гнетет другого). *Вӑрламан ҫын пуймасть* (Без воровства не разбогатеешь). *Пур ҫын ҫумне ҫыпӑҫиччен ҫук ҫумне ҫыпӑҫ* (Имей дело с неимущим, чем с имущим).

Чувашский фольклор жестоко бичевал церковнослужителей. И в сказках, и в пословицах поп представляется и неумным, и жадным человеком: «*Пуп куҫ — нухреп куҫ*» (Глаза попа – глаза погребца).

Много места и внимания в чувашских пословицах уделяется семейному праву, вопросам взаимоотношения членов семьи и семейного воспитания:

Анне — кепе, унна варҫма юрамасть (Мать – кэбэ (священна), с ней нельзя ссориться). *Арла-арӑмӑн пёр ҫавара сурас пулат* (Супругам следует жить в согласии; букв.: плевать в один рот). *Улӑшките*

арәмә тунтерле пурәнсан пурнәç малалла каймасть (Муж и жена живут в раздоре – жизнь их не пойдет вперед).

Арам вилсен тепри алак хыçёнчех теçсё (Жена умерла, а другая уже дожидается за дверью). *Арамёнчен вәтанны – ача-пәча курайман тет, уләшкинчен вәтанны – кәмакари тыррине милке вырәнне хай кәрсе шәлна тет; упашкине хёрхеннө – сак чөлсе сүтнә тет* (Кто стесняется жены, не увидит детей; кто стесняется мужа, сама залезет в печку и вместо помела выметет собой рожь; мужа жалеет, будет щепать лучины из нар и зажигать их).

Начар арәм хушпу тәвайман, начар арсын ака тавайман (Дурная женщина не изготовила себе хушпу (головной убор), дурной мужчина не сумел вспахать).

Аça сүри салатать, ама сүри пуçтарать (Отчим расточает, мачеха собирает). *Аça сүрине ача çаптәр, ама сүрине амак çаптәр* (Отчима пусть поразит громом, а мачеху – недугом).

Асуна-аннуне хисепле, хавнах ыра пулө (Почитай родителей, тебе же будет хорошо). *Аçна-аннөне итлесе пурән* (Слушайся родителей). *Асу-анну иёкөнчен тухакан пусне сухатнә теçсё* (Кто не подчиняется воле родителей, тот погубит свою голову). *Ача-пәча сәмахне итлесе шыва та кайса вилён* (Если будешь слушаться детей, то утонешь в воде). *Ача-пәча хыçсән кайсан сөтел айне кәрсе вилён теçсё* (Если будешь слушаться детей, придется залезть под стол и умереть). *Ачине тумасәр кипкине ан хатёрле* (Пока ребенок не родился, пеленок не заготовляй). *Ачине шанакан харах куçсәр пулнә тет, тарça шанакан сём суккәр пулнә тет* (Кто полагается на ребят, тот окривеет; кто доверяет работникам, тот совсем ослепнет).

Ача-пәча чёри ула сүмөнче, ашшө-амәш чёри ача-пәча сүмөнче теçсё (Сердце ребят льнет к медведям, сердце родителей – к детям). *Ача-пәчан пёр шухәш, ваттән сёр шухәш* (У детей одна дума, у стариков сто дум). *Ача-пәчана ашшө-амашө мул париччен әс пама кирлө* (Родители в первую очередь должны оставить детям ума, а не имущества).

Ачаш ача ашшө пусне сухатать (Избалованное дитя погубит отца). *Ачаш хёр ача тавать, ачаш ывәл вәрә тавать* (Избалованная дочь родит в девках, избалованный сын пускается в воровство). *Ачаш хёр ывал суратать, ачи вәрә пулать* (От избалованной девушки родится избалованный сын, который становится вором).

Пуян арәм мән камаллә, уләшкипе ялан ятлаçать (Жена богатая гордится, с мужем часто бранится). *Пуян арәм иличчен сукрах арәм туянас* (Лучше жениться на бедной, чем на богатой. Русский аналог: «Лучше жениться на убогой, нежели с богатой всегда браниться»). *Хайне хай хыта тытайманән арәмөпе ачисем выçә пурәнаçсё* (Кто себя не умеет сдержать, тому жены и детей не про-

питать). *Усал арӑм селен евӑрлӗ* (Злая жена подобна змею). Русский эквивалент: «Злая жена – та же змея»).

«*Хӑр упрас суралнӑ, яш ача утланна*» (Невеста родится, а жених на коня садится). Эта пословица указывает на древний обычай «сажения на коня»: женить в возрасте семи лет на пожилой девушке из-за материального интереса.

Пословицы рекомендуют родителям учить детей с малолетства. «*Ача-пӑчана сак урлӑ выртна чух сӑп, сак тӑрӑх выртнӑ чух ан сӑп*» (Бей детей, пока поперек лавки, а не тогда, когда они лежат вдоль лавки. Русский эквивалент: «Учи сына, поколе поперек лавочки укладывался, а как во всю вытянулся – не научишь»).

Общее бесправие трудящихся особенно сильно сказалось на женщине, чем на мужчине. Отсюда и пословица: «*Кантӑр вӑрри тыра мар, чахӑ выльӑх мар, хӑрарӑм этем мар*» (Конопляное семя – не хлебное зерно, курица – не скотина, женщина – не человек).

О том же говорят и некоторые другие пословицы о женщине:

Качча кайиччен: «*качча каяс, качча кайсан*: «*атте патне каяс* (До брака: «выйти бы замуж», после брака: «вернуться бы к отцу»). *Качча каяс тенӗ хӑр качча каяман, вилес тенӗ карчӑк сӗр сула ситиччен вилеймен* (Девушка, которая хотела выйти замуж, не вышла; старуха, которая хотела умереть, до ста лет не умерла). *Арӑм сук — парӑм сук; хунӑм сук — хуйхам сук* (Нет жены – нет и долгов; нет тестя – нет и забот). *Арӑм пулни пурлӑх пухассин пусламашӗ* (Приобретение жены – начало стяжания).

Но чувашаи высоко ставили женщину в семье как мать, как воспитателя и как хозяйку дома. Это явление также отразилось в фольклоре, о чем говорят и некоторые вышеназванные пословицы. Вот еще одна пословица: «*Амӑшне пӑх та хӑрне ил*» (Разумная мать, бери дочь).

Воспитание детей и поведение человека является очень распространенной темой чувашской пословицы. Пожалуй, дидактические пословицы о воспитании самые многочисленные в сравнении с другими. Общие суждения чуваш на эту тему выражены в пословицах об уме человека:

Кайӑк хитре тӗкӗпе, этем ырӑ ӑсӗпе (Птицы красивы оперением, а человек хорош умом). *Асне пах та пӗвне пӑх* (Сначала испытай ум, а потом посмотри на стан). *Уксапа пуйиччен пуспа пуй* (Не деньгами будь богат, а умом). *Лайӑх сынна ӑсран пӗлесӗсӗ, сӑнран пӗлмесӗсӗ* (Хорошего человека узнают не по лицу, а по уму). *Ӑсла сынпа пӗрле пул, ухмахран тар* (Будь с умным человеком, а от дурака беги прочь). *Ӑсла сынпа суресен ӑсла пулӑн* (Водись с умным, будешь умным). *Ӑслӑ сыннан самах сук, умах сыннан сӑмах пӗтмест* (Умный человек не болтает попусту, а дурак не знает устали в болтовне). *Кус катарине курать, тӑн тата аякрине пӗлет* (Глаз видит далеко, но ум видит гораздо дальше).

Народ уважает и любит умных. «Этем ывăл-хĕрĕ ыра ħсĕпе хисеплĕ пулать» (Славу людям приносит ум). Поэтому необходимо всегда учиться. «Вĕреннĕ сын çавăтать, вĕренменни ун хыççан утать» (Ученый идет, неученный за ним бредет). «Ху вĕренсе çитмесĕр сынна вĕрентме ан тытăн» (Если сам недостаточно научился, не берись учить других). «Вĕреннине сĕклесе сурес сук, вăл çăкăр ыйтмать» (Учение не носить на спине, оно хлеба не просит). «Ĕслени сыншăн пулсан та, вĕренни хăвăншăн пулĕ» (Работа может быть для другого, но знания всегда будут для тебя).

Пословицы говорят о том, что воспитание детей – дело сложное. «Ача-пăча устересси вутра суннă пек» (Растить детей – гореть как в огне). Чтобы воспитание детей поставить правильно, родители должны узнать многое и многому научиться сами, ибо свойство родителей перенимается детьми.

Ашшĕ-амăшĕ ħслă пулсан ачи-пăчи ħслă пулать (Умны родители, будут умны и дети). Ашшĕ мĕн тунă, ывăлĕ те тума тăрăшать (Что делает отец, то же старается делать и сын). Усал ашшĕ-амăшĕ хыççан кайсан ачисене хурлăх (Дети станут несчастными, если последуют за дурными родителями). Пĕлмен ашшĕнчен ыйтсассăн ывăлĕ те нимĕн те пĕлеймест (Если сын спросит невежественного отца, то он ничего не узнает). Ачи-пăчине вĕрентейменнине хăйне вĕрентес пулать (Кто не умеет воспитывать своих детей, того надо самого воспитывать).

Молодежь, говорит чувашская пословица, должна не иметь общения с дурными людьми. «Ыра сынга сыпăçан – ħсна хушăн, усалпа – пĕтĕн» (Будешь водиться с хорошими людьми, ума прибавишь; свяжешься с дурными – себя погубишь). Дурные нравы легко передаются другим: «Мĕн çумĕнче сĕркеленетĕн, çав сан çумна сыпăçать» (Около чего трешься, то к тебе и пристанет).

Воспитание детей надо начинать с самых ранних лет.

Амăшĕ сĕчĕпе кĕменни ħне сĕчĕпе кĕрес сук (Не вошло с молоком матери, не войдет и с коровьим молоком). Хулă чухне авмасан патак пулсан аваймăн (Если не согнуть, когда прут, то не согнешь, когда станет палкой), Çамрăкла вĕренеймесен ватăлсан вĕренме хĕн вара (Надо учиться смолоду, в старости учиться трудно). Пĕчĕк пуçа чармасан мăнă пуçа чарма хĕн (Маленьким не воспитая послушного, взрослого не заставишь слушаться).

Результаты воспитательной работы начинают складываться уже на детях:

Пулас сын çамрăкранах паллă (Каким будет человек заметно уже смолоду). Вăра пуласси ачаранах паллă (Будущий вор замечен с детства). Лаша пуласси тихаран паллă, сын пуласси ачаран паллă (По жеребенку заметно, какова будет лошадь; по ребенку заметно, каков будет человек). Ыра ут пуласси тихаран паллă, ыра сын пу-

ласси ачаран палла (По жеребенку видно хорошую лошадь в будущем; по ребенку видно хорошего человека в будущем).

В воспитательной работе надо учитывать то, что у каждого человека уже с детства обнаруживаются свои особенности. *«Алăра пур пурне те пёр мар, çавăн пек çын асёсем те»* (Неодинаковы пальцы на руках, неодинаковы умы у людей). Поэтому нельзя все мерить на один аршин: *«Ачи май сăпки»* (По ребенку и зыбка); *«Каллапне кура çăпати, çыннине кура кёпи»* (По колодке лапти, по человеку рубашка).

Слово, убеждение, как воспитательная мера, лучше всяких принудительных мер воздействия. Вредно бить детей без всякого разбора. *«Çапсан – ытлашши пулĕ, çапмасан – хама пулĕ»* (Ударить – излишне, не ударить – самому попадет). Детей воспитывать нужно с любовью. Это будет полезно и родителям, и детям. *«Ашшĕ-амăшĕ юратнă ача лайăх çын пулнă, юрат-манни – эсрелĕ»* (Любимое родителями дитя будет хорошим человеком, а нелюбимое – негодяем). Но детей нельзя излишне хвалить и баловать: *«Ачаш ача ашшĕне йыварлах»* (Изнеженное дитя в тягость отцу); *«Ачине мухтасан ачи ыр курмасть»* (Хвалить дитя, не видеть ему добра).

Для воспитательных целей нужны хорошие взаимоотношения членов семьи. Дети без дружных родителей не смогут увидать хорошей жизни: *«Кил-йышĕ пёрле пулсан аш-чик лапка пулат»* (В семье согласие, на душе спокойствие); *«Кил-йышра пёр пек пураннине ним те çитмест»* (Нет ничего лучше, как единокровные братья). Это поучение невольно ассоциируется с древнеславянским: «Се что добро или что красно во еже жити братии вкупе», т.е. что может быть лучше и краше, как родным жить в мире и вместе.

Молодежь в своих отношениях к окружающим должна быть вежливой, аккуратной, честной, правдивой:

Ватта курсан çелёке ил (Увидишь старца, сними шляпу). *Ватă çынна хирĕç ан калаç* (Старцу не перечь). *Хăвăнтан пысаккине ан тĕкĕн* (Не тронь того, кто постарше тебя). *Уксах-суккартан ан кул: ёмĕр тем курмалла пулĕ* (Не смейся над слепым и хромым: самого тебя невесть что ожидает).

Калакан маннă, илтекен манман (Кто говорил забыл, а кто слышал – не забывает). *Лаша вĕçерĕнсен тытмалла, сăмах вĕçерĕнсен тытмалла мар* (Лошадь вырвалась – поймаешь, слово вырвалось – не поймаешь. Русский эквивалент: «Слово не воробей, вылетело, не поймаешь»). *Çакăра чăмпаса си, сăмаха шухăшласа калаç* (Хлеб ешь прожевывая, слово молви обдумывая). *Шухăшламасар туна ёçшĕн кайран ан укĕн* (Не раскаивайся в безрассудном поступке после времени. Русский аналог: «После смерти нет покаяния»). *Кирлĕ мар çĕре сăмсуна ан чик* (Не суй носа туда, куда тебя не просят).

Ирпе вӑрансан выран ҫинче йатанса ан вырт (Утром проснулся, не валяйся попусту в постели). *Ирпе иртерех тӑр, каҫпа каҫ вырт* (Вставай утром пораньше, вечером ложись скорее). *Ир тӑр та питне ҫу, питне ҫу та ҫӑкӑр тьт* (Утром встань, умойся, умойся и возьми хлеб). *Тухсан та, кӑрсен те алӑка хупса ҫуре* (Двери за собой затворяй и при выходе, и при входе).

Везде и во всех случаях надо быть честным и правдивым:

Лайӑх ят мултан та паха (Доброе имя дороже богатства). *Яланах ҫӑн пупле, сан пур ҫӑрте те ҫул уҫӑлса пырӑ* (Будешь говорить правду, тебе всюду будет открыта дорога). *Ҫӑн вилӑмрен хӑтарать теҫҫӑ* (Правда, говорят, спасает от смерти). *Мӑн каланине суя ан ту теҫҫӑ* (Пусть твое слово не будет ложным. Русский эквивалент: «Давши слово держись, а не давши – крепись»).

Ятлакан патне кай, илӑртекен патне ан кай (Лучше иди к тому, кто грубоват, чем к тому, кто лъстив). *Куҫ умӑнче ан мухта, кут хыҫӑнче ан хурла* (Не хвали в глаза, не порицай за глаза). *Элек парса ҫуриччен ыр туса ҫуре* (Лучше делать добро, чем ходить и клеветать). *Пӑрре улталан, иккӑ те улталан, виҫҫӑмӑшӑнче ларса йӑрӑн* (Обманешь раз, обманешь и два, в третий раз поплачешь). *Суяпа инҫе каяймӑн* (С кривдой далеко не уйдешь). *Ҫынна улталап тесе ан шухашла, хӑвна улталани анчах пулать* (Не думай, что обманываешь другого, ты обманываешь только себя). *Ӕҫне пӑл, туррине ан ман теҫҫӑ* (Говорится: дело знай, правды не забывай).

Ӕҫне тумасӑр ан мухтан (Не хвались, пока не выполнена работа). *Хӑвна ан мухта, сана ҫынсем мухтаччӑр* (Пусть тебя хвалят другие, но сам не хвались). *Ылтисене айӑпличчен хӑвна тӑрӑххӑн пахса ил* (Проверь себя, прежде чем судить о других). *Эпӑ ыра, ҫын усал темелли ҫук, тен, хамӑр унтан та усал* (Не надо говорить: я хорош, а другой дурной, может быть, мы хуже его).

Ҫын мӑшкӑлӑ ан пул, ҫынна машкал ан ту (Не насмехайся над другими; не будь и сам посмешищем людей). *Ҫилӑ кирек каман та пур, ӧна виҫеллӑ тытас пулать* (Гнев есть у каждого; его нужно сдерживать). *Чӑххӑн та ҫилли пур, ҫапах та нимӑн те тӑваймасть* (Гнев есть и у курицы, а поделатъ ничего не может).

Пословицы призывали молодежь воспитывать в себе гуманное отношение к людям, ибо оно создает людское благополучие.

Этем евӑрлӑ ҫынна ҫын манас ҫук (Не забывают человека, который человекен). *Ху камӑлу юлсан таҫдын камалӑ тупӑнтӑр* (Себя обидь, но другого уважь). *Ҫыншӑн та, хушан та макар* (Плачься и за себя, и за других). *Камӑллӑ ҫыншӑн ҫын чирӑ те ҫӑре патне пырать* (Хороший человек болеет душой и за болезнь другого). *Инкек курман ҫын ҫынна хӑрхенме пӑлмест* (Нет сочувствия в беде у того, кто сам не испытал беды).

«*Выҫса килекене тӑрантарса яма каланӑ*» (Голодного велено накормить). Это требование у чуваш строго выполнялось в древние

времена. Если из дому выходили все, на столе оставляли хлеб и другие съедобные вещества, путник мог зайти в жилище, поесть, попить и уходить с миром. «Шанса килекене ашӑтса яр, выҫса килекене тӑрантарса яр» (Кто замерз и пришел к тебе, отогрей; голодного отпусти накормивши). «Юрӑ сын юлашки чӑххине пусса панӑ» (Бедняк заколол (для голодного путника) последнюю курицу).

Сознательность, благоразумие, осмотрительность всегда должны сопутствовать хорошему человеку: «Ырӑ сын вилет, унӑн ёҫе пурӑнать» (Хороший человек умирает, а дело его живет); «Усала ырлакан – усал тӑвакан» (Тот, кто попускает злу, сам творит зло); «Усала тусекен – усал усекен» (Кто терпит зло, растит зло).

Чувашские пословицы воспитывали молодежь в духе коллективизма, дружбы, спаянности, любви к труду и сплоченности трудящихся:

Пӑр сын тунине сӑр сын тытать (Сделал один человек, а пользуется сто человек). Саккӑрӑн авӑн сӑлма, сиччӑн сӑме, иккӑн кӑрешме, пӑччен шухӑшлама лайӑх (Восьмером хорошо молотить, семером – обедать, вдвоем – бороться, а одному — думать). Пӑр ас аван, сиччӑ тата аванарах (Один ум хорош, а семь еще лучше). Вӑлле хурчӑ пӑччен пыл нумай тӑваймӑ (Одна пчела не принесет много меду). Харах алапа тӑвӑ те салтаймастӑн (Одной рукой и узла не развяжешь).

Килӑштерсе пурӑнни чул хумерен сирӑпрех (Согласие между людьми прочнее каменной стены). Пур пӑрле, сук сурмалла (Достатки вместе, бедность пополам).

Вут хумасӑр сӑкӑр пиҫмест, ёҫлесе пиҫмесӑр сурт-йӑр пулмаст (Хлеба не испечешь, не истопив печи; не приобретешь хозяйства без привычки к труду). Ахаль ларсан алсӑр-урасӑр сынпа пӑрех (Сидеть без дела то же, что быть без рук и ног). Алӑ-ура пур синче ахаль ларни килӑшмест (Не годится сидеть без дела, когда целы руки и ноги).

Ёҫ тӑрантарать, кахал пасать (Лень портит, труд кормит). Кахал пур инкӑкӑн амӑшӑ (Лень – мать всех несчастий и пороков). Вӑлт-валт утакан тавра кайсан та су хыпӑнӑ, ленк-ленк утакан турӑ кайсан та йӑкел юман синчен укнине курӑнӑ, сӑпах ӑна тупайман теҫсӑ (Кто шагает бодро, идя и окольными путями, отведаёт масла, а кто шагает вяло, идя прямыми путями, видит, как с дуба падает желудь, все-таки не найдет).

Пусра пулӑнӑ ёмӑте ёҫе кӑртсе пыр (Проводи на деле, что надумал в голове). Паян тумалли ёҫе ырана ан хӑвар (Не оставляй на завтра то, что можно делать сегодня).

Нумай сываракан ыйхинчен киленӑ тет, ир тӑракан ёҫӑнчен киленӑ тет (Нашел удовольствие во сне тот, кто спал долго; нашел удовольствие в работе тот, кто встал рано).

Ватасси лайах та, тавасси хён (Легко разрушать, трудно создавать).

Пословицам о труде близки по содержанию пословицы, выражающие хозяйственные воззрения чувашских трудящихся прошлого:

Хура халӑхӑн хура тӑпра ҫине урине чикмесен хырӑмӗ нумаях тӑранаймасть (Если земледелец не касался ногами своих полей, желудок его не сможет быть сытым). *Хура ҫӑкӑр ҫиекен ниҫта та хур пулман, шурӑ ҫӑкӑр ҫиекен нихҫан та ыр пулман* (Кто ест черный хлеб, горя не испытывает; кто ест белый хлеб, никогда не испытывает благодущия). *Йытӑ шӑмӑ кышлать, чухӑн хӑй нушине кышлать* (Собака гложет кость, а бедняк свою нужду). *Пурри пурҫӑн тӑханать, ҫукки ҫурхах тӑхӑнать* (Зажиточный одевается в шелк, а бедняк в лохмотья). *Нушине пытаракан – пӗлнӗ, мулне пытаракан – вилнӗ* (Кто скрывает свою нужду, тот знал, а кто прячет богатство – умер). *Кӗту кӗтсе илнӗ укҫа кӗту чӑпӑрkipпех шартлатса лӗтет* (Деньги, заработанные пастухом, исчезают при щелканье пастушьей плети). *Пуян ҫакӑрне хырӑмпа тултса пӗтереймӗн* (Хлеб богача не прикончишь одним желудком). *Пуян ҫынӑн ачипӑчи ҫураличченех ҫитӗннӗ* (Дети богача выросли до рождения). *Укҫа нумай пулсан арман тыт, ыраш нумай пулсан сысна усра* (Денег много, держи мельницу; ржи много, держи свиней). *Арманӑн ҫуначӗ кашни ҫавӑрмассерен пӗр чӗлӗ ҫӑкӑр антарать* (Крыло мельницы при каждом повороте приносит один ломоть хлеба).

Ҫур ырхан та, кӗр мӑнтӑр (Весна худая, осень – тучная). *Ҫулталӑк ӗслени тӑрантармасть, виҫ кун ӗслени тӑрантарать* (Годовая работа не кормит; трехдневная работа кормит). *Хӗлӗн хырӑмӗ пысӑк* (У зимы желудок велик). *Ҫупла ҫуна хатӗрлӗ, хӗлле – урапа* (Готовь летом сани, а зимой телегу). *Ҫӗнӗ пурта аври лартсан та, киввине ывӑтса ан яр* (Поставишь новое топориче в топор, прежнего топорича не выбрасывай). *Кирлӗ мар катӑк пуртӑ та ӗмӗрте кирлӗ пулӑ* (И бросовый с зазубринами топор в жизни может пригодиться). *Хуман япалана ан шыра* (Не ищи того, чего не клал). *Хума инҫе хурсассӑн, илме ҫывӑх* (Положить подальше, ближе возьмешь).

Катара ӗслени – хён-хурлӑх (Работа на стороне – горе и печаль). *Катара ӗслекеншӗн пӗриншӗн телей, теприншӗн хурлӑх* (Кто работает на стороне, один находит счастье, другой – горе). *Ху пайна пӑрахса ҫын пайӗ хыҫҫӑн ан чуп* (Бросивши свою долю, не гонись за чужой).

Камшӑн ӗслетӗн, униӑн ташлатӑн (Для кого работаешь, для того и пляшешь). *Хуҫана юрасшӑн тарҫи ҫын вӗлERNӗ* (Чтобы угождать хозяину, работник убил человека).

Хана килсех тӑтӑр, кӗҫҫи сарсах тӑтӑр (Пусть гости идут один за другим; пусть войлоки стелются один за другим).

Пословицы уделяют внимание и денежному имуществу:

Укҫа чул касать (Деньги рубят камень). *Укҫа пуҫа ҫиет* (Деньги губят человека). *Укҫапа пуйиччен туспа пуй* (Не богатеи деньгами, а богатеи друзьями). *Укҫа пытарсан вилсен укҫа ҫуттипе пурӑнмалла теҫҫӗ* (Если спрятать деньги, то по смерти будешь жить светом этих денег). *ҫук ҫын укҫи тӑрна пек кӑшкӑрать* (Деньги бедняка журавлем кричат). *Укҫанӑн куҫӗ сук, салатаканӑн пуҫӗ сук* (У денег нет глаза, а у транжиры нет головы). *Чул хулара укҫа салатакан усал пур тет* (Говорят: в Нижнем Новгороде водится сатана растраты денег). *Укҫа илнӗ чухне пуҫҫапать, укҫа илсен мӑнкӑмӑлланса ларать* (Когда берет деньги, кланяется, а когда возьмет, чванится). *Кивҫен илме ҫӑмӑл, тавӑрма йывӑр* (Брат в долг легко, платить тяжело. Русский аналог: «Легче брать, чем отдавать»).

Интересны медицинские наблюдения чуваш, получившие отражение в некоторых их пословицах:

Чирлекен пурте вилмест (Не все больные умирают). *Чирлӗ – мӑнтӑр, усӗр – мӗскӗн* (Больной – толст, пьяница – жалок). *Чир килет пӑтпа, тухать сулатникпе* (Болезнь приходит пудами, а выходит золотниками). *Чире ерес мар тетӗн пулсан хӑвна ху лайӑх усра* (Если не хочешь болеть, береги свое здоровье). *Ыратмасӑр ҫӑпан тухмасть* (Без боли и чирей не выскочит). *Шӑл сурса ыратать, ҫӑпан кӗҫӗтсе ыратать* (Зубы при боли ноют, а чирей – чешется). *Сывӑ ҫынӑн чӗри те, упки те лайӑх ӗҫлет* (У здорового человека и сердце, и легкие работают хорошо).

Чувашская пословица богата житейской мудростью. В ней отобразились различные стороны народной жизни и советы умудренных опытом жизни стариков – по любому поводу практической деятельности:

Каскаламасӑр турпас тухмасть, калаҫмасӑр сӑмах тухмасть (Не будет щепок, если не будешь плотничать; не будет слов, если не станешь говорить). *Калас чӗлхе ан пултӑр, утас утам ан пултӑр* (Пусть не будет больше никаких разговоров; пусть не останется ни одного шага, который надо было бы шагнуть). *Кайри мала теҫҫӗ* (Последний да будет первым). *Вӑхӑт иртсен хӑмла ҫырлине ан кай* (Не ходи за малиной после времени). *Вайӑнтан ытлашшине ан ҫӗкле* (Не поднимай сверх силы). *Ху намӑса кӗрсесӗн ҫынна намӑса кӗртесшӗн ан пул* (Себя осрамил, других не срами). *Ҫынтан кулас тесесӗн хавна хурлӑх тупатӑн* (Беду наживешь, если вздумаешь посмеяться над другим). *Хупах енне ҫаврансан ким яракан хуҫа та саланать* (Повадился в кабак, разорился и хозяин, у которого ходили баржи).

«Незначительные советы, выработанные самим народом на протяжении веков, в большинстве своем сохраняют актуальность и ценность до сих пор. Значение их в воспитании, особенно детей, молодежи огромно, и это не подлежит сомнению», – подчеркивает

академик Г.Н. Волков. Сказки, предания, пословицы, поговорки, загадки и другие формы народной словесности, которые благодаря неутомимому труду Н.В. Никольского дошли до нас – это выдающиеся памятники народной педагогики, в них – философия и педагогическая мудрость народа, накопленная тысячелетиями. Собранными фольклорными материалами и своими трудами Н.В. Никольский доказывает, что памятники народной педагогики со своей очевидностью и убедительностью показывают великую роль народных масс в развитии педагогической мысли. По произведениям устного народного творчества можно судить о древней педагогической культуре народа. Как мы убедились, народ является автором многих педагогических принципов, систем и теорий.

Фонд Н.В. Никольского – богатейший источник для изучения просвещения народов России и развития этнопедагогики

Рукописный фонд профессора Н.В. Никольского хорошо известен ученым, его знает широкая научная общественность не только нашей страны. Рукописный фонд Н.В. Никольского, хранящийся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, содержит, по подсчетам исследователя Е.С. Сидоровой, 260 объемистых (214–1946, 238–1957 г.) томов. Они, безусловно, вот уже в течение полувека составляют основное богатство Научного архива. Собрание Н.В. Никольского получило исключительно высокую оценку выдающегося ученого-фольклориста Антти Арне (1914 г.). Профессор эстонского и сравнительного фольклора Вальтер Андерсон, до революции работавший в Казанском университете в 1925 году писал: «Собрание Н.В. Никольского представляет собой ни больше, ни меньше, как благоустроенный научный архив, содержащий огромные массы ценнейших научных материалов». По утверждению В.Н. Андерсона, которого Н.В. Никольский считал своим учителем, «подобных фольклорных архивов (заметьте, речь идет здесь только о фольклорных материалах фонда) на земном шаре имеется очень немного – ни в коем случае не более трех десятков; некоторые из них основаны не отдельными лицами и притом с затратой больших денежных сумм. Таковы, например, архив финского Литературного общества в Гельсингфорсе и архив немецких народных песен во Фрейбурге. Другие архивы созданы отдельными учеными, сумевшими для этого завербовать и инструктировать широкий круг ревностных и бесплатных сотрудников – таких же энтузиастов. Как они сами». К числу таких организаторов Вальтер Андерсон причисляет доктора Гурта и профессора Эйзена в Эстонии, Грундвига и Кристенсена в Дании, Вессидле и Виссера в Германии.

Именно такого типа организатором, — пишет В.Андерсон, — создавшим неограниченную научную сокровищницу из ничего, и был Николай Васильевич Никольский.

Богато и многообразно содержание фонда Н.В. Никольского. В нем представлены материалы исторические, этнографические, фольклорные, языковедческие, литературные и многое другое. И все они неразрывно связаны с процессом укрепления самосознания народа, с процессом просвещения и с возникновением и развитием народной педагогики.

Из 260 томов рукописного собрания Н.В. Никольского 125 томов содержат в себе материалы по истории народов Поволжья. В них исследователь-историк найдет немало сведений об участии чувашского народа в крестьянских восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, о происхождении населенных пунктов, о динамике населения и о социально-экономическом положении чувашей в разные периоды истории, начиная с древнейших времен до 30-х гг. XX века.

Исторические сведения профессором Никольским извлечены из разных архивов и древнейших редкостных публикаций. Документы из различных архивов России, имеющие особую ценность для истории чувашского народа, скопированы собирателем полностью, а в остальных случаях выписано краткое их содержание. Немало в фонде и подлинных документов, доставленных самим Никольским из частных архивов и предоставленных ему собирателями-корреспондентами с мест. Некоторую часть материалов фонда составляют выписки сведений о чувашах из опубликованных книг и журналов. Так, 43-й том под названием «Известия иностранцев и путешественников по России о чувашском народе с древнейших времен по XIX в. включительно» был подготовлен Н.В. Никольским для отдельного выпуска исключительно из выдержек из разных источников, русских и заграничных изданий — с переводом с немецкого, французского, английского, итальянского, голландского, шведского, польского, греческого, армянского, еврейского, арабского языков (всего 61 название). К каждой работе предпосланы сведения об авторе книги, из которой взято данное извлечение. Этот том получил положительный отзыв академика Б.Д. Грекова («Нахожу эту книгу полезной и заслуживающей издания»). Отталкиваясь от него, исследователи приходят к оригиналам. Так, 43-й том явился своеобразным путеводителем для историков Чувашии в большую историческую науку.

О кропотливой работе Н.В. Никольского над архивными материалами и об умелом их использовании в своих научных трудах убедительно писал в свое время профессор Казанского университета Н.Н.Фирсов. «Н.В. Никольский, — писал он, — на свои скудные средства, без всякой помощи извне, разъезжает по городам, селам

и деревням в поисках за сырым историко-этнографическим материалом; целыми месяцами живет в столичных городах, извлекая необходимый для его исследования материал». Далее он пишет, что «в ряде изданных им работ Н.В. Никольский действительно оперирует, главным образом, на сырых этнографических и археологических материалах». Здесь же автор отзыва приводит высказывания видных ученых, профессоров Н.Ф. Катанова, И.М. Покровского по поводу магистерской диссертации Н.В. Никольского «Христианство среди чуваш в XVI–XVIII вв.» В отзыве Н. Фирсова говорится, что «к решению вопроса автор подошел во всеоружии литературной подготовки и архивных разысканий, как на месте, так и вне Казани и Казанской губернии. Сам лично он владеет большой коллекцией документов: архивными ссылками и цитатами у него испещрены все, можно сказать, страницы исследований, а часть архивных находок нашли свое место в приложениях. Рукописный материал, которым автор располагает, так велик, что порой оттесняет и печатную литературу...»

Рукописный фонд проф. Н.В. Никольского, не менее чем историческими документами, богат этнографическими материалами, которые полностью или частично занимают 127 томов. Они собраны среди чувашского населения в пределах нынешней Чувашии, Татарстана, Башкортостана и в областях Ульяновской, Самарской, частично Оренбургской и Саратовской. В них имеются описания экономического и семейного быта чувашей, сельскохозяйственных орудий, жилищ, построек; приводятся планы населенных пунктов с названиями урочищ, чертежи и рисунки предметов домашнего обихода, описания костюмов, украшений, пищи и напитков чувашей. В значительном объеме представлен и топонимический материал.

Этнографические записи содержат богатейший материал по духовной культуре чувашей прошлого века. Здесь имеются описания разных обычаев и обрядов, праздников и увеселений, детских игр, широко освещены материалы по обычному праву и семейно-родственным отношениям.

Для сбора такого всестороннего этнографического материала собирателю потребовалось немало усилий и времени и, безусловно, ему помогали методически правильно разработанные программы. Первую программу для собирания сведений о чувашах Н.В. Никольский опубликовал в «Известиях по Казанской епархии» за 1904 год. С некоторыми изменениями и дополнениями она увидела свет неоднократно и рассылалась каждый раз на места, либо раздавалась учащимся Миссионерских курсов, духовной семинарии и ученицам женской семинарии перед летними каникулами.

Большую научную ценность представляют записи местных корреспондентов, откликнувшихся на разосланную Н.В. Никольским программу. Они ценны сегодня главным образом тем, что являются

первичным, непосредственным отображением народных обычаев и обрядов тех мест, откуда были сами корреспонденты. Многие факты и сведения из быта чувашского крестьянства, зафиксированные в этих корреспонденциях, могли бы послужить теперь первоисточниками для объяснения тех или иных ставших канонами явлений материальной и духовной культуры.

В связи с обстоятельствами, сложившимися в 1930-е гг., лишь незначительная часть огромнейшего количества фактического материала, собранного Н.В. Никольским через корреспондентов-энтузиастов, использована им в его этнографических трудах («Конспект по этнографии чуваш», Казань, 1911, 1919; «Краткий курс этнографии чуваш», Чебоксары, 1929; «Народная медицина у народов Поволжья», М., 1915; «Народная медицина у чуваш», Чебоксары, 1929 и др.). Ради справедливости следует отметить, что только в конце 1980-х гг. стало возможно открыто говорить и писать о притеснениях Н.В. Никольского, о создании нетворческой обстановки вокруг первого чувашского профессионального ученого-этнографа.

В 82-х томах фонда Н.В. Никольского расположены фольклорные материалы, собранные ученым так же, как и этнографические, по специально составленной программе. Первые записи произведений устного народного творчества чувашей, вошедшие в данный фонд, относятся к 1900 году. С тех пор Н.В. Никольский систематически занимался сбором и обработкой произведений всех жанров фольклора.

Неоценимый вклад в фонде Никольского представляют тексты чувашских народных песен. Количественно это богатство можно определить в порядке 15000 куплетов (четверостиший). Около 200 песен записано с цифровыми нотами, которые являются для изучающих историю чувашской народной музыки ценнейшим первоисточником.

В собрании песен имеются все виды календарно-обрядовой и календарно-бытовой поэзии. Многие из календарно-обрядовых песен даны вместе с описанием обрядов, что очень важно при изучении функций обрядовой поэзии.

Во многих томах рукописного фонда ученого можно найти материалы о чувашской народной музыке, о музыкальных инструментах. Лишь небольшая часть записей песен использована самим Н.В. Никольским в трудах по этнографии и в работе «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья» (Казань, 1920). В 1920-х годах несколько песен музыкально обработал чувашский композитор Ф.П. Павлов.

Уникален по своему сюжетному составу сказочный фонд Н.В. Никольского, в котором, по исчислению самого собирателя, насчитывается до 1000 сказок. В научном значении этого собрания достаточно убеждает, на наш взгляд, тот факт, что один из видных пред-

ставителей историко-географической школы в фольклористике (известной в литературе под названием «финской школы») вышеупомянутый профессор В. Андерсон, работавший в одно время приват-доцентом Казанского университета, узнав о существовании этого фонда, сразу же решил «открыть доступ себе и другим фольклористам» к такому уникальному сказочному своду. Он нанял переводчика из семинаристов за свой счет, что обошлось ему в 115 рублей золотом (для приват-доцента тогда была очень заметная сумма), и просидел с ним сам, переписывая эти сказки, 172 рабочих часа! Это – лучшее доказательство той научной ценности сказочного свода, который имеет фонд Н.В. Никольского.

Благодаря В. Андерсону чувашские сказки стали достоянием фольклористов зарубежных стран. О них писали итальянский журнал «Zages» (1914), немецкие журналы «Philologus» № 73 (1914), «Kommunikations» № 14 (1914). К великому сожалению, с этим богатым собранием чувашских сказок профессору Андерсону пришлось расстаться навсегда – оно сгорело в гавани Кенигсберга в 1945 году. Об этом поведал доктор филологических наук, проф. Исидор Реневич Левин из Ленинграда еще в 1978 г. Рукописи были забиты в большой деревянный ящик – багаж для отправки в США, но попали под бомбежку. К счастью, оригиналы всех этих сказок представлены Никольским в архив Чувашского научно-исследовательского института (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук), хранятся они там по сей день.

В фольклорных записях фонда Никольского исследователь найдет множество мифов, легенд и исторических преданий. Особенно ценны предания о Е. Пугачеве и С. Разине, легенды об Улыпe, о происхождении названий селений и местностей. Они широко использованы в шеститомнике «Собрания произведений чувашского фольклора» (1973–1987 гг.) и явились основой для двухтомника «Мифы и легенды», составленного в последнее время.

В фонде Никольского имеется сборник чувашских народных пословиц и поговорок из фольклорных записей, присланных ему собирателями-корреспондентами, но разбросанных по разным томам фонда. Их насчитывается до 3000. Кроме оригинальных пословиц, сборник этот содержит перевод их на русский язык и некоторое параллельное сравнение с идентичными пословицами других народов: русскими, французскими, болгарскими, марийскими, китайскими, арабскими, афганскими, узбекскими, иранскими и др. Сборник почти готов к публикации, но по непонятным причинам он пролежал до сих пор неизданным.

Рукописный фонд располагает лингвистическими и литературными памятниками чувашского народа дореволюционного периода. Имеются рукописные списки баллад М.Ф. Федорова «Арсури», Я.В. Турхана «Варуҫси», оригинал рукописи Г.Т. Тимофеева «Тахӑрӑял»,

некоторые произведения Г.А. Коренькова, Т.К. Кириллова, Н.И. Полоруссова-Шелеби, Н.В. Васильева-Шубоссинни, С.С. Сорокина (Тваньял Сергея), И.Е. Ефимова-Тхти, И.Н. Юркина и других, с чьими именами связана наша дореволюционная литература. В развитии чувашской литературы немалую роль сыграли и переводы произведений русских классиков. Здесь находим стихи и поэмы А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского в переводе на чувашский язык.

В записях 1920-х годов недавно найдены фольклорные и этнографические записи 14-летнего Петра Казанкова, ученика 2-й группы Сихтерминской школы II ступени, выросшего в последующем в народного поэта Чувашии с мировым именем.

По разным томам разбросаны материалы о И.Я. Яковлеве, Н.М. Охотникове, Н.Ф. Катанове, В.К. Магничком, П.В. Пазухине и других, письма известных деятелей литературы и науки, адресованные Н.В. Никольскому. Многие из материалов по литературе в свое время были изучены проф. М.Я. Сироткиным и использованы в «Очерках» и «Хрестоматии дореволюционной чувашской литературы», в последние годы Г. Юмартом и А. Васильевым собраны литературные памятники.

Сбором исторических, этнографических и фольклорных материалов о чувашах и других народах Поволжья Н.В. Никольский стал заниматься с начала обучения в Казанской духовной академии. Получая материалы от корреспондентов, своих учащихся, студентов и других информаторов с 1904 по 1931 гг. и выезжая на места, работая в архивах и библиотеках, он создал богатейшее собрание источников, состоящее из 271 тома формата в 4-ю и 8-ю долю листа, по 200–300 листов в каждом томе. Как было отмечено, 260 томов из этого собрания ныне хранится в НА ЧГИГН, кроме этого, 5 томов хранятся в НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, 5 томов – в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия, 1 том – в Институте языка, литературы и истории Академии наук Республики Татарстан.

Сам Никольский успел использовать в исследованиях лишь часть своего архива. На его основе учеными написано немало трудов, издано несколько фольклорных сборников. Однако пока вовлечена в научный оборот сравнительно небольшая доля собрания.

Тома рукописного фонда Н.В. Никольского составлялись по мере накопления материала. Поэтому почти все они смешанного содержания: исторического, этнографического, фольклорного, языковедческого, сельскохозяйственного, медицинского и т.д. характера. К большинству томов в начале имеются предметные указатели.

Большая часть томов в переплетах, незначительная часть в папках и бумажных обложках.

Тома были переданы Н.В. Никольским в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики в июне, сентябре, ноябре 1944 г. и в ноябре 1945 г. (См.: НА ЧГИГН. Отд. 1. Т. 489. Л. 15–18).

Рукописный фонд Н.В. Никольского распределены на 13 разделов: I. Археология. II. История. III. Этнография. IV. Статистика. V. Фольклор. Литературные произведения. VI. Чувашские и другие языки. VII. О переводах книг на иностранные языки, об их издании и продаже. VIII. Казанская губернская земская управа. Отдел народного образования. IX. Материалы к биографии Н.В. Никольского. X. Письма. XI. Разное. XII. Географический указатель. XIII. Именной указатель.

I раздел – Археология – содержит материалы о древних памятниках, курганах, ямах, кладях в Чувашии.

II раздел – История. В 1899 г. Н.В. Никольский поступил на учебу в Казанскую духовную академию. Для написания кандидатского сочинения «Христианство среди чуваш» он в 1901 г. собирал материал в архивах Нижнего Новгорода, в 1902 г. – Петербурга. В ходе работы над магистерской диссертацией «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв.: «Исторический очерк» Н.В. Никольский много времени проводил в архивах. До 1911 г. он собирал данные по истории просвещения, культуры и христианизации чувашей и других народов Поволжья с XVI по XVIII вв. в фондах Сената, Синода, Канцелярии обер-прокурора Синода, канцеляриях губернских правлений, духовных консисторий, учебных заведений и местных органов управления; с 1912 по 1916 гг. – по истории первой половины XIX в. – в тех же фондах, а также в фондах Государственного совета, Комитета министров, министерств народного просвещения, юстиции, финансов, уделов, Управления земледелия и землеустройства, Исторического музея, Оружейной палаты в Петербурге (Петрограде), Москве, Нижнем Новгороде, Симбирске, Уфе и других городах, сделав тысячи листов копий и выписок своей рукой и с помощью добровольных и нанятых помощников. Раздел делится на части:

История чувашского народа; Народы Поволжья и других регионов России.

I часть – История чувашского народа – состоит из 4 подразделов:

История чувашского народа; Народное образование; Учебные заведения и научные общества; Войны.

В истории чувашского народа выделены следующие этапы (с подачей соответствующего материала):

1. *Этногенез и этническая история чувашского народа.* В этногенезе чувашей Н.В. Никольский исходит из теории их болгарского происхождения. В материалах подраздела прослежено продви-

жение тюркоязычных предков чувашей из Азии на Северный Кавказ, оттуда – в Волго-Камье; дана характеристика физического типа и психологических качеств чувашей.

2. *Народы Северного Поволжья в составе Волжской Болгарии.* Здесь имеются свидетельства исторические и археологические о древних болгарях, карта Волжской Болгарии, бытовые памятники Волжской Болгарии, историко-этнографическое исследование Т.А. Земляницкого «Болгаро-чувашский народ».

3. *Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды и Казанского ханства.* Материала мало: всего два названия,

4. *Вхождение чувашей в Московское царство. Чуваша в XVI-XVII вв.* Копии архивных материалов и выписки из материалов по истории мари и чувашей XVI–XVIII вв.

5. *Чуваша и народы Поволжья в XVIII в.* Исследование «Экономический быт народностей Поволжья XVIII в. по крестьянским наказам в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года». Выписки из архивных дел о массовом крещении чувашей в 1740–1800 гг. Копии архивных документов об участии народов Среднего Поволжья в крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева.

6. *Чуваша в XIX в.* Материалы о «Акрамовской войне» 1842 г. Много извлечений из архива братства св. Гурия в Казани: о пении молитв и песен в церкви на чувашском языке, о язычниках, об открытии школ, о религиозно-нравственном состоянии чувашей, о переводе богослужебных книг на чувашский язык и т.д.

7. *Чуваша в начале XX в.* Реакция крестьян на манифест Николая II, высказывания о Николае II, об убийстве Распутина. О Государственной Думе и об Учредительном собрании. Устав союза мелких народностей Поволжья. Чувашская интеллигенция. Устав кружка. Статья о съезде Чувашского национального общества в Симбирске 20–28 июня 1917 г. Два документа Уфимского ЧНО. Чувашский театр.

Раздел «Народное образование» состоит из следующих подразделов:

1. *Школьное просвещение чувашей в первой половине XIX в.* О состоянии школ до 1830 г. Ведомости о состоянии народных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в. Выписки из архива канцелярии попечителя Казанского учебного округа по вопросам народного образования инородцев. Дело об открытии приходских училищ в 1842–1844 гг.

2. *Школьное образование чувашей в 1861–1917 гг.* Н.В. Никольский был убежденным сторонником системы Н.И. Ильминского по просвещению инородцев. Он считал, что школьное просвещение чувашей успешно стало развиваться лишь с допущением родного языка в церковную проповедь и начальную школу, с распространением книг на живом, разговорном чувашском языке.

Подраздел делится на следующие параграфы:

§ 1. *О роли чувашского языка в начальной школе.* Здесь имеется: большое количество работ в защиту системы инородческого просвещения Н.И. Ильминского, как, например, доклад священника Д.Ф. Филимонова члену Государственной Думы И.С. Ключеву от 17 декабря 1909 г. и статья учителя Симбирской школы В.Н. Орлова «Родной язык и его значение в деле инородческого образования» от 21 февраля 1908 г. Положение о начальных училищах 1864 г. Правила для постройки школьных зданий в Казанской губернии. Справки о количестве школ в некоторых уездах в 1911 г. Копия докладной записки И.Я. Яковлева в Симбирский губернский училищный совет от 4 декабря 1913 г. о необходимости начать занятия в чувашских школах с чувашского языка, а не с русского.

§ 2. *Воспитание.* Статьи на чувашском языке о воспитании детей. Конспект книги «Физическое воспитание детей у разных народов России. О краткосрочных курсах по дошкольному воспитанию при Казанских высших женских курсах.

§ 3. *Планы уроков и методика преподавания.* Здесь собраны: Методика преподавания истории в школе. Методика ко всем предметам школы миссионерских курсов. Планы уроков. Конспект по методике преподавания русского языка В.Н. Орлова, учителя Симбирской чувашской школы.

§ 4. *Учителя.* Программы для испытания на звание учителя начального инородческого училища. Образовательный ценз и оклады учителей. Автобиографии учителей. Ряд документов об учителе В.Н. Орлове.

§ 5. *Ученики и наглядные пособия.* Букварь для чуваш. изданный в Казани в 1872 г. Наглядные пособия по истории. Учебники на татарском языке для начальной школы.

§ 6. *Ученики и их тетради.* Автобиографии учащихся Ишаковской школы братства св. Гурия выпуска 1916 г. Тетради учащихся Аликковского училища и др. школ. Ведомость об учениках Янгильдинской школы Козьмодемьянского уезда за 1 половину 1864 г.

Раздел «Учебные заведения и научные общества». В советское время Н.В. Никольский вел педагогическую работу преимущественно в высшей школе. С января 1919 г. по май 1922 г. он являлся профессором Казанского университета. С 1918/19 учебного года Никольский здесь читал курсы "История просвещения народностей Поволжья" и "История и этнография народностей Поволжья". 1 декабря 1918 г. совет Казанского педагогического института избрал Н.В. Никольского преподавателем, и он по 1922 г. читает здесь курс "Этнография народностей Поволжья". Советом Казанского северо-восточного археологического и этнографического института 19 января 1919 г. Н.В. Никольский был избран членом совета и преподавателем истории просвещения народов Северо-Восточной России.

Совет института 28 ноября 1919 г. единогласно присвоил ему звание профессора института. 3 июля 1920 г. он был назначен деканом этнографического отделения. 15 декабря 1920 г. институт был Реорганизован в Восточную академию. Никольский здесь работал вплоть до осени 1922 г., пока академия не была включена в состав Восточного педагогического института.

С 1 декабря 1919 г. Н.В. Никольский начал работать преподавателем истории музыки Центральной восточной музыкальной школы в Казани, основанной в сентябре 1919 г. в соответствии с решением собрания представителей мелких народностей Поволжья и Приуралья от 22 июня 1919 г. об открытии в Казани консерватории народов Поволжья и Приуралья. Н.В. Никольский незамедлительно поставил вопрос об открытии в школе этнографического отдела, и он был создан 7 декабря 1919 г. Кроме музыкальных дисциплин, в нем преподавались языки, этнография и история татарского, чувашского и марийского народов. Сам Никольский, кроме истории народной музыки, читал курсы истории народов Поволжья и народной поэзии чувашей (всего 8 часов в неделю). В ноябре 1920 г. школа была преобразована в Казанскую центральную восточную высшую музыкальную школу. Здесь Никольский избирается профессором, председателем художественного совета и председателем научной музыкально-этнографической ассоциации. 23 июля 1921 г. Совнарком Татарской АССР преобразовал эту высшую музыкальную школу в Восточную консерваторию. 27 ноября 1921 г. Н.В. Никольский был назначен директором консерватории. В 1920–1921 гг. им была проведена здесь большая научно-организаторская работа, налажено исследование музыкальной этнографии народов Поволжья, развернута научная работа преподавателей. Сам Никольский написал и опубликовал книгу по истории народной музыки у народностей Поволжья. В феврале 1922 г., из-за недостатка средств, Наркомпрос РСФСР принял решение о преобразовании консерватории в музыкальный техникум. В апреле 1922 г. преобразование консерватории в техникум было завершено. Никольский в техникуме не работал.

В сентябре 1920 г. Никольский был одним из делегатов от Казанского университета на 1-м съезде Поволжских университетов, проведенном в Самаре.

С осени 1922 г. до конца 1930/31 учебного года Н.В. Никольский работал в Восточном педагогическом институте (ВПИ) в Казани.

В первые четыре учебных года, до лета 1926 г., в ВПИ существовало отделение востоковедения, готовившее специалистов для Татарии, Чувашии, Удмуртии и Марийской автономной области. Н.В. Никольский, являясь заведующим кафедрой этнографии, читал курсы общей этнографии народов Поволжья, этнографии финно-угорских народов, этнографии и истории чувашского народа, чувашского фольклора, до начала 1924/25 учебного года, до прихода в

ВПИ В.Г. Егорова, – и чувашского языка. С 1925 г. он заведовал кабинетом чувашеведения (до 1931 г.). Все эти годы Никольский исполнял обязанности секретаря совета отделения, в феврале 1926 г. был избран заместителем заведующего отделением.

Летом 1926 г. отделение востоковедения ВПИ, в соответствии с решением Совнаркома РСФСР от 25 ноября 1925 г., было разделено на татарское, чувашское, марийское и удмуртское лингвистические отделения. С 1927/28 учебного года они назывались отделениями языка и культуры. Для работы в Чувашском отделении осенью 1926 г. были приглашены профессор Н.И. Ашмарин и Г.И. Комиссаров. В ВПИ Никольский до мая 1928 г. занимал должность доцента. 22 мая 1928 г. научно-политическая секция Главного управления специалистами Народного комиссариата просвещения РСФСР присвоила Н.В. Никольскому звание профессора по кафедре истории, этнографии и фольклору чувашей. На чувашском отделении Н.В. Никольский читал курсы по истории чувашского народа, этнографии чувашей, чувашской устной народной словесности, чувашской поэтики, географии и природных богатств Чувашии, современного народного хозяйства Чувашской республики, на Марийском отделении – курс истории марийского народа. В 1926/27 и 1930/31 учебных годах Никольский заведовал Чувашским отделением, с 1926 по 1931 гг. бессменно исполнял обязанности секретаря совета национальных отделений, состоял членом совета института, возглавлял учебно-плановую комиссию.

В первые годы советской власти и в 20-е годы Н.В. Никольский внес немалый вклад в становление и развитие высшей школы, в подготовку специалистов.

В этот подраздел входят также те учебные заведения города Казани, в которых Н.В. Никольский работал в дореволюционное время. Это – духовная семинария (1907–1916), учительская семинария (1906–1910), миссионерские курсы при духовной академии (1903–1917).

Большое место занимают материалы Симбирской чувашской учительской школы, относящиеся к 1912–1922 гг. Только на одном документе ранняя дата – 7 августа 1889 г.

«*Войны*» Материалы о Русско-японской войне, о Первой мировой войне и о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Описаны случаи из жизни чувашей Симбирской губернии, связанные с Русско-японской войной. Есть рассказ об участии чуваша в Русско-японской войне, о пребывании в плену и о возвращении домой из плена. Интересны записи Н.В. Никольского о подвигах чувашских солдат на Первой мировой войне. Сохранилась вырезка из газеты, в которой напечатано письмо чувашского солдата из немецкого плена. Имеются проповеди о войне.

II часть – *Народы Поволжья и других регионов России* – делится на подразделы:

Исторические сведения о народах Среднего Поволжья и других регионов России.

В ряде томов рукописного фонда Н.В. Никольского имеется значительный по содержанию и количеству материал о народах Среднего Поволжья и других регионов России. Этот материал можно делить на две группы: исторические труды Н.В. Никольского; выписки из книг и архивных источников.

В исторических трудах дается изложение истории (с древних времен до начала XX в.) кряшен, мордвы, татар, финнов, марийцев, башкир, удмуртов, казахов, калмыков, латышей; приводятся краткие характеристики булгар, евреев, зырян, киргизов, пермяков. В некоторых работах раскрыты межнациональные связи между народами Среднего Поволжья.

Большое место среди архивного материала занимают документы о кряшенах, мордве, татарах, вотяках. Львиную долю архивных источников составляют сведения о черемисах с древнейших времен до середины XIX в. Часть из них была использована Н.В. Никольским в книге «История мари (черемис)». Казань, 1920. Вып. 1. – 180 с.

1. *Библиография о чувашах и других народах Среднего Поволжья.* Здесь собраны названия книг, статей и брошюр на русском языке о чувашах и других народах Среднего Поволжья. Представляют интерес книги о чувашах, черемисах, татарах на немецком и французском языках.

2. *Библиография по русской и всеобщей истории.* Собраны названия книг по русской и всеобщей истории, над которыми Н.В. Никольский работал в ходе своих исторических исследований.

3. *Выписи из литературы по археологии, истории и этнографии народов Среднего Поволжья.* Для работы над научными темами Н.В. Никольский делал выписи из сотен книг и журналов о народах Среднего Поволжья.

Раздел «*Религия*» делится на подразделы:

1. *Церковная служба.* Заголовки этого подраздела: Богослужение. Чувашские боги. Икона и крест. Молитвы. Молебен. Треба. Гование. Псалтырь.

2. *Церковные праздники.* Благовещение. Богоявление. Калам кун (среда перед Пасхой). Крещение. Кёшерни сари. Масленица. Пасха. Праздники. Петров день. Покров день. Пост. Рождество. Святки. Семик. Спас.

3. *Язычество.* Здесь можно узнать об именах и молитвах язычников, их представлениях о лесе и деревьях, как выглядит языческое кладбище.

Имеются подробные сведения о чувашских язычниках деревень Старое Суркино и Старая Бугульминского уезда, Тенеево и Ефремикино Стерлитамакского уезда, сел Шоркистры и Яншихово-Норваши, д. Подлесное Цивильского уезда. Интересен материал о языческом обряде встречи Нового года в с.Карамышево Чебоксарского уезда. Есть два материала о влиянии татар на чувашских язычников, как они переманивают чувашей на сторону ислама. Много работ слушателей Казанских миссионерских курсов под названием "Беседы с язычниками".

4. *Христианское просвещение.* В письмах с мест сообщается о состоянии христианского просвещения среди бурятов и на Алтае, в Чистопольском уезде Казанской губернии и Бугульминском уезде Самарской губернии. Есть курсовое сочинение студента Казанской духовной академии «Школа как средство христианского просвещения инородцев». Много места занимают документы, собранные Н.В. Никольским в архиве церкви с. Оточево Ядринского уезда, под названием «Материалы по истории христианского просвещения чуваш в 1 половине XIX в.».

5. *Переход в мусульманство и противомусульманская литература.* В материалах с мест рассказано о переходе чувашей в мусульманство. Например, К. Федоров из д. Емелькино Бугульминского уезда пишет: «Духовенство своим жестоким обращением с чувашами наводило страх на них. Русские священники запрещали чувашским учителям петь молитвы на родном языке». В Стерлитамакском уезде в д. Зирганы 80 чувашей приняли ислам, за что татары дали каждому по 15 рублей. Есть сочинение слушателя 1 курса Казанских миссионерских курсов от 16 января 1912 г. «Причины отпадений в ислам и язычество новокрещенных иноверцев в начале XIX столетия». Имеются краткие изложения выпусков противомусульманского сборника, в котором печатались труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии.

6. *Миссионерство.* Здесь собраны немногочисленные материалы о миссионерской деятельности среди инородцев.

7. *Епископ Андрей – заведующий миссией по Казанской епархии.* С 1906 г. (или 1907 г.) заведующим миссией – учреждением, ведавшим делом христианского просвещения инородцев – по Казанской епархии был назначен епископ Мамадышский, викарий Казанской епархии Андрей (в миру князь Ухтомский). В конце июля 1911 г. он был перемещен в город Сухум. Во многих газетах появились сожаления по поводу такого назначения. Священники – миссионеры Казанской и Симбирской епархий 19 августа 1911 г. послали телеграмму императору Николаю II с просьбой оставить епископа Андрея в Казани. В феврале 1914 г. епископ Андрей был переведен

из Сухума на Уфимскую кафедру. Обо всем рассказано в материалах этого подраздела.

8. *Братство святителя Гурия в Казани*. Прошения, письма с разными просьбами в совет братства. Есть номер газеты «Казанский телеграф» от 4 февраля 1917 г. с объявлением о том, что на годичном собрании братства 5 февраля 1917 г. выступит Н.В. Никольский на тему «Н.И. Ильминский – просветитель инородцев (по поводу 25-летия со дня кончины 17 декабря 1891 г.)».

9. *Святодуховское братство при церкви Симбирской чувашской учительской школы*. Отчет братства за 1903 и 1904 гг. Газетная статья о заседании братства, состоявшем 10 февраля 1913 г.

10. *Причты*. Списки мордовских, черемисских, чувашских, татарских причтов ряда уездов Казанской губернии.

11. *Монастыри*. Сведения о некоторых монастырях.

12. *Церкви*. Ведомости церквей Буинского и Ядринского уездов. Историко-статистическое описание церквей Казанской епархии (ответы священников на вопросы, напечатанные в должно быть в № 1 «Известий по Казанской епархии» за 1899 г.). Церковные песнопения на чувашском языке. Обращение Святейшего Синода к чадам православной церкви на чувашском языке.

13. *Церковнослужители*. Автобиография священника с. Туарма Бугульминского уезда Д.Ф. Филимонова. Список его опубликованных трудов. Жалоба священника И. Сагатовского от 7 июля 1914 г. в Самарскую консисторию на благочинного Д.Ф. Филимонова. Отзыв Д.Ф. Филимонова о нем. Копия объяснения Д.Ф. Филимонова от 5 июня 1907 г. епископу Самарскому и Ставропольскому. Журналы съезда чувашского духовенства Самарской епархии от 11–12 мая 1911 г. Сведения о священниках всех уездов Казанской губернии: национальность и какое учебное заведение окончили. Копия ходатайства И.Я. Яковлева от 21 декабря 1916 г. к архиепископу Казанскому и Свияжскому о присвоении А.В. Рекееву сана протоиерея. Разные дела провинившихся священников за 1842–1846 гг.

14. *Приходы*. Сведения о чувашских приходах и о прихожанах из чувашей по Казанской и Самарской епархиям. Список удмуртских приходов в Казанском и Мамадышском уездах. Список татарских приходов Казанского, Лаишевского, Мамадышского уездов. Устав союза приходских советов Уфимской губернии.

15. *Казанская и Самарская епархии*. Распоряжения Казанской епархиальной власти за 1800–1850 гг. Атлас Казанской епархии по уездам. Список сел Самарской епархии с инородческим населением.

III раздел – Этнография. В 1904 г. Н.В. Никольский опубликовал на русском языке «Программу для собирания сведений о чувашах», которая затем печаталась на чувашском языке в «Чувашских календарях» на 1911 и 1913 гг. и в приложении к «Краткому чувашско-

русскому словарю» в 1919 г. Собиратель просил присылать ему сведения исторические (предания и документы), географические и этнографические (о природных условиях, численности и составе населения, его физическом типе, занятиях, материальной и духовной культуре, общественном и семейном быте, народных знаниях, устном творчестве, религиозных верованиях и народном просвещении чувашей), записи произведений фольклора. В 1914 г. он типографским способом размножил программу для собирания этнографических сведений студентами и учащимися в каникулярное время. В 1915 г. Н.В. Никольским была издана «Программа для собирания сведений об инородцах Поволжья». Она состояла из методических указаний и вопросов, охватывающих весь комплекс проблем, изучаемых этнографией. В 1919 г. Н.В. Никольский опубликовал две программы. Первая – «Программа для собирания сведений по истории и археологии и истории народностей Поволжья» – включает в себя 52 развернутых вопроса не только по археологии и истории, но и по этнографии и народному искусству, а также пояснение. Вторая – «Вопросник по народному творчеству» – состоит из огромного количества вопросов по фольклору, народным знаниям в области природы, космогонии, экономики, медицины, общества, архитектуры, истории, искусства и т.п.

На обращения ученого откликнулись и присылали ответы сотни людей: грамотные крестьяне, учителя, служители культа, служащие, учащиеся сельских двухклассных училищ и учебных заведений Казани и Симбирска. В деле собирания научных сведений по анкетам Н.В. Никольский широко использовал учащихся и студентов в течение всей своей продолжительной педагогической деятельности.

В летние месяцы почти ежегодно Н.В. Никольский выезжал в сельские местности для изучения хозяйства, быта и культуры чувашей, сбора этнографического материала. В 1910–1911 гг. им было собрано и представлено в Русский музей в Петербурге 205 чувашских этнографических предметов.

В 1905 г. Н.В. Никольский опубликовал статью «Взгляд чуваш на воинскую повинность». Используя чувашский фольклор и этнографические материалы, автор описывает проводы новобранцев в армию, приводит немало рекрутских песен, свидетельствующих о тяжелой солдатской службе.

В 1905–1906 гг. Никольский напечатал три публикации: «Быт и верования мордвы Симбирской губернии в 1783 г. (Из записок Мильковича)», «Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. (Из записок уездного землемера Мильковича)» и «Этнографические очерки Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах».

В 1908 г. Н.В. Никольский выпустил литографическое издание «Конспекта по этнографии чуваш». В 1909 г. книга была прорецензирована Д.Ф. Филимоновым, высказавшим ряд замечаний для

уточнения конкретных этнографических фактов. В 1911г. в «Известиях» ОАИЭ и отдельным оттиском появился в типографском издании «Краткий конспект по этнографии чуваш», представлявший собой первый систематический курс этнографии чувашского народа. В 1919 г. эта книга в переработанном варианте была издана для школ.

В начале 1929 г. увидел свет плод многолетнего кропотливого исследовательского труда Н.В. Никольского – «Краткий курс по этнографии чуваш», вып. 1 – монография о материальной культуре чувашского народа. Книга эта, наряду с монографией «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв.», относится к числу крупнейших и ценнейших исследований Никольского.

Раздел делится на подразделы:

1. Программа для собирания сведений о чувашах. Здесь собраны все издания этой программы и письма – запросы из деревень по вопросу собирания сведений о чувашах.
2. Ответы к программе по собиранию сведений о чувашах.
3. Дополнения разных лиц к книгам Н.В. Никольского «Конспект по этнографии чуваш» и «Краткий конспект по этнографии чуваш».
4. Этнографические коллекции и альбомы.
5. Этнографическое совещание.
6. Историко-этнографические сведения о деревнях.
7. Списки и планы деревень.
8. Карты. Карты деревень и волостей. Карты Самарской и Казанской губерний. Карта Среднего Поволжья в XVI-XVII вв. Карта г. Москвы.
9. Астрономические наблюдения.
10. Природные явления.
11. Человеческое тело.
12. Игры детей.
13. Болезни. Болезни взрослых. Курение табака. Болезни детей. Лечение людей. Народные средства при лечении болезней. Болезни скота и его лечение.
14. Жилище и надворные постройки.
15. Бытовые и хозяйственные предметы.
16. Зоология.
17. Домашние животные и птицы.
18. Занятия чувашей.
19. Травы и деревья.
20. Приметы.
21. Военская повинность.
22. Пир.
23. Пища.
24. Напитки.
25. Одежда, головные уборы, обувь.
26. Музыка и пение. Музыкальные инструменты.
27. Преступления.
28. Посиделки. Колдовство. Заговоры, заклинания. Порча глаз. Суеверия. Предсказания. Снотолкования.
29. Похоронный обряд.
30. Брак и семья. Сватовство. Венчание. Свадьба. Разврат. Роды, роженица. Младенец. Семейные отношения. Наследство.
31. Языческая мифология: языческие духи и обряды, душа, загробная жизнь.

IV раздел – Статистика.

Большое место занимают извлечения из книг по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Численность чувашей указана в них по областям в целом, а затем по уездам, по половому признаку.

В ведомости о количестве народонаселения Вятского наместничества перед 4 ревизией есть данные о татарах, черемисах, вотяках, указано их вероисповедание.

Уникальные статистические данные прислали в Казань в 1911 г. исправники, училищные советы и волостные правления. Дается таблица по уездам губерний, в которой представлены сведения по двум группам: 1) названия селений, в них число русских, татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы и т.д. с подразделением в столбцах; крещеных, отпавших в ислам, язычников, мусульман – отдельно мужского и женского пола; 2) названия сельских школ, в них число учащихся русских, татар, чувашей, мордвы и т.д. – из крещеных, отпавших в ислам, язычников, мусульман. Итоги даны по волостям и в целом по уезду. В обобщающих таблицах со столбцами: 1) народности; 2) их вероисповедание; 3) количество селений; 4) в них душ обоого пола; 5) количество школ; 6) в них учащихся обоого пола все данные по уездам, затем по губерниям в целом. В столбце «вероисповедание» указано: крещеные, старообрядцы, сектанты, отпавшие в ислам, язычники, мусульмане. Хотя эти статистические данные не претендуют на абсолютную полноту, но своей оригинальностью (такие сведения официальной статистикой не собирались и не публиковались) они представляют исключительное явление и сохраняют научную ценность по настоящее время.

Раздел «Община» состоит из 3 подразделов:

1. *Сведения об общине.* Материалы этого подраздела дают общую характеристику общины: о месте и значении сельского схода в жизни общины, о земельных переделах, о найме пастуха и т.д.

2. *Экономическое положение крестьян.* Здесь рассматриваются такие социально-экономические явления, как богатство, зажиточность, бедность, нищета, голод. В поисках лучшей жизни чувашские крестьяне переселялись в Сибирь или уезжали на заработки.

3. *Взаимоотношения между односельчанами.* Материалы показывают, что во взаимных отношениях крестьян имели место взаимопомощь и честность в большей степени, вымогательство, обман, зло – в меньшей степени.

V раздел – Фольклор. Литературные произведения. Подразделы: Загадки. Предания. Легенды о Пугачеве.

Легенды о Разине. Песни. Пословицы и поговорки. Рассказы. Частушки. Стихи.

VI раздел – Чувашский и другие языки. Подразделы: Чувашский язык. Особенности чувашского говора. Слова и диалекты. Словари. Грамматика. Ученические тетради по чувашскому языку. Языки разные.

VII раздел – О переводах книг на инородческие языки, об их издании и продаже.

С 1903 г. до начала 1917 г. Н.В. Никольский работал в Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, где с февраля 1906 г. исполнял обязанности делопроизводителя, в 1913 г. одновременно и секретаря. Эта комиссия, получившая в 1903 г.

статус самостоятельного учреждения, издавала брошюры и книги на 23-х языках. Как делопроизводитель, Никольский выполнял организационную работу, руководил реализацией изданий через агентов и книжные лавки. Как руководитель чувашской секции он рецензировал и редактировал брошюры и книги на чувашском языке, издаваемые комиссией, держал их корректуру. Им было подготовлено и издано на чувашском языке более 30 брошюр о земледелии, животноводстве, пчеловодстве, медицине (особенно о холере и трахоме, о вреде пьянства и курения), географии, воспитании детей. При его участии были опубликованы десятки брошюр и книг религиозного содержания, а также произведения чувашского фольклора и художественной литературы.

Раздел состоит из подразделов:

1) *О переводах на удмуртский и марийский языки.* Речь идет о переводах богослужебной литературы. Из указанных здесь 10 работ только одна посвящена переводу на удмуртский язык.

2) *О переводах на чувашский язык.* Речь идет преимущественно о переводах религиозно-нравственной литературы. Лишь акцизный чиновник И.Н. Юркин в письме от 19 февраля 1909 г. из Симбирска высказывается по поводу перевода стихов А.С. Пушкина на чувашский язык.

3) *Переводы богослужебной литературы на чувашский язык.*

4) *Переводы научно-популярных и художественных книг на чувашский язык.*

5) *Переводческая комиссия Православного миссионерского общества.* Дан анализ поступавших в Переводческую комиссию писем.

6) Об издании книг и их продаже. Здесь рассмотрены письма с просьбами об издании книг, адресованные Н.В. Никольскому. Указаны фамилии и адреса тех, кто просит прислать книги за плату.

7) Центральная типография города Казани. В этом подразделе собраны письма с просьбами прислать книги из Центральной типографии Казани.

VIII раздел – Казанская губернская земская управа. Отдел народного образования.

В середине марта 1917 г. Н.В. Никольский выступил инициатором организации Общества мелких народностей Поволжья. Представители интеллигенции поволжских народов, собравшись в одной из аудиторий Казанского университета, основали такое Общество как беспартийную организацию, председателем его избрали Никольского. От Общества мелких народностей Поволжья Н.В. Никольский был избран гласным 98-го земского собрания Казанской губернии. В мае 1917 г. земское собрание избрало Никольского в состав губернской земской управы (всего было избрано 11 чел.) – заместителем председателя управы и заведующим отделом народ-

ного образования. В июне 1917 г. в связи с выбытием председателя управы на Никольского было возложено исполнение должности председателя губернской земской управы. Эту должность он занимал вплоть до ликвидации управы – до 20 июля 1918 г.

В разделе собраны документы, имеющие отношение к вопросам народного образования в Казанской губернии в 1917-1918 гг.: телеграммы из Царевококшайской учительской семинарии; краткая докладная записка о предоставлении гимназии с четырехгодичным курсом для взрослых, учрежденной Союзом мелких народностей Поволжья, всех прав государственного учебного заведения; отношения уездных земских управ; смета губернской земской управы на 1918 г.; смета на издание учебников; отношения Н.В. Никольского к ссудо-сберегательным и потребительским обществам с просьбой оказать финансовую помощь для открытия высших начальных училищ в губернии; две благодарности Н.В. Никольскому за деятельность по открытию высших начальных училищ и пр.

IX раздел – Материалы к биографии Н.В. Никольского – включает в себя 9 подразделов.

В подразделе «Служебная деятельность» собраны документы, отражающие служебную деятельность ученого. Они не раз были опубликованы в биографиях Н.В. Никольского. Первейшим своим делом, несмотря на перегруженность педагогической, переводческой-издательской и общественной деятельностью, Н.В. Никольский считал научную работу. Эта сторона его жизни получила отражение в подразделе «Научная работа».

Постановлением совета Казанской духовной академии от 17 января 1905 г. было разрешено Н.В. Никольскому переработать курсовое сочинение «Христианство среди чуваш» в магистерскую диссертацию. Сохранился текст речи Никольского на защите магистерской диссертации под заглавием «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв.» Оппонентами выступили профессора И.М. Покровский и Н.Ф. Катанов. Ответы на их замечания также находятся в фонде.

В 1912 г. Н.В. Никольский издал большую книгу "Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженные влиянию ислама". В фонде имеется список лиц и организаций, которым было выслано это крупное этнографическо-статистическое издание. Никольский получил и сберег много извещений с благодарностями за присылку этой книги. Любопытно читать письмо священника В.Петрова из Уфы с замечаниями о ней.

В этот подраздел включены также: статья Никольского «Биография Н.Ф. Катанова и его сочинения» от 1 декабря 1918; его статьи, брошюры и рецензии, изданные в 1911–1912 гг.; сообщения с

мест о получении статьи Никольского «К истории зырянского языка», напечатанной в 1913 г.

В 1909 г. в Казани увидела свет небольшая по объему книга Н.В. Никольского «Конспект по истории христианского просвещения чуваш». Сохранились замечания о ней в письме неустановленного автора без указания даты и адреса.

Есть в фонде черновики доклада Н.В. Никольского об инородцах, зачитанного им 15 января 1905 г. на совете Казанской духовной академии, и статьи «Об изучении народностей Поволжья с 1917 по 1927 г.»

Небольшое место занимает в справочнике подраздел «*Отзывы о работе Н.В. Никольского*».

В марте 1905 г. Н.В. Никольский был принят в пожизненные действительные члены Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете, основанного в 1878 г. Научная деятельность Никольского была тесно связана с ОАИЭ. С марта 1912 г. по 1916 г. он избирался в совет Общества и активно участвовал в его работе. Все это получило отражение в подразделе «*Извещения ОАИЭ*».

Из извещений ОАИЭ видно, что на общих собраниях членов Общества Н.В. Никольский выступал со следующими научными докладами: «Этнографический очерк К. Мильковича, писателя конца XVI в., о чувашах» (1905), «Об этнографической карте Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии» (совместно с Г.И. Комиссаровым, 1910), «Из истории распространения христианства среди чуваш» (1911), «О мордовских переводах XIX в.» (1912), «Несколько слов о зырянских переводах» (1912), «Из истории христианизации татар» (1913), «Инородцы Поволжья в первой четверти XVII в.» (1913), «Уфимские башкиры» (1913), «Религиозные воззрения черемис» (1915), «Половцы и татары» (1918) и др.

18 марта 1910 г. Н.В. Никольский был избран в библиотекари Общества на 1910–1912 гг. (извещение от 19 марта). Из извещения от 8 мая 1922 г. можно узнать, что в это время Никольский являлся секретарем ОАИЭ, и совет Общества просит его не отказываться от обязанности секретаря.

Н.В. Никольский активно проявил себя и как общественный деятель. Эта сфера его жизни получила освещение в подразделе «*Общественная деятельность*». 22 января 1912 г. он был избран на трехлетие членом совета православного церковного братства св. Гурия при Казанском кафедральном соборе. С 15 октября 1913 г. Никольский являлся почетным членом Апышевского сельскохозяйственного общества Буинского уезда. В апреле 1909 г. его утвердили членом комиссии при братстве св. Гурия по приему экзаменов у кандидатов на священнические места в инородческие приходы Казанской епархии.

Для освещения жизни и деятельности Н.В. Никольского немаловажное значение имеют документы, вошедшие в подразделы «Отдельные факты», «Приглашения», «Просьбы на имя Н.В. Никольского», «Удостоверения».

X раздел – Письма – занимает в рукописном собрании очень много места. Письма разделяются на три части:

- 1) Письма Н.В. Никольскому от разных лиц.
- 2) Письма Н.В. Никольского разным лицам.
- 3) Письма разных лиц друг другу. Первая часть состоит из 14 подразделов.

В подразделе «Отношение к войне 1914 г.» размещены письма, в которых раскрывается отношение чувашей к Первой мировой войне.

Н.В. Никольский известен и как основатель первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть). Она была основана в январе 1906 г. и издавалась по май 1907 г. Никольский был редактором-издателем 22 номеров «Хыпара» (по май 1906 г.). Крестьяне, учителя, священники, солдаты присылали в редакцию свои материалы, жертвовали деньги безвозмездно на издание газеты, сообщали свое мнение о публикуемых материалах. Все это отразилось в их письмах в «Хыпар».

Весьма ценным содержанием наполнены письма личного характера. Среди их авторов встречаются известнее имена. К примеру, автором четырех писем является Г.И. Комиссаров – историк и этнограф, уроженец села Богатырево Ядринского уезда. Автор двух писем – К.П. Прокопьев, уроженец села Новое Ильмово Буинского уезда. Он в 1903 г. окончил Казанскую духовную академию, с 1907 г. преподавал в Челябинском реальном училище.

Чрезвычайно ценными являются письма Г.Ф. Федорова (Алюнова) – известного чувашского социалиста-революционера (1876–1921). Свое первое письмо он послал из Симбирска 27 ноября 1899 г., будучи учеником 6-го класса духовной семинарии. Остальные – девять писем были написаны им в декабре 1920 – марте 1921 г. в камере Казанской тюрьмы, куда он был заключен в октябре 1920 г.

Общественное значение имеют и письма видного священника Д.Ф. Филимонова.

В рукописном собрании Н.В. Никольского сохранилось 17 писем переселенцев. В них, как правило, описывается жизнь на новом месте, их авторы просят прислать газету «Хыпар» и чувашские книги. Ценными среди них являются письма священника Г.Т. Тимофеева, получившего известность благодаря книге «Тахъръял».

В подразделе «Письма родителей, родных и односельчан» сосредоточены восемь писем отца, два письма матери, три письма сестры Н.В. Никольского Екатерины и несколько корреспонденции жителей деревни Юркейкино Ядринского уезда. Из писем роди-

телей вырисовывается материальное положение семьи Никольских. Налоги, расходы на обучение трех сыновей (Николай был вторым) и двух дочерей требовали немалых средств, и семья постоянно испытывала нужду. 14 декабря 1904 г. в письме к сыну Николаю Василий Никитич пишет: «В средствах к жизни материальной мы имеем крайнюю скудость». Николай систематически помогал отцу, присылал по возможности хотя бы понемногу. Из писем отца сыну узнаем, что, например, в марте 1904 г. 40 руб., полученных от сына, В.Н. Никольскому пришлось уплатить за обучение дочерей; в марте 1905 г. из 50 руб., присланных сыном, более половины он потратил «на уплату податей, долгов и на покупку дров, остальные – на покупку для дома провизии».

В фонде немало писем с благодарностями и поздравлениями. Их авторы благодарят Н.В. Никольского за издание чувашских книг и календаря, поздравляют со знаменательными событиями в его жизни. Так, 30 октября 1915 г. Никольский был зачислен приват-доцентом Казанского университета. Учитель С.Зайцев в письме от 14 января 1916 г. писал ему: «...Вы назначены приват-доцентом Казанского университета по истории. Какой знаменательный момент в истории просвещения чуваш. Спешу приветствовать и сердечно поздравить Вас, Николай Васильевич, с назначением на такой высокий пост в храме науки». Отметив, что талантливых людей из чувашей много, но они не выдвигаются, автор письма указывает, что Никольский и некоторые другие ведут за собой всю чувашскую интеллигенцию, «бросая зерно просвещения от самого культурного ментора до самого последнего жилища чувашина... Желаю Вам здравствовать многие лета на благо Вашим соплеменникам чувашам».

Е. Скворцов из д. Нижние Кибечи Цивильского уезда в письме от 24 января 1911 г. благодарит за издание чувашского календаря и отмечает, что он оказывает вместе с чувашскими книгами большое влияние на деревенскую жизнь.

В мае 1913 г. в совете Казанской духовной академии Н.В. Никольский защитил магистерскую диссертацию, получил множество поздравлений. Слушатель Казанских миссионерских курсов Н. Соленцов изд. Емелькино Бугульминского уезда в письме от 15 августа 1913 г. пожелал "и впредь с большим успехом производить научные исследования о наших единоплеменниках и ими проливать яркий свет в самосознание родного народа".

В архиве Никольского сохранилось немало писем с самыми разными просьбами. Так, Е. Александров из д. Чедино Чебоксарского уезда в письме от 13 октября 1914 г. просит прислать программу для сдачи экзамена на учителя. С. Васильев из д. Большие Абакасы Ядринского уезда просит устроить его на работу в Казани, чтобы можно было учиться дальше. А. Иванова из с. Ивашкино Чистопольского уезда 14 октября 1920 г. написала, что ее муж арестован и на-

ходится в Казанской тюрьме; просит Н.В. Никольского навещать его и помочь выйти из заключения. Все эти и подобные просьбы составляют подраздел «*Письма с разными просьбами*».

В годы Первой мировой войны Н.В. Никольский получал письма с фронтов от солдат-земляков. В подразделе «*Письма солдат*» собраны 43 письма участников войны. Из них можно узнать, что по просьбам своих корреспондентов Никольский высылал им книги, а те сообщали про свою солдатскую службу. Так, С. Иванов – уроженец д. Кудемеры Чебоксарского уезда – в письме от 28 декабря 1914 г. рассказал об участии в боях: «В общем же взятие Львова всецело принадлежит чувашам. С горечью на сердце приходится сознаться, что военная техника германцев превосходит нашу. Если и возьмет наша, так разве только исключительно численностью, но не качеством».

40 писем научных работников составляют подраздел «*Письма ученых*». Среди них 2 письма видного этнографа чувашского народа В.К. Магницкого, 2 письма известного исследователя истории удмуртского народа П.Н. Луппова, 7 писем ленинградского языковеда Н.Н. Поппе, письмо академика А.И. Тюменева и т.д.

Активными корреспондентами Н.В. Никольского были сельские учителя. Их 30 писем включены в подраздел «*Письма учителей*».

Подраздел «*Письма церковнослужителей*» – всего 159 писем – является самым большим по их количеству.

II часть – *Письма Н.В. Никольского разным лицам* – включает в себя 10 писем.

III часть – *Письма разных лиц друг другу* ~ содержит 72 письма.

XI раздел – Разное.

Делится на подразделы:

1. *Газеты и журналы*. Тут собраны единичные номера газет и журналов: номер газеты «Хыпар» от 26 февраля 1906 г., адреса подписчиков «Хыпара»; 3 статьи из газеты «Новое время» за 1906 г., переведенные на чувашский язык.

Из казанских газет: «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь», «Казанское слово», «Крестьянская газета», «Волжский вестник».

Из советских газет и журналов: «Историк-марксист», «Новый восток», «Печать и революция», «Атеист», «Известия».

2. *Удостоверения*. Их 8, выданы разным лицам.

3. *Книжная летопись. Книжная палата. Библиотеки*. Здесь: книжная летопись 1910–1911 гг.; обращения книжной палаты к разным организациям летом 1917 г.; книжные справочники для библиотек.

4. *Литографии. Портреты. Реклама. Рисунки. Узоры. Фотографии. Искусство*.

5. *Бланки. Договоры*.

6. Программы концертов.
7. Рецензии. Тезисы. Планы сборников.
8. Дневник. Совещание. Конференция.
9. Обращения. Уставы. Образец. Объявления.

XII раздел – Географический указатель.

В раздел включены населенные пункты, упомянутые корреспондентами Н.В. Никольского в их письмах и присылаемых материалах.

XIII раздел – Именной указатель.

Представлены фамилии всех тех, кто участвовал в сборе материалов рукописного фонда Н.В. Никольского, а также те, кто жил в одно время с ними и упоминался ими в переписке.

«Время обладает такой особенностью, как необратимость. Невозможно вновь собрать тот материал, который хранится в фонде Н.В. Никольского, да еще в тех же условиях его бытования, вот почему мы говорим об этом фонде теперь в восторженных тонах, как об огромной духовной и даже материальной ценности, как о кладезе науки» – восхищается исследователь чувашского фольклора Е.С. Сидорова. Сколько богатства оставлено Н.В. Никольским для изучения процесса просвещения народов Поволжья и для развития науки этнопедагогика – это невозможно выразить словами!

Наследие Н.В. Никольского и его современное значение

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», определяя сегодняшние требования к системе российского образования, сказано: «Потенциал образования должен быть в полной мере использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства. Многонациональной российской школе предстоит проявить свою значимость в деле сохранения и развития русского и родного языков, формирования российского самосознания и самоидентичности. Обновленное образование должно сыграть ключевую роль в сохранении нации, ее генофонда, обеспечении устойчивого, динамичного развития российского общества – общества с высоким уровнем жизни, гражданско-правовой, профессиональной и бытовой культурой».

Обучается и воспитывается не абстрактный человек, а всегда представитель той или иной нации с присущим ему этнопсихологическими особенностями, к которым относятся особенности национального сознания и самосознания, своеобразии национального мышления, чувств и воли, специфику проявления национального характера в общении и взаимоотношениях с другими людьми. Именно национальны, народные корни в процессе воспитания и обучения должны давать живительную силу для формирования личности нового типа, человека нового века.

Решающий путь преобразования в обществе, возрождения народов Г.Н. Волков видит в возрождении традиционной, демократической культуры воспитания. «Вне этой культуры нет и быть не может никакой культуры. Народная педагогика и народное воспитание. Традиционная культура воспитания – основа основ народной жизни». Здесь уместно вспомнить слово Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова: «До каких пор уроки по художественно-эстетическим предметам, да и то по краеведению, будут рассматриваться как второстепенные? Школа нуждается во внедрении целевых систем художественно-эстетического воспитания на принципах нравственности и гуманизма, национальной духовности и общечеловеческой культуры». «Только сила нашей духовности сохранит наш этнос, наш народ, защитит его природную колыбель, обеспечит здоровое потомство для будущего», говорится в Послании Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному совету Чувашской Республики.

Создание и нормальное функционирование полноценных национальных систем воспитания возможно только на основе научной

концепции сохранения и использования всего комплекса их традиционного культурно-педагогического наследия народа. Чувашский народ за свою более чем трехтысячелетнюю историю накопил колоссальное духовно-педагогическое наследие: любовь к земле и трудолюбие, нравственно-эстетические традиции, древнейшая народная обрядность, педагогические памятники и сокровища устного народного творчества, высочайшая культура межличностных отношений, обучение ремеслам, этномузыкальная культура, этномедицина и другие черты-явления, несущие уникальные просветительскую и педагогическую информацию.

Почти весь этот фактический материал, характеризующий исторический опыт воспитания и развития педагогической мысли чувашского народа, который хранится и содержится в фондах научных архивов Чувашской Республики и других фондах России собран и систематизирован Н.В. Никольским. Но Н.В. Никольский не остановился только на этом. Он в своих трудах давал характеристику социально-экономических, политических, культурных факторов, влиявших на просвещение и образование чувашей и народов Среднего Поволжья; выявлял исторические условия накопления опыта воспитания и педагогической мысли чувашского народа; раскрывал пласты просветительской и педагогической культуры разных периодов в истории народа; изучал, выявлял, показывал, освещал процесс развития просвещения и воспитания.

Наиболее крупным и ценным трудом Н.В. Никольского считается «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк» (1912 г.), где он избрал темой своего исследования самый решающий и переломный период новобулгарской (собственно чувашской) эпохи этнической истории, когда происходил слом традиционного религиозного сознания чувашей, а по сути разрушение всей структуры чувашского мировоззрения. Н.В. Никольский негативно оценил результаты христианизации чувашей. Для него были неприемлемы дискриминация чувашей, насилие, исчезновение «класса служилой инородческой аристократии», методы насильственного обрусения и христианизации. В другом месте, анализируя этот период, он подытоживает, что «мероприятия культурно-просветительского характера не были приспособлены к народной жизни, почему не оставили значительного следа среди чуваш», отмечает факты духовного и физического сопротивления чувашей угнетению, бесправию.

Жаль, в изучении истории чувашского народа и в процессе обучения курса истории не всегда учитывалось и учитывается мнение и характеристика, данная Н.В. Никольским.

Н.В. Никольский проявил себя на протяжении своего жизненного и творческого пути как «человек универсальный во всех достойных вещах». Его не без основания называют «чувашским Ломоносо-

вым». Ему был присущ широкий диапазон научных, и не только научных интересов. Н.В. Никольский создал первый систематический курс этнографии чувашского народа. Его труд «Краткий курс по этнографии чуваш» трижды издавался (1908, 1911, 1919) и явился одним из первых учебных пособий в России по изучению нерусских народов. Его перу принадлежат историко-этнографические работы о татарах, удмуртах, марийцах, статья о языке коми-зырян («К истории зырянского языка», 1914), этнографические характеристики башкир, бесермян, мордвы, калмыков, и сибирских народов.

По научной глубине, охвату вопросов, системности программы (программы собирания этнографических сведений о чувашах печатались в 1904, 1911, 1914, 1919, 1919, сведений нерусских народов Поволжья в 1916, 1919 годах. Четыре вида комплексной программы переиздавались 8 раз) для сбора сведений по истории, географии, этнографии, записи произведений фольклора, особенностей местного говора для своего времени являлись одними из наиболее совершенных. Свою ценность они не потеряли и в настоящее время.

Работы Н.В. Никольского обогатили этнографию чувашей не только в содержательном, но и в методическом плане. Он объяснял цели и задачи этнографической науки, разъяснял понятия двух направлений этой науки – «этнография» и «этнология».

Этнография, по утверждению Н.В. Никольского, занимается описанием, фотографированием действительности, «но этнография не просто фотограф народа; она обязана пояснить, почему данный предмет существует в том виде, а не в другом, как сложилось то или иное явление; ее задача не просто описательная, но и пояснительная». Никольский признает параллельное существование этнологии, изучающей «народности сравнительно для установления соответствующих законов развития человечества вообще и каждого народа в частности». В России последние десятилетия этнология, как и этнография находилась в забвении. Ныне она восстанавливается в правах, более того – регионально-этническая культура – основная составляющая этнологии и этнографии стала содержательной основой новой науки – этнопедагогике. «Регионально-этническая культура любого народа в настоящее время, чтобы действительно стать средством формирования национального самосознания, возрождения и сохранения различных регионов и этносов, должна изучаться, возрождаться и развиваться как целостность, как система». Педагогика должна иметь в своем распоряжении этнический материал. Имея этот набор, этнопедагогика составит задачу выявления их воспитательных, образовательных и развивающих возможностей, определяя, как и где их можно использовать; например, что дают детям для развития народные ремесла, фольклор, народная игра и так далее; как можно использовать его в семье, школе, других социальных институтах, имеющих воспитательные функции.

Н.В. Никольский вошел в историю как один из выдающихся просветителей чувашского народа. Идеи и дела просвещения, обучения, образования чувашей, да и других «инородцев» всегда у Н.В. Никольского как во сне, увиденного перед смертью: «Стою на луне. Правой рукой точно портфель, держу земной шар» на первом месте. Именно просвещение народа, национальный подъем «инородцев» заставляло быть «человеком универсальным во всех достойных вещах».

Н.В. Никольский говорил: «Необходимо повсеместное, одновременное воспитание чуваш. Одновременно должна идти работа по улучшению материального положения чуваш... Необходимо издание сельскохозяйственных брошюр, открытие сельскохозяйственных школ...». Брошюр о земледелии, животноводстве, пчеловодстве, медицине (особенно о холере и трахоме, о вреде пьянства и курения), географии, воспитании детей на чувашском языке, при участии Н.В. Никольского было выпущено в свет более 30. Н.В. Никольский составил и издал календарь на чувашском языке – «Султалак кёнеки» с 1906 по 1914 г. – всего 9 книг. В них указывались праздники, давались сведения по географии, астрономии, физике и химии, новой технике, преобладали статьи о сельском хозяйстве – о передовых приемах ведения полеводства, животноводства, о сельскохозяйственных работах по месяцам, о земледельческих машинах, кустарных промыслах, в большом количестве были представлены статьи о борьбе с болезнями, о лекарствах, о гигиене и санитарии, о школах, условиях поступления в них, о библиотеках-читальнях, о книгах для чувашей по истории, этнографии и культуре чувашского народа.

Большую роль в просвещении и возрождении чувашского народа явилось издание первой чувашской газеты «Хыпар», заслуга основания которого принадлежит Н.В. Никольскому. Он был редактором-издателем 22 номеров «Хыпара» (с января 1906 г. по май 1907 г.). Н.В. Никольский был инициатором издания газеты «Сута» (Свет) в 1917 г., где он тоже просвещение народа ставил на первое место. Однако газеты под таким названием не появилось.

Н.В. Никольский доказывал, что только путем распространения просвещения и издания книг на родном языке можно добиться культурного, затем и экономического подъема нерусских народов.

Н.В. Никольский успехи просвещения чувашей со 2-й половины XIX века связывает прежде всего с «народной школой», в которой средством обучения выступает родной язык. Он видит в этом условия распространения общечеловеческих ценностей, возможность обучения высшим наукам. «Не условным знакам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родной груди родного слова. Родное слово – великий педагог». Значение родного языка в обучении он видел в следующем: «Инородче-

ская школа, русская по существу преподаваемых предметов, разнится от последнего приемами обучения. Ученики этой школы являются с совершенно другим мировоззрением, складом мышления, у них свой мирок. Задача учителя – приноровиться к душе ученика. Лучшее средство для этого – родной язык учащихся». Н.В. Никольский не только высказывал. Но и сам становился активным участником в деле претворения в жизнь своих идей и задач. В 1919 г. он опубликовал 4 пособия по родному языку, истории и этнографии поволжских народов. В том же году, переработав изданный до революции «Конспект по грамматике чувашского языка», прибавив к нему предисловие «Родной язык в школе» Н.В. Никольский издает это пособие для использования в чувашских школах.

«Есть язык – жив и народ, нет языка – нет и народа». Эти слова Н.В. Никольского, высказанные в его докладе на II Всероссийском съезде народов 7 июня 1918 года актуальны и сегодня.

Они снова и снова просят возвращаться к трудам Никольского по этим животрепещущим вопросам, которые стали проблемными многим народам среднего Поволжья. По данным последней переписи населения России количество чувашского населения резко убавляется. Одна из причин – неуважение к родному языку.

Здесь нам, сегодня стоит прислушиваться наставлениям Н.В. Никольского. Сколько у нас семей в городах, районных центрах, да и в селах. Где родители в быту, в семье разговаривают на родном языке, а своих детей заставляют сразу приучаться к русскому языку. «Если детей начинать учить сразу несколькими языкам или изолировать от родной среды и обучать чужому языку, то такие дети будут лишены характера и творческой силы. Над ними совершается психологическое убийство». Поэтому начальное обучение обязательно должно осуществляться на родном языке учащегося.

Н.В. Никольский другим важным условием для успеха в этом деле считал наличие педагогов, принадлежащих по духу и крови к той народности, для которой они трудятся, то есть учитель и ученик должны быть одной национальности, так как «учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени». Загляните сейчас в Чебоксарские, Новочебоксарские, Канашские городские школы – сплошь и рядом в них «Историю Родного края» преподают не специалисты чувашской нации.

Столько тем для этнопедагогических исследований предлагает наследие Н.В. Никольского по устному народному творчеству:

- загадки как средство умственного воспитания;
- нравственное значение чувашских сказок;
- поговорки и пословицы – наилучшие образцы народного мышления и наилучшие элементы воспитания;
- роль чувашских преданий в самосознании и возрождении народа;

- педагогика семейного быта чуваш;
- народные песни и их роль в эстетическом воспитании детей и молодежи;
- народная музыка как средство воспитания духовного богатства;
- гимн матери и женщине – гимн любви и благополучия;
- воспитательное действие средств домашнего обихода у чувашей и т.д.

Стоит нам учитывать и другое мнение Н.В. Никольского. При просвещении «инородцев» следует обращать внимание и на содержание знаний, сообщаемых ученикам. Они должны быть практического характера и иметь непосредственное отношение к жизни и истории «инородцев». В связи с этим Н.В. Никольский настаивает: «Самые науки, знания инородцами будут усваиваться лишь тогда, когда они будут построены на этнографической основе... Истинное образование инородца не должно порывать связь его со своим народом, целью образования должно быть: внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть от прежней семьи, вырвать его и представить массе ту же нищету, несчастье, вымирание».

Актуальны и сегодня высказывания Н.В. Никольского о роли и деятельности учителя. Он был активным сторонником развивающего обучения. Задача учителя не только в том, чтобы давать детям лишь готовые знания, но и в том, чтобы научить их самостоятельно добывать эти знания. «Для ученика, например, который хоть один раз сам открыл что-нибудь новое, эта найденная им самим истина во сто крат дороже того, что сообщает учитель для заучивания наизусть».

По Н.В. Никольскому, беседа учителя с учеником является лучшим методом преподавания. Этот метод позволяет преподавателю заставлять детей думать, рассуждать, анализировать и на основе уже имеющихся у них знаний делать выводы и обобщения. Особое внимание Н.В. Никольский обращал на язык учителя, доступный и образный.

Для Н.В. Никольского обучение – это творческий процесс, и учитель сам волен выбирать те или иные методы в зависимости от тех или иных обстоятельств: «Школа – это художник, ученики – это дети, из которых художник творит истинных граждан».

Отношение между учителем и учениками всегда должны оставаться дружественными: «Учитель – это отец или старший брат в школьной семье, друг детей».

Великое значение придавал Н.В. Никольский устному народному творчеству. Сказки, предания, пословицы, загадки, песни – «это отдых от занятий, вместе с тем упражнение народной мысли и чувства». Они и наставляют, они и воспитывают. Они имеют большую

педагогическую ценность. С ними шире и глубже надо знакомить детей, учащихся. К сожалению, на сегодняшний день эта работа проводится очень неудовлетворительно.

Учебники и книги для школ, в первую очередь книга для чтения по родному языку, должна широко отражать народную мудрость. То же самое нужно сказать и об учебниках по русскому языку для чувашских школ. Здесь необходимо приводить произведения народного устного творчества чувашей с переводом на русский язык.

Итак, исследование дало основание сделать вывод, что многое из проанализированного педагогического наследия Н.В. Никольского не утратило своей значимости и по сей день. Выявленные нами возможности творческого использования и реализации прогрессивных этнопедагогических идей и опыта просветительской и педагогической деятельности Н.В. Никольского могут намного обогатить процесс образования и воспитания. Идеи Н.В. Никольского могут помочь нам в борьбе с негативными явлениями в обществе, в деле торжества добра над злом.

В учебно-воспитательном процессе целесообразно на наш взгляд учитывать следующие этнопедагогические предложения и методические рекомендации Н.В. Никольского:

- этнический материал – основополагающая база для изучения регионально-этнической культуры, следовательно, содержательная база для развития воспитательных систем, целенаправленно действующих по возрождению национального сознания;

- знание истории, культуры, языка народа и опора на народные традиции, обычаи, залог успеха не только просвещения, обучения, но и торжества добра над злом, искоренение многих негативных явлений в развитии народов, человечества;

- родной язык – великий педагог;

- есть язык – жив и народ, нет языка – нет народа;

- ориентация на творчество, самобытность, индивидуальность и связь со своим народом как учителя, таки ученика.

Личностью-символом, примером для подражания являлось и является по сегодняшний день Н.В. Никольский. Он первый чувашский ученый, получивший звание профессора. Он первый ученый-исследователь и теоретик этнографии Поволжья, он родоначальник чувашской журналистики и издатель, и редактор первой чувашской газеты. Он историк, фольклорист, лексикограф, языковед, переводчик, музыковед, архивист, основатель учебных заведений, руководитель государственного аппарата-управы... Но прежде всего он чувашский великий просветитель и педагог. Жизнь его – образец борьбы и труда во благо народа, во благо просвещения и материального улучшения жизни чувашского народа и народов Поволжья.

Нет сомненья, изучение жизни и деятельности Н.В. Никольского и анализа его уникального наследия поможет родителям, учителям,

всем кто занят в среде воспитания и образования вести эту работу намного успешно и плодотворно; способствует развитию педагогического мышления, повышению педагогической культуры; предостерегает от рецептурного подхода к вопросам педагогической теории и практики, воодушевляет внести существенный вклад внедрению в жизнь идеи новой науки – этнопедагогика.

Никольскиеведению следует уделять на наш взгляд, большое внимание. О великом просветителе, педагоге чувашского народа надо вести разговор всем – родителям, учителям, преподавателям, руководителям, чтобы дети, молодежь ценили свою культуру, свой язык, помнили народные традиции и обычаи, о котором всегда восхитительном тоне говорил, писал Н.В. Никольский и видел в них спасительную силу от нищенства, бездуховности и светлое будущее народа.

Необходимо в спецкурс «Этнопедагогика» нацелить студентов на широкое и глубокое изучение просветительского и педагогического наследия Н.В. Никольского.

Итак, исследовав этнопедагогические идеи, просветительскую деятельность Н.В. Никольского, опыт его учебно-воспитательной работы, построенной на основе передовой педагогической мысли времени, учитывающей особенности народных традиций, мы раскрыли страницу педагогики и этнопедагогика народов России и пришли к заключению, что национальная педагогика, национальная система воспитания рождалась из потребностей самого народа, развивалась и строилась по старанию и стремлению передовых представителей из самого же народа; что Н.В. Никольский, как один из представителей чувашского народа, как предвестник современной этнопедагогика внес неоценимый уникальный вклад в развитие национального самосознания чувашей и возрождения народа, в том числе и народов Поволжья; что его деятельность по изучению педагогической мудрости народов имеет общенациональное значение и является неоценимым национальным богатством.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Айплатов, Г. Н.* Вопросы истории Марийского края середины XVII–XVIII вв. в дореволюционной и советской историографии. Вопросы историографии истории Марийской АССР / Г. Н. Айплатов. – Йошкар-Ола, 1974. – С. 10.
2. *Актуальные проблемы журналистики.* – Чебоксары, 1995. – С 57–58.
3. *Александров, Г. А.* Чувашские интеллигенты: биография и судьбы / Г. А. Александров. – Чебоксары, 2002. – 216 с.
4. *Алексеев, В.* Чăвашсен ватă ученайĕ // Коммунизм ялавĕ. – 1958. – 18 мая.
5. *Алексин, В. В.* Казань, к Никольскому // Советская Чувашия. – 1996. – 23 января.
6. *Андерсон, В. Н.* Отзыв о рукописном собрании Н. В. Никольского / В. Н. Андерсон. – 1925. НА ЧГИГН, отд. 1, № 728. – С. 8.
7. *Андрей Е.* Наиболее важные статистические сведения об иногородцах / Е. Андрей, Н. В. Никольский. – Казань, 1912. – С. 120–131.
8. *Артемьев, Ю. М.* Страсть к полемике / Ю. М. Артемьев. – Чебоксары : изд-во ЧГУ, 2003. – 194 с.
9. *Asia taioq.* Журнал. – Германия. – 1925. – С. 54.
10. *Ашмарин, Н. И.* Болгары и Чуваши / Н. И. Ашмарин. – Казань : ИОАИЭ, 1902.
11. *Ашмарин, Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка / Н. И. Ашмарин. – Казань, 1898. – С. 392.
12. *Ашмарин, Н. И.* Очерк народной поэзии у чуваш. Этнографическое обозрение / Н. И. Ашмарин. – Казань, 1892. – С. 42–64.
13. *Ашмарин, Н. И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях: Казанской, Симбирской и Уфимской / Н. И. Ашмарин. – Казань : ИОАИЭ, 1900.
14. *Ашмарин, Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 6 / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1934. – 318 с.
15. *Баткин, Л. М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. Педагогическо-философские взгляды / Л. М. Баткин. – М. : 1978. – С. 84.
16. *Батурина, Г. И.* Народная педагогика: ее воспитательные возможности в современных условиях / Г. И. Батурина, Т. Ф. Кузина. – М. : Преподаватель. Вып. 1, 1999. – С 15–18.
17. *Васильев, Е. В.* Формирование гражданина на основе народной педагогики. Формирование гражданского сознания и национального самосознания у учащейся молодежи / Е. В. Васильев. – М., 1994. – С. 50–55.
18. *Великая этнопедагогическая миссия женщины : сборник научных трудов.* – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2006. – 184 с.
19. *Венгеров, С. А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых / С. А. Венгеров, Н. В. Никольский. – Пб, 1918. Т.2. – С. 178.

20. *Виноградова, Е. М.* Национальное сознание и национальная культура. – Этнопанорама. – 1999. – №1. – С. 74–77.
21. *Вишневский, В. П.* О религиозных поверьях чуваш / В. П. Вишневский. – Казань, 1846. – С. 26.
22. *Владимиров, П. В.* Славный юбилей ученого / П. В. Владимиров // Молодой коммунист. – 1958. – 21 мая.
23. *Волков, Г. Н.* Духовное просвещение : монография / Г. Н. Волков. – Чебоксары, 2006. – С. 12.
24. *Волков, Г. Н.* Жизнь, смерть и бессмертие патриарха : роман-эссе / Г. Н. Волков. – Чебоксары, 2004. – 352 с.
25. *Волков, Г. Н.* Концепция научно-исследовательского института этнопедагогике / Г. Н. Волков // Этнопедагогический ежегодник. – № 1. – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2005. – С. 19.
26. *Волков, Г. Н.* Модель школы будущего / Г. Н. Волков // Вестник ЧГПИ им. И. Я. Яковлева. – № 2(3). – Чебоксары, 1998. – 341 с.
27. *Волков, Г. Н.* Нравственное воспитание учащихся сельской школы. – М., 1986. – 96 с.
28. *Волков, Г. Н.* О традициях чувашского народа в эстетическом воспитании / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1965. – 60 с.
29. *Волков, Г. Н.* Папсофия К. Д. Ушинского и национальное образование / Г. Н. Волков. – Чебоксары, 1994. – С. 95.
30. *Волков, Г. Н.* Педагогика жизни / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1989. – 335 с.
31. *Волков, Г. Н.* Педагогика любви : избранные педагогические сочинения. В 2-х т. / Г. Н. Волков. – М. : Магистр-пресс, 2002. – Т. 1 – 460 с.; Т. 2 – 460 с.
32. *Волков, Г. Н.* Педагогика национального спасения : избранные этнопедагогические сочинения / Г. Н. Волков. – Элиста : АПП «Джангр», 2003. – 440 с.
33. *Волков, Г. Н.* Педагогические воззрения чувашского народа в поговорках и пословицах. Вып. 10. – 1954. – 185 с.
34. *Волков, Г. Н.* Педагогика : избранные педагогические сочинения. В 2-х т. / Г. Н. Волков. – М. : Магистр-пресс, 2002. – Т. 2 – С. 361.
35. *Волков, Г. Н.* Современное функционирование народной педагогики как феномена демократии и гуманизма в сфере воспитания. – Чебоксары, 1993. – С. 85.
36. *Волков, Г. Н.* Чувашская народная педагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чув. гос. издат., 1958. – С. 148.
37. *Волков, Г. Н.* Чувашская этнопедагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары, 2004. – 488 с.
38. *Волков, Г. Н.* Этнопедагогизация процесса современного воспитания. – Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1997. – № 3. – С. 20–30.
39. *Волков, Г. Н.* Этнопедагогизация целостного учебно-воспитательного процесса / Г. Н. Волков. – Йошкар-Ола : Марийский институт образования, 2003. – 126 с.
40. *Волков, Г. Н.* Чувашская народная педагогика / Г. Н. Волков – Чебоксары : Чув. гос. издат., 1958. – 264 с.

41. Волков, Г. Н. Этнопедагогика чувашского народа / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1966. – 341 с.
42. Волков, Г. Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1974. – 376 с.
43. Волков, Г. Н. Этнопедагогика чувашей / Г. Н. Волков. – М. : Пресс-Сервис, 1997. – 441 с.
44. Волков, Г. Н. Этнопедагогика : учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений / Г. Н. Волков. – М. : Академия, 1999. – 168 с.
45. Воробьев, Н. И. Чуваша. Ч. 1. Материальная культура / Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. – Чебоксары, 1956. – 416 с.
46. Восьмидесятилетие профессора Н. В. Никольского. – Вопросы археологии и истории Чувашии. – Чебоксары. 1960. – С. 380–381.
47. Вятские губернские ведомости. – 1861. – № 47. – С. 48.
48. В XXI век – с новой школой. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1997.
49. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л. : Наука, 1950. – 264 с.
50. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Л. : Наука, 1950. – 264 с.
51. Данилов, А. П. Зарождение. Развитие публицистики и журналистики в Чувашии / А. П. Данилов, И. Я. Тенюшев. – Чебоксары, 1999. – С. 215.
52. Данилов, А. П. Чăваш журнапистикин аталанăвĕ. – Шупашкар. 1998. – С. 17–71, 230–331, 395–404, 416.
53. Данилов, А. П. Āста журналист, писатель, паллă педагог, тĕпчевсĕ. – Шупашкар, 1999. – С. 92–97, 115–118, 134–141, 155–157.
54. Димитриев, В. Д. Видный историк, этнограф, и филолог. К 100-летию со дня рождения Н.В. Никольского. – Советская Чувашия. – 1978. – 18 мая.
55. Димитриев, В. Д. Видный чувашский ученый. – Советская Чувашия. – 1958. – 20 мая.
56. Димитриев, В. Д. Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель / В. Д. Дмитриев. – Чебоксары : изд-во ЧГУ, 2002. – 104 с.
57. Димитриев, В. Д. Никольский суралнранпа 80 сұл тултарнă май. – Хĕрлĕ ялав. – 1958. – Майн 20.
58. Димитриев, В. Д. Николай Васильевич Никольский : очерк жизни и деятельности / В.Д. Дмитриев // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. – Чебоксары, 1981. – С 45–113.
59. Димитриев, В. Д. Н. В. Никольский. – Чаваш календарĕ, 1968. – 81 с.
60. Димитриев, В. Д. Паллă историк, этнограф, филолог. Н. В. Никольский профессор суралнранпа 100 сұл ситнĕ май. – Коммунизм ялавĕ, 1978, майн 20.
61. Димитриев, В. Д. Чавашсен пĕрремĕш профессорĕ. – Таван Атал. – 1978. – № 5. – С. 77–78.

62. Егоров, Д. Е. Ученые-педагоги Чувашии и их вклад в развитие просвещения и педагогической науки / Д. Е. Егоров. – Чебоксары : ИПК «Чувашия», 1997. – 360 с.
63. Журнал Министерства внутренних дел. – 4. 49, 1952. – С. 53
64. Журнал Министерства просвещения. – М., 1914. – С. 157.
65. Закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов РФ» (с изменениями).
66. Закон Чувашской Республики от 27 октября 1990 года «О языках Чувашской Республики» (с изменениями 1994, 2001 г.).
67. Земляков, А. В. Принцип связи воспитания с жизнью в истории чувашской школы и педагогики : автореф. дис., докт. пед. наук. – Чебоксары, 2000. – 38 с.
68. Знамя революции. – 1919. – № 10. – 16 января.
69. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. – Казань : типография Императ. ун-та, 1872. – С.96.
70. Золотницкий, Н. И. По поводу открытия частных школ в Вятской губернии. – 1861. – С. 12.
71. Золотницкий, Н. И. Чуваши кнеге. – Казань : типография Императ. ун-та, 1870. – С.18.
72. Иванов, В. П. Союз мелких народностей Поволжья (1917–1918) – редкий пример Региональной межэтнической консолидации и самоорганизации / В.П. Иванов, А.В. Изоркин // Проблемы изучения научного наследия Н. В. Никольского. - Чебоксары, 2002. – С. 259–269.
73. Иванов, В. П. Чуваши: этническая история и традиционная культура / В. П. Иванов, В. В. Николаев, В. Д. Дмитриев. – М., 2000. – С. 63.
74. Иванов, В. П. Этническая карта Чувашии / В. П. Иванов. – Чебоксары, 1997. – С. 67.
75. Известия ВЦИК. – 1928. – 16 октября.
76. Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Т. II. – С. 285–290.
77. Износков, И. А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края / И. А. Износков. – М., 1895. – 112 с.
78. Ильминский, Н. И. Программы школы для крещеных инородцев Восточной России / Н. И. Ильминский. – Казань, 1896. – С. 4.
79. Ильминский, Н. И. Об образовании иногородцев посредством книг, переведенных на их родной язык. – 1863. – С. 17.
80. ИОАИЭТ. XXX. Вып. 2. – Казань, 1919. – С. 239–242.
81. Исследователи этнографии и археологии Чувашии : биобиблиографический словарь. – Чебоксары : ЧГИГН, 2004.
82. История Татарской АССР. – Казань, 1960. – Т. II. – С. 56.
83. История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. I. – С. 226.
84. История Чувашской АССР. – Т. I. Изд. 2-е. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1983. – С. 144.
85. И. Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения. – Чебоксары, 2001. – С. 10–18.
86. И.Я. Яковлев о школьном образовании чуваш / Городской и сельский учитель. – 1895. – Вып. 5. – С. 38.
87. Казанская газета. – № 15. 190.

88. *Казанская* центральная крещено-татарская школа. – Казань, 1887. – С. 233.
89. *Календарь* на чувашском языке на 1906 год. *Җулталăк кёнеки*. – Казань, 1905. – 62 с.
90. *Календарь* для чуваш на 1907 год. – Казань, 1906. – 64 с.
91. *Календарь* на чувашском языке на 1908 год. *Җулталак кёнеки*. – Казань, 1909. – 68 с.
92. *Календарь* на чувашском языке на 1910 год. *Җулталак кёнеки*. – Казань, 1910. – 48 с.
93. *Календарь* на чувашском языке на 1911 год. *Җулталак кёнеки*. – Казань, 1911. – 48 с.
94. *Календарь* на чувашском языке на 1912 год. *Җулталăк кёнеки*. – Казань, 1912. – 48 с.
95. *Календарь* на чувашском языке на 1913 год. *Җулталăк кёнеки*. – Казань, 1913. – 48 с.
96. *Календарь* на чувашском языке на 1914 год. *Җулталак кёнеки*. – Казань, 1914. – 52 с.
97. *Каховский, В. Ф.* Происхождение чувашского народа / В. Ф. Каховский. – Чебоксары, 1965. – С. 394–431.
98. *Кеппек, П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России / П. Кеппек. – СПб., 1861. – С. 9.
99. *Книга* для чтения на чувашском языке. – Вып. I. / Н.В. Никольский. – Казань : Центр. Типография, 1907.
100. *Коменский* и современность. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1970. – С. 121.
101. *Коменский, Я. А.* Великая дидактика : собрание сочинений. XXIX / Я. А. Коменский. – М., 1961. – С. 6.
102. *Концепция* модернизации российского образования на период до 2010 года / бюллетень Министерства образования Российской Федерации. Высшее и среднее образование. – 2002. – № 2. – С. 3–31.
103. *Корбут, Н. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды (1839–1901) / Н. К. Магницкий. – Чебоксары, 1929. – 97 с.
104. *Краснов, Н. Г.* Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь. Деятельность. Педагогические идеи / Н. Г. Краснов. – Чебоксары, 1976. – С. 8.
105. *Краткая чувашская энциклопедия*. – Чебоксары, 2001. – С. 174.
106. *Крестьянская газета*. – № 29, 1917, 23 августа.
107. *Кузнецов, И. Д.* Из истории Чувашии / И. Д. Кузнецов. – М., 1933. – С. 27.
108. *Кузнецов, И. Д.* О книге проф. Н.В. Никольского / очерки из истории и историографии Чувашии // И. Д. Кузнецов. – Чебоксары, 1960. – С. 336–340.
109. *Кузнецов, И. Д.* О положении чувашского народа при царизме / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1960. – С. 128–130.
110. *Кутяшов, С. С.* Против национализма в чувашской этнографии / Советская этнография // С.С. Кутяшов. – Чебоксары, 1960. – С. 336–340.
111. *Кутяшов, С. С.* Этнография чуваш и чувашский национализм / С.С. Кутяшов. – Чебоксары, 1932. – С. 1–47.

112. *Леонтьев, А. П.* Возвращение профессора / А.П. Леонтьев. – Чебоксары, 2003. – 65 с.
113. *Леонтьев, А. П.* «Хыпар» – саманасен кёперё. – Хыпар. – 1996. – Февралён 9.
114. *Леонтьева, А. М.* К вопросу об исторических взглядах Н.В. Никольского / Исторический сборник // А.М. Леонтьева. – Чебоксары, 1966. – С. 310–320.
115. *Леонтьева, А. М.* К вопросу об исторических взглядах Н.В. Никольского / Ученые записки ЧНИИ. – вып. XXXI // А.М. Леонтьева. – Чебоксары, 1966. – С. 319.
116. *Леонтьева, А. М.* К истории высшего специального этнографического образования / А. М. Леонтьева // Советская этнография. – 1978. – № 2. – С. 53–62.
117. *Летопись* академической жизни за 1912/13 учебный год. – С. 239–240.
118. *Лихачев, Д. С.* Письма о добром / Д. С. Лихачев. – М., 1996. – С. 75.
119. *Лихачев, Б.Т.* Сущность, критерии и функции научной педагогики / Педагогика // Б.Т. Лихачев. – 1997. – № 6. – С. 21.
120. *Лихачев, Б.Т.* Философия воспитания / Б.Т. Лихачев. – М. : Прометей, 1996. – С. 46.
121. *Личный* состав имп. Казанского университета / Годичный акт в имп. Казанском университете 5 ноября 1903 года. – Казань, 1903. – С. 4–7.
122. *Луппов, П. Н.* Народное образование среди вотяков со времен первых известий о них до 1840-х годов / П. Н. Луппов. – Вятка, 1998. – 58 с.
123. *Луппов, П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века / П. Н. Луппов. – Вятка, 1911. – 568 с.
124. *Макаров, Д. М.* Некоторые вопросы христианизации чуваш (постановка вопроса) / Д. М. Макаров // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1970. – С. 116.
125. *Малое, С. Е.* Н. Ф. Катанов – проф. Казанского университета / С.Е. Малов // Николай Федорович Катанов : материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 48.
126. *Малов, Е. А.* О новокрещенских школах в XVII веке / Е. А. Малов // Православное обозрение. – 1868. – Июль. – С. 350–380.
127. *Малов, Е. А.* О чувашах / Е. А. Малов // Православный собеседник. – 1882. – Январь. – С. 40–73.
128. *Матвеев, Г.Б.* Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья / Г. Б. Матвеев // Никольский Н. В. : собрание сочинений. Т. 1. – Чебоксары, 2004. – С. 8–32.
129. *Маторин, Н. М.* Религия у народов Волжско-Камского края / Н. М. Маторин. – М., 1929. – С. 16.
130. *Машанов, М. А.* Мухаммеданский брак в сравнении с христианским браком. В отношении их влияния на семейную и общественную жизнь человека / М. А. Машанов. – Казань, 1876. – С. 41.

131. *Миллер, Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов / Г.Ф. Миллер. – СПб., 1971. – С. 70.
132. *Модвалевский, Л. Н.* О народности воспитания по Ушинскому / Л.Н. Модвалевский // Памяти К.Д. Ушинского. – СПб., 1896. – С. 162.
133. *Народное образование в казанской губернии.* Вып. 1. – Казань, 1905. – 211 с.
134. *Национальная доктрина развития образования в РФ // Директор школы.* – 2001. – № 1. – С. 99.
135. *Национальный проект «Образование» // Народная школа.* – 2007. – № 2.
136. *Н. В. Никольский* и чувашская гуманитарная наука XX века : материалы конференции. Посвященной 125-летию со дня рождения Н. В. Никольского. – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – 268 с.
137. *Никитина, Э. В.* Чувашский этноменталитет : сущность и особенности. – Чебоксары : Новое время, 2005. – 241 с.
138. *Николай Никольский* тата унан ёрсе́сем / «Хыпар» кёнеки, № 34–35. – Шупашкар, 1998.
139. *Никольский, Н. В.* Быт и верования мордвы Симбирской губернии в 1783 г. (из записок Мильковича) / Тамбовские епархиальные ведомости, 1905. – № 18. – С. 815–831.
140. *Никольский, Н. В.* Ваттисен самахёсем. Пословицы и поговорки. – Т. XXXI. – Вып. 4. – Казань : ИОАИЭ, 1921. – С. 334–336.
141. *Никольский, Н. В.* Василий Константинович Магницкий. – Т. XXX. – Вып. 2. – Казань : ИОАИЭ, 1919. – С. 239–242.
142. *Никольский, Н. В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность / Православный собеседник. – Казань, 1905, январь. – С. 179–188; 1905, февраль. – С. 362–370.
143. *Никольский, Н. В.* Вопросник по народному творчеству / Основы инородческого просвещения. – Казань, 1919. – С. 30–50.
144. *Никольский, Н. В.* Воспоминания о Н.Ф. Катанове / Николай Федорович Катанов : материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 168–170.
145. *Никольский, Н. В.* Каталог книг фундаментальной библиотеки Казанской учительской семинарии / Н. В. Никольский. – Казань, 1910.
146. *Никольский, Н. В.* К инородческому вопросу в царствование Екатерины II / Православный собеседник. – 1905, декабрь. – С. 675–677.
147. *Никольский, Н. В.* К истории христианского просвещения черемис в XIX веке. Материалы. Извлеченные из архива св. Синода и архива попечителя казанского учебного округа / Н. В. Никольский. – Казань, 1915. – С. 416.
148. *Никольский, Н. В.* К истории христианского просвещения черемис в XIX веке. – Казань : ИОАИЭ, 1915. – С. 1–75.
149. *Никольский, Н. В.* Конспект по истории христианского просвещения чуваш. – С. 31.
150. *Никольский, Н. В.* Конспект по истории народной музыки у народностей поволжья. – Казань, 1920. – 72 с.
151. *Никольский, Н. В.* Конспект по истории христианского просвещения чуваш. – Казань, 1909. – 36 с. Библиография. – С. 32–35.

152. *Никольский, Н. В.* Конспект по истории народностей Поволжья. – Казань, 1919. – 88 с.
153. *Никольский, Н. В.* Конспект по этнографии чуваш. – Казань, 1908. – 190 с.
154. *Никольский, Н. В.* Краткий конспект этнографии чуваш. – Казань, 1919. – 336 с.
155. *Никольский, Н. В.* Краткий конспект этнографии чуваш. – Казань : ИОАИЭ, 1911. – С. 511–624.
156. *Никольский, Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары, 1928. – 226 с.
157. *Никольский, Н. В.* Краткий обзор по этнографии чуваш / Первый всечувашский краеведческий съезд : тезисы докладов и резолюции. – Чебоксары, 1929. – С. 119–129.
158. *Никольский, Н. В.* Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. – Казань, 1912. – 322 с.
159. *Никольский, Н. В.* Народная медицина у инородцев Поволжья / Православный благовестник. – № 5–6. – М., 1915. – С. 126–139.
160. *Никольский, Н. В.* Народная медицина у чуваш. – Чебоксары, 1929. – 61 с.
161. *Никольский, Н. В.* Народное образование у чуваш / Н. В. Никольский. – Казань, 1906. – 86 с.
162. *Никольский, Н. В.* Народное образование у чуваш. Исторический очерк / Православный собеседник. – Казань, 1904, июль-август. – С. 209–228; 1904, ноябрь. – С. 861–881. – 82 с.
163. *Никольский, Н. В.* О пословицах чувашского народа / Вопросы чувашского языка : ученые записки ЧНИИ. – Вып. XVIII. – Чебоксары, 1958. – С. 120–143.
164. *Никольский, Н. В.* Основы инородческого просвещения / Н. В. Никольский. – Казань, 1915.
165. *Никольский, Н. В.* Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. / Н. В. Никольский. – Казань : Центр. Тип., 1905.
166. *Никольский, Н. В.* Печатные работы В. К. Магницкого (библиография). – Т. XXX. – Вып. 2. – Казань : ИОАИЭ, 1919. – С. 242–243.
167. *Никольский, Н. В.* Программа для собирания сведений о чувашах / Известия по Казанской епархии, № 3 // Н. В. Никольский. – 1904. – С. 63–72.
168. *Никольский, Н. В.* Программа для собирания сведений об инородцах Поволжья. – Т. XXIX. – Вып. 4. – Казань : ИОАИЭ, 1916. – С. 173–187.
169. *Никольский, Н. В.* Программа для собирания сведений о чувашах. – Казань, 1910. – С. 47–48.
170. *Никольский, Н. В.* Распространение христианства среди Нижегородских чуваш до 1917 г. / Н. В. Никольский. – Петроград, 1915. – 154 с.
171. *Никольский, Н. В.* Распространение христианства среди Нижегородских чуваш до 1964 г. / Н. В. Никольский. – Петроград, 1915. – 160 с.

172. *Никольский, Н. В.* Религиозно-нравственное состояние инородцев Поволжья / Инородческое обозрение (приложение к журн. «Православный собеседник» за декабрь). – Казань, 1912. – С. 3–5.

173. *Никольский, Н. В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев / Н.В. Никольский. – Казань, 1904. – 36 с.

174. *Никольский, Н. В.* Русско-чувашский словарь (Введение. Конспект по грамматике чувашского языка. – С. 3–17). – Казань, 1909. – 640 с.

175. *Никольский, Н. В.* Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / Н.В. Никольский. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 2004. – 527 с.

176. *Никольский, Н. В.* Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения / Н. В. Никольский. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 2007. – 447 с.

177. *Никольский, Н. В.* Сущность и значение этнографии местного края / Край Ильича, № 1. – Казань, 1926. – С. 18–20.

178. *Никольский, Н. В.* Статистические сведения о черемисах за 1911 год, с указанием литературы о них и изданий на черемисском языке. – Казань, 1912. – С. 61–88.

179. *Никольский, Н. В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVII–XVIII вв. : исторический очерк / Н. В. Никольский. – Казань, 1912. – С. 416.

180. *Никольский, Н. В.* Чем заняться летом? Программа для собирания этнографических сведений студентами и учащимися в каникулярное время. – Казань, 1914. – 3 с.

181. *Никольский, Н. В.* Что читать по истории, этнографии и археологии Поволжья? – Т. XXX. – Вып. 2. – Казань : ИОАИЭ, 1919. – С. 244.

182. *Никольский, Н. В.* Чуваша : материалы по изучению Татарстана : сборник статей. – Вып. 2. – Казань, 1925. – С. 167–172.

183. *Никольский, Н. В.* Школьное просвещение у чуваш в 1764–1800 гг. Исторический очерк / Православный собеседник. – Казань, 1905, июль. – С. 479–490; 1905, ноябрь. – С. 403–426. Отд. Отт. №№ 4,5: Народное образование у чуваш, 1906. – 86 с.

184. *Никольский, Н. В.* Этнографические заметки о чувашах Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. – Казань : ИОАИЭ, 1911. – Т. XXVII. – Вып. 4. – С 511–624.

185. *Никольский, Н. В.* Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах. – Казань : ИОАИЭ, 1906. – С. 8.

186. *Никольский, Н. В.* Юмахсем / Н.В. Никольский. – Чебоксары, 1960. –172 с.

187. *Никольский, Н. В.* Рукопись. – НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 161, 288, 291.

188. *Никольский, Н. В.* Чувашско-русский словарь. В 7 т. Объем ок. 50,0 авт. л. Составлен в 1903–1914 гг. – НА ЧГИГН. Отд. 1. Т. 257–263.

189. *Никольский, Н. В.* Экономический быт народностей Поволжья по крестьянским наказам в екатерининскую законодательную комиссию 1767 года : исследование. –1923 г. – 98 с.– НА ЧГИГН. Отд. 1. Т. 333.

190. *Никольский, Н. В.* Русско-латинско-чувашский словарь. Для медицинских работников в чувашских местностях. – 1926 г. – 484 с. – НА ЧГИГН. Отд. 1. Т. 278.

191. *Никольский, Н. В.* Чувашские пословицы на чувашском, русском и французском языках. Введение (исследование) и тексты 2862 пословицы. – 1938 г. – 526 л. – НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 53.

192. *Никольский, Н. В.* Известия иностранцев и путешественников по России о чувашском народе с древнейших времен по XIX век включительно. Введение, тексты, примечания. – 1941 г. – 547 с. – НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 43.

193. *Никольский, Н. В.* Прошлое чувашского народа от Великой Булгарии до Великой революции : исследование. – 1946 г. – 370 с. – НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 69.

194. *Никольский, Н. В.* История марийского народа с древнейших времен до XX века. – 1950 г. Т. I. – 551 с. Т. II. – 512 с. + 430 с. приложений источников; Т. III. – 384 с. Рукописный фонд библиотеки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Правительстве Республики Марий Эл. Оп. 1. Д. 144, 147, 148, 150.

195. *Никольский, Н. В.* Пословицы чувашского народа на чувашском и русском языках. Предисловие и тексты 2217 пословиц. – 1957 г. – 315 л. – НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 203.

196. *Никольский* Николай Васильевич (1878–1961) / Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. – М., 1974. – С. 225–226.

197. *Никольский Н. В.* (1878–1961) / Кого Чувашия чтит, кем Чувашия гордится : рекомендательный указатель литературы. – Чебоксары, 1974. – Вып. 2. – С. 15–16.

198. *Одюков, И. И.* Н. В. Никольский / Н. В. Никольский // Юмахсем. – Шупашкар, 1960. – С. 3–7.

199. *О пословицах чувашского народа* : вопросы чувашского языка и литературы. – Вып. XVIII. Чебоксары : УЗ ЧНИИ, 1958. – С. 120–143.

200. *Основатель «Хыпара»* профессор Николай Никольский // Хыпар-Дайджест, июнь, № 1. – 1997.

201. *Отчеты* о деятельности Общества изучения местного края Чувашской АССР за 1924–1926 годы. – Чебоксары, 1927. – С. 8–9, 17, 32.

202. *Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии.* – Чебоксары, 1985. – С. 187–188.

203. *Павлова, А. И.* Система Н. И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. – Чебоксары : Изд-во ЧГУ, 2004. – С. 85.

204. *Паллас, П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – Ч. 1. – СПб., 1773. – С. 145.

205. *Педагогический энциклопедический словарь.* – Науч. Издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – 528 с.

206. *Первый всечувашский краеведческий съезд* : тезисы докладов и резолюции. – Чебоксары, 1929. – С. 69–71, 97–98.

207. *Перетяткович, Т.* Поволжье в XV и XVI веке. – М., 1877. – С. 12.

208. *Петров, К. К.* Возникновение чувашской журналистики / К. К. Петров. – Чебоксары, 1983. – 78 с.
209. *Петров, К. К.* Никольский – основатель «Хыпара» // средства массовой информации России : история и современность. – Чебоксары, 1999. – С. 77–83.
210. *Петров, К. К.* Н.В. Никольские Хёвелтухаç консерваторийё // Хыпар, – 1993, сентябрэн 26.
211. *Петров, К. К.* Основатель газеты «Хыпар» // Ульяновец, 1996, 1 января.
212. *Петров, К. К.* «Хыпар» никёслевси / К. К. Петров. – Шупашкар, 1996. – 96 с.
213. *Петрова, Т. Н.* История воспитания и педагогической мысли чувашского народа в XV–XVI вв. / Т. Н. Петрова. – Чебоксары, 1996. – С. 102.
214. *Петрова, Т. Н.* История чувашской школы и педагогики в событиях и лицах / Т. Н. Петрова // Народная школа, № 5–6. – Чебоксары, 1998. – С. 111–112.
215. *Петрова, Т. Н.* Отстаивание национальной идеи : историческая этнопедагогика / Т. Н. Петрова. – М. : Прометей, 2000. – 201 с.
216. *Петрова, Т. Н.* Чувашская педагогика как факт мировой культуры. / Т. Н. Петрова. – Чебоксары, 1996. – 84 с.
217. *Петрова, Т. Н.* Чувашская педагогика как феномен мировой цивилизации / Т. Н. Петрова. – М. : Прометей, 2000. – 91 с.
218. *Петрова, Т. Н.* Школа и просвещение Чувашии в XVIII веке / Т. Н. Петрова. – Чебоксары, 1994. – 84 с.
219. *Периодическое сочинение об успехах народного просвещения XVIII в.* – М.. 1809. – С. 316–324.
220. *Печать Чувашской АССР.* – Чебоксары : Чув. кн. издат., 1957. – С. 4–5.
221. *Покровский, И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы / И. М. Покровский. – Казань, 1897.
222. *Поппе Н. Н.* О родственных отношениях чувашского и тюркско-татарских языков / Н. Н. Поппе. – Чебоксары, 1925. – С. 9.
223. *Портнов, К. П.* Н.В. Никольский – просветитель, основатель «Хыпар». – «Родная Волга», №4. 2005. – С. 70–71.
224. *Портнов, К. П.* Малалла Яковлев патне сёне Яковлевсемпе (В перед к Яковлеву с новыми Яковлевцами). – Этнопедагогический ежегодник. Сборник научных трудов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005, №1. – С. 249–252.
225. *Портнов, К. П.* Н.В. Никольский – последователь идей и дел Н.И. Золотницкого. – Сибирский педагогический журнал. Новосибирск. № 2. – 2008. – С. 330–333.
226. *Портнов, К. П.* Роль Н.В. Никольского в развитии родного языка. – Этнопедагогический ежегодник. Сборник научных трудов. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2007. №3. – С. 171-176.
227. *Портнов, К. П.* Унран вёренмелли нумай (Многому можно научиться у него). – «Чаваш тёнчи», №1. – 2004.

228. *Портнов, К. П.* Чаваш пуласлахё – ачасенче (Будущее чувашей в детях). – «Народная школа», №1. – 2005. – С.74–75.

229. *Портнов, К. П.* Чăвашлăх тымарсисем (Чувашские корни). И. Я. Яковлев и реализация его идей и наследия в современной многонациональной школе : сборник научных трудов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 99–102.

230. *Портнов, К. П.* Чаваш халăхĕн асчахёсем (Ученые чувашского народа). – Этнопедагогизация процесса обучения и воспитания в современном образовательном учреждении : сборник научных трудов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. – С.32–35

231. *Портнов, К. П.* Чĕлхемĕре хисеплеме Н.В. Никольскинчен вĕренесчĕ (Научимся уважать родной язык у Н.В. Никольского). – «Хыпар», № 172 от 29 августа. – 2003.

232. *Портнов, К. П.* Чунлăх тата кăмăллах тымарёсем. – «Завещание чувашскому народу» И.Я. Яковлева, как программа духовно-нравственного развития личности. Яковлевские чтения: сборник научных трудов. – Москва – Чебоксары: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2006. – С. 108–112.

233. *Послание Президента Чувашской Республики государственному Совету Чувашской Республики.* – Чебоксары, 2006. – С.3.

234. *Президентская программа «Новая школа» // Чаваш Ен.* – 1997. – № 6–7.

235. *Проблемы возрождения и развития чувашского языка : сборник научных статей.* – Чебоксары, 1993. – С. 36–38.

236. *Проблемы изучения научного наследия Н. В. Никольского : материалы конференции, посвященные 120-летию со дня рождения Н. В. Никольского.* – Чебоксары : ЧГИГН, 2002. – 307 с.

237. *Проблемы национального в развитии чувашского народа : сборник статей.* – Чебоксары : ЧГИГН, 1999. – 304 с.

238. *Протоколы общих собраний и заседаний совета ИОАИЭ за 1919 год.* – Казань, 1919. – С. 9, 12, 14.

239. *Протоколы общих собраний и заседаний совета ИОАИЭ за 1919 год.* – Казань, 1919. – С. 5–8.

240. *Протоколы общих собраний и заседаний совета ОАИЭ за 1911 год. Отчет Общества за 1911 год.* – Казань, 1911. – С. 38.

241. *Протокол 1-го общего собрания представителей мелких народностей Поволжья.* – Казань, 1917. – 49 с.

242. *Протокол 1-го общего собрания представителей мелких народностей Поволжья.* – Казань, 1917. – С.12.

243. *Протокол 1-го общего собрания представителей мелких народностей Поволжья / Актуальное национально-культурное обозрение.* – № 2. – Казань, 2000. – С. 46–55.

244. *Протоколы общих собраний ОАИЭ за 1905 год. Отчет Общества за 1905 год (Приложение к ИОАИЭ).* – Казань, 1906. – С. 7–9.

245. *Профессиональная этнопедагогика.* – Чебоксары : Чебоксарский институт экономики и менеджмента, 2004. – 89 с.

246. *Рукописный фонд Н. В. Никольского. Путеводитель.* – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – 402 с.

247. *Русские миссионеры у инородцев.* – СПб., 1905. – С. 17.
248. *Садохин, А. П.* Этнология / А. П. Садохин. – М., 2004. – 352 с.
249. *Сбоев, В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии / В. А. Сбоев. – Казань, 1856. – С. 18.
250. *Сборник документов и материалов по вопросу образования инородцев.* – СПб., 1869. – С. 4.
251. *Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев.* – СПб., 1869. – С. 115.
252. *Сидорова, Е.С. Н. В.* Никольский суралнаранпа 100 сул ситнэ май / Хатёр пул – 1978. – 5 №.– 28 с.
253. *Сидорова, Е.С. Н. В.* Никольский профессоран юбилейё / Таван Атл. – 1978. – 6 №. С. 113–116.
254. *Сидорова, Е. С.* О научном изучении фонда Н. В. Никольского / Е. С. Сидорова // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. – Чебоксары : ЧГИГН, 2002. – С. 43–49.
255. *Скворцов, М. И.* К основам общей концепции изучения чувашского языка и культуры в современных условиях. Вопросы изучения чувашского языка / М. И. Скворцов. – Чебоксары, 1993. – 282 с.
256. *Снегирев, И.* Русские народные притчи и пословицы / И. Снегирев. – М., 1848. – С. 17–19.
257. *Смирнов, И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань, 1890. – С. 9.
258. *Смирнов, И. Н.* Черемисы : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань, 1889. – 212 с.
259. *Смирнов, И. Н.* Черемисы. – Т. 8. Вып. 2. – Казань : ИОАИЭ, 1890. – С. 121.
260. *Стратегия развития образования в Чувашской Республике.* – Чебоксары, 2008. – 15 с.
261. *Сухомлинский, В. А.* Избранные педагогические сочинения. – В 3-х т. Т. 3. / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1981. – С. 489.
262. *Съезд сотрудников переводческой комиссии Православного миссионерского общества.* – Казань, 1905. – С. 19.
263. *Татарский энциклопедический словарь.* – Казань, 1999.
264. *Тихонов, А.* Палла тёпчевсе чысласа / Коммунизм ялавё. – 1978. – Майн 26.
265. *Улах :* сборник научных трудов. – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 1998. – 81 с.
266. *Ученые записки, изданные Казанским императорским университетом.* – Кн. I. – Казань, 1837.
267. *Ушинский и современные проблемы просвещения.* – Чебоксары, 1974. – С. 52.
268. *Ушинский, К. Д.* Собрание сочинений в 2-х томах. – Т. 2 / К. Д. Ушинский. – М. : Изд. Академии пед. наук РСФСР, 1948. – С. 162, 333, 344, 557.
269. *Федоров, Н. В.* Государство духовного просвещения / Народная школа, № 1. – 2006. – С. 4–6.
270. *Федотов, М. Р.* Исследователи чувашского языка / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1987. – С. 64–66.

271. *Фирсов, Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время / Н. А. Фирсов. – Казань, 1869. – С. 21.

272. *Фирсов, Н. Н.* Отзыв о научных трудах Н.В. Никольского. – НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 489, инв. 4535, л.120.

273. *Фирсов, Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве / Н.А. Фирсов. – Казань, 1866. – С. 15–17.

274. *Харлампович, К. В.* Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII / К. В. Харлампович. – Казань, 1903. – 214 с.

275. *Хлебников, В. В.* Творения / В. В. Хлебников. – М., 1987. – С. 648.

276. *Хрусталеv, А. Г.* Очерк распространения христианства между иноверцами казанского края / А. Г. Хрусталеv. – Казань, 1874. – 214 с.

277. *Хузангай, А. П.* И. Я. Яковлев и Н. В. Никольский / Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века / А. П. Хузангай. – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – С. 7–25.

278. «Хыпар» – первая чувашская газета. – Чебоксары, 2006. – С. 44.

279. «Хыпар» – первая чувашская газета : воспоминания Н. В. Никольского и комментарии / Книга «Хыпар». – Чебоксары, 2006. – 80 с.

280. *Хыпарçăсем* (Вестники). – Шупашкар, 1961. – 259 с.

281. *Чернышевский, Н. Г.* Полное собрание сочинений. – Т. III / Н. Г. Чернышевский. – М., 1947. – С. 183, 302.

282. *Çăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ «Хыпар».* 1906–2006 : воспоминания, документы. – Чебоксары : Чув. кн. издат., 2006. – 383 с.

283. Чувашская АССР к 40-летию Советской власти. – Чебоксары : Чув. гос. издат., 1957. – С. 210.

284. *Этнокультурные* процессы в Поволжье и Приуралье в Советскую эпоху (до середины 1980-х годов). – Чебоксары : ЧНИИ, 1991. – 242 с.

285. *Этнопедагогизация* процесса обучения и воспитания в современном образовательном учреждении : сборник научных статей. – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2005. – 205 с.

286. *Этнопедагогический манифест* И. Я. Яковлева. – Чебоксары : Чебоксарский институт экономики и менеджмента. 2003. – 62 с.

287. *Яковлев, И. Я.* Духовное завещание / И. Я. Яковлев. – М., 1992. – С. 14.

288. *Яковлев, И. Я.* Краткий словарь Симбирской чувашской учительской школы / И. Я. Яковлев. – Симбирск, 1908. – С. 5.

289. *Яковлев, И. Я.* Моя жизнь : воспоминания / И. Я. Яковлев. – М. : Республика, 1997. – 696 с.

290. *Яковлев И. Я.* О школьном образовании чуваш / Городской и сельский учитель. Вып. 5. – 1895.– С. 38.

291. *Яковлев, И. Я.* Становление системы образования чувашского народа : педагогические статьи / И. Я. Яковлев. – Чебоксары : ЧГУ, 2004. – С. 64.

Основные даты биографии Н.В. Никольского

- 7(19) мая 1878 г. – родился в д. Юрмекейкино Шуматовской волости Ядринского уезда (ныне Моргаушский Чувашской Республики) в крестьянской семье. Отец, Василий Никитович, чуваш, мать, Агрипина Степановна, русская.
- 1888–1893 – учеба в Чебоксарском духовном училище
- 1893–1899 – учеба в Казанской духовной семинарии
- 1899–1903 – учеба в Казанской духовной академии
- 1901–1903 – состоял студентом историко-филологического факультета Казанского университета
- 1903–1906 – помощник инспектора Казанской духовной семинарии
- 1903–1917 – преподаватель предмета «чувашский язык и соединенные с ним предметы» (история и этнография) на миссионерских курсах при Казанской духовной академии
- Декабрь 1906 – преподаватель истории Казанской учительской инородческой семинарии
- июнь 1910 – учитель чувашского языка (с уроками этнографии) Казанской духовной семинарии
- 1907–1916 – преподаватель казанской Земской учительской школы
- Май 1910–декабрь 1917 – защита магистерской диссертации «Христианство среди чуваш», советом Казанской духовной академии присуждена степень магистра и звание магистранта
- 1913 – приват-доцент Казанского императорского университета по курсу истории христианского просвещения
- член братства св. Гурия (с 1912 – член совета, с 1915 – секретарь совета)
- 1903–1917 – сотрудник переводческой комиссии Православного миссионерского общества (с 1906 – делопроизводства, с 1913 – секретарь)
- 5 января 1906 – редактор-издатель первой чувашской газеты «Хыпар»
- май 1906 – женьи́тба на дочери священника с. Большие Яуши (ныне Вурнарский район) Александре
- 4 июля 1903 – избран действительным членом Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете
- Март 1905 – член Совета общества
- 1912–1916 – секретарь совета и редактор Общества
- 1920–1923 – председатель секции этнографии Общества
- 1927–1931 – избран членом Церковного историко-архивного общества
- 1906 – секретарь Церковного историко-архивного общества
- с 1915 – утверждение советом императорского Московского университета Н.В. Никольского в степени доктора истории
- 24 июля 1916

- 1916 – избран действительным членом Русского географического общества
- Март 1917 – избран председателем Общества мелких народностей Поволжья
- Май 1917 – избран в состав губернской земской управы, заместитель председателя управы – заведующий отделом народного образования
- С июня 1917 – председатель управы
- до лета 1918 – профессор Казанского университета
- 1919–1922 (1929) – делегат I съезда поволжских университетов (г. Самара) от Казанского университета
- Сентябрь 1920 – преподаватель Казанского пединститута по курсу «Этнография народностей Поволжья»
- 1918–1922 – преподаватель Казанского пединститута по курсу «Этнография народностей Поволжья»
- 1919–июль 1922 – член совета, профессор казанского северо-археологического и этнографического института (15 декабря 1920 г. реорганизован в Восточную академию), преподаватель истории просвещения народов Северо-восточной России
- 1920–1922 – декан этнографического отделения Восточной академии
- Декабрь 1919– февраль 1922 – преподаватель истории музыки, истории народностей Поволжья и народной поэзии чувашей, профессор, председатель художественного совета Центральной восточной музыкальной школы консерватории в Казани
- Ноябрь 1921– февраль 1922 – директор Восточной консерватории
- 1920–1922 – преподаватель истории и этнографии народов Поволжья в высшем институте народного образования
- 1921 – преподаватель этнографии на татарских педкурсах
- Август 1922 – работа в Восточном пединституте, заведующий кафедрой этнографии, кабинетом чувашоведения, чувашским отделением
- апрель 1931 – преподаватель истории и этнографии народов Поволжья, читал курсы общей этнографии народов Поволжья, этнографии финно-угорских народов, этнографии и истории чувашского народа, чувашского языка, чувашской устной народной словесности, чувашской поэтики, географии и природных богатств, истории марийского народа
- Май 1928 – профессор кафедры истории, этнографии и фольклора, читал курсы общей этнографии народов Поволжья, этнографии финно-угорских народов, этнографии и истории чувашского народа, чувашского языка, чувашской устной народной словесности, чувашской поэтики, географии и природных богатств, истории марийского народа
- апрель 1931 – преподаватель истории и этнографии народов Поволжья, читал курсы общей этнографии народов Поволжья, этнографии финно-угорских народов, этнографии и истории чувашского народа, чувашского языка, чувашской устной народной словесности, чувашской поэтики, географии и природных богатств, истории марийского народа
- 1922–1926 – учеба в Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства (агрофак, заочно)
- 1920–начало 1930-х – ученый секретарь Казанского отделения Общества изучения чувашской культуры, член Обществ по изучению Татарстана, мариоведения, удмуртоведения
- 1931–1940 – пенсионер, внештатный научный сотрудник научно-исследовательских учреждений Чувашской, Татарской, Мордовской, Марийских автономных республик

1940–1950 Старший научный сотрудник МарНИИ
Март 1948 – – профессор Марийского государственного пединсти-
июнь 1950 тута
21 января – ученым советом Института этнографии АН СССР
1947 присуждена степень доктора исторических наук
1950–1961 – пенсионер, внештатный научный сотрудник чувашско-
го НИИ (27 ноября 1958 г. был утвержден внештатным
старшим научным сотрудником по сектору истории сро-
ком на 4 года)
Умер 2 ноября 1961 г. в г. Казань



Н.В. Никольский с женой Александрой Владимировной. Казань, 1907 г.



Н.В. Никольский и Н.И. Ашмарин (в середине) с учениками. Казань.



Н.В. Никольский с учениками учительской семинарии. Казань, 1909 г.



Чувашская делегация на I съезде народов Поволжья.
Н.В. Никольский в середине. 1917 г.



Н.В. Никольский в родной деревне. 1950 годы.



На могиле Н.В. Никольского. Казань.



Бюст Н.В. Никольского. Село Юрмекейкино Моргаушского района. 1996 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЛОВО ПЕРВОГО ЧИТАТЕЛЯ	стр. 5
ВВЕДЕНИЕ	9
ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н.В. НИКОЛЬСКОГО КАК НАРОДНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ	17
Социально-экономическое и образовательно-культурное поло- жение народов Поволжья конца XIX и начала XX веков в оценке Н.В. Никольского	17
Просветительско-педагогические идеи русских мыслителей в становлении личности Н.В. Никольского	32
Этнография и этнология – базис этнопедагогического наследия Н.В. Никольского	50
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО КАК ФЕ- НОМЕН ЧУВАШСКОЙ ЭТНОПЕДАГОГИКИ	61
Проблемы просвещения нерусских народов в трудах Н.В. Ни- кольского	61
Н.В. Никольский о родном языке как духовно-нравственном со- кровище народа	75
Газета Н.В. Никольского «Хыпар» – как организатор и вдохно- витель возрождения чувашского народа	90
ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	107
Устное народное творчество в системе Н.В. Никольского	107
Фонд Н.В. Никольского – богатейший источник для изучения просвещения народов России и развития этнопедагогики	128
Наследие Н.В. Никольского и его современное значение	152
БИБЛИОГРАФИЯ	160
ПРИЛОЖЕНИЕ	174

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПУБЛИЦИСТИКА
В. А. ЛЕОНТЬЕВА

Издательство
Историко-культурный институт

Издательство «Историко-культурный институт»
Секция «История»
Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»

Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»

Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»

Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»
Издательство «Историко-культурный институт»

Портнов Константин Петрович

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н.В. НИКОЛЬСКОГО**

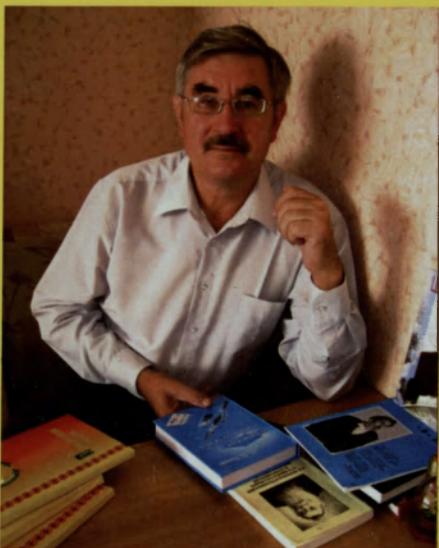
Научный редактор
профессор Т.Н. Петрова

Художественный редактор О.К. Портнова
Верстка О.Г. Петровой
Компьютерный набор И.Г. Слатининой
Корректура А.П. Скворцова и В.Д. Свеклова

Издатель – Всечувашская газета «Чувашский мир»
Лицензия № 77-18490 от 14.10.2004

Подписано в печать 25.07.08. Формат 60x84/16
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 1000 экз. Заказ № 105

Отпечатано на участке оперативной полиграфии ГОУ ВПО
«Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, К. Маркса, 38
© Портнов К.П.



ПОРТНОВ Константин Петрович

Родился 3 декабря 1956 года в селе Янтиково Яльчикского района Чувашской АССР. В 1964-1974 годах учился в Янтиковской средней школе. В октябре 1974 года сельчане избрали (не назначен!) директором Дома культуры. Через год был приглашен на работу в редакцию районной газеты «Колхоз ялавё» («Знамя колхоза»).

В 1977 году поступил учиться на историко-филологический факультет Чувашского государственного университета. Во время прохождения летней практики в республиканской газете «Коммунизм ялавё» («Знамя коммунизма») главный редактор Д.Ф. Семенов предложил студенту-очнику перейти на профессиональную журналистскую работу и продолжить учебу на заочном отделении. В редакции газеты трудился с 1980 по 1991 годы. Во время работы в редакции он был инициатором и организатором периодического издания газеты областного совета профсоюзов «Профсоюзный вестник». Впоследствии, в 1991 году, он был приглашен в качестве главного редактора в профсоюзную газету.

Со дня организации Чувашского национального конгресса он неоднократно избирался в его руководящие органы. В настоящее время является членом Большого Совета и президиума ЧНК, работает председателем исполкома. Он инициатор издания и редактор Всечувашской газеты «Чаваш тёнчи» («Чувашский мир»), которая распространяется во всех чувашских диаспорах мира.

С 1991 года занята научно-исследовательской деятельностью. Постоянно печатается в научных изданиях, имеет более 50 публикаций. Выступал и выступает на научно-практических конференциях, симпозиумах, чтениях в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Магнитогорске, Самаре, Ульяновске и других городах. Является одним из организаторов конференций, встреч ученых и других научно-исследовательских мероприятий в Чувашской Республике по вопросам этнопедагогики.